

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

НА ТЁПЛОЙ
ЗЕМЛЕ

Scan Kreyder - 17.12.2019 - STERLITAMAK

*Избранные
произведения
для детей
и юношества*

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

НА ТЕПЛОЙ
ЗЕМЛЕ

РАССКАЗЫ

МОСКВА

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1988

Рисунки
Л. КУЗНЕЦОВА

Соколов-Микитов И. С.
C59 На теплой земле: Рассказы / Предисл. К. Жеховой; Рис. Л. Кузнецова. — М.: Дет. лит., 1988. — 320 с., ил. — (Золотая б-ка).

В пер.: 85 к.

Книга написана в лучших традициях советской литературы, рассказывает о русской природе — о деревьях, травах, цветах, о птицах и животных, обитателях наших лесов.

C $\frac{4803010102-038}{M101(03)-88}$ 373—87

P2

И. С. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

(1892—1975)

Шестьдесят лет активной творческой деятельности в наше бурное время, ставшее свидетелем стольких событий и потрясений,— таков итог жизни замечательного советского писателя Ивана Сергеевича Соколова-Микитова.

Детство его прошло на Смоленщине, с ее милой, истинно русской природой. В те времена в деревне еще сохранялся старинный быт и уклад. Первыми впечатлениями мальчика были праздничные гулянья, деревенские ярмарки. Именно тогда органически сросся он с родной землей, с ее бессмертной красотой.

Когда Ване исполнилось десять лет, его отдали в реальное училище. К сожалению, это заведение отличалось казенщиной, и учение шло плохо. Весной запахи пробудившейся зелени неудержимо влекли мальчика за Днепр, на его берега, покрывшиеся нежной дымкой распустившейся листвы.

Из пятого класса училища Соколов-Микитов был исключен «по подозрению в принадлежности к ученическим революционным организациям». Поступить с «волчьим билетом» куда-либо было невозможно. Единственным учебным заведением, где не требовалось свидетельства о благонадежности, оказались петербургские частные сельскохозяйственные курсы, куда через год он смог попасть, хотя, как признавался писатель, большого влечения к сельскому хозяйству он не испытывал, как, впрочем, и не испытывал он никогда влечения к оседлости, собственности, домохозяйству...

Скучные курсовые занятия вскоре оказались не по душе Соколову-Микитову — человеку с беспокойным, неусидчивым характером. Устроившись в Ревеле (ныне Таллин) на пароходе торгового флота, он в течение нескольких лет скитался по белу свету. Видел многие города и страны, побывал в европейских, азиатских и африканских портах, близко сошелся с трудовыми людьми.

Первая мировая война застала Соколова-Микитова на чужбине. С большим трудом добрался он из Греции на родину, а потом ушел добровольцем на фронт, летал на первом русском бомбардировщике «Илья Муромец», служил в санитарных отрядах.

В Петрограде встретил Октябрьскую революцию, затаив дыхание слушал в Таврическом дворце выступление В. И. Ленина. В редакции «Новой жизни» познакомился с Максимом Горьким и другими писателями. В эти переломные для страны годы Иван Сергеевич становится профессиональным литератором.

После революции — недолгая работа учителем единой трудовой школы в родных смоленских местах. К этому времени Соколов-Микитов уже опубликовал первые рассказы, замеченные такими мастерами, как Бунин и Куприн.

«Теплая земля» — так назвал писатель одну из своих

первых книг. И более точное, более емкое название найти было бы трудно! Ведь эта родная русская земля действительно теплая, потому что она согрета теплом человеческого труда и любви.

Ко времени первых полярных экспедиций относятся его рассказы о походах флагманов ледокольного флота «Георгий Седов» и «Малыгин», положивших начало освоению Северного морского пути. На одном из островов Северного Ледовитого океана именем Ивана Сергеевича Соколова-Микитова была названа бухта, где он нашел буёк погибшей экспедиции Циглера, судьба которой до того момента была неизвестна.

Несколько зим провел он на берегах Каспия, путешествовал по Кольскому и Таймырскому полуостровам, Закавказью, горам Тянь-Шаня, Северному и Мурманскому краям. Он бродил по дремучей тайге, видел степь и знойную пустыню, исколесил все Подмосковье. Каждая такая поездка не только обогащала его новыми мыслями и переживаниями, но и запечатлевалась им в новых произведениях.

Сотни рассказов и повестей, очерков и зарисовок подарил людям этот человек доброго таланта. Богатством и щедростью души озарены страницы его книг.

Известный большевик, редактор газеты «Известия» И. И. Скворцов-Степанов говорил своим сотрудникам: «Как только получите что-либо от Ивана Сергеевича, сейчас же пересылайте мне. Люблю читать его, превосходный писатель».

Творчество Соколова-Микитова близко и к аксаковской, и к тургеневской, и к бунинской манере. Однако в его произведениях сквозит свой особый мир: не стороннее наблюдательство, а живое общение с окружающей жизнью.

Об Иване Сергеевиче в энциклопедии написано: «Рус-

ский советский писатель, моряк, путешественник, охотник, этнограф». И хотя дальше стоит точка, но список этот можно было бы продолжить: учитель, революционер, солдат, журналист, полярник.

Книги Соколова-Микитова написаны певучим, богатым и в то же время очень простым языком, тем самым, которому писатель научился еще в детские годы.

В одной из автобиографических заметок он писал: «Я родился и рос в простой трудовой русской семье, среди лесных просторов Смоленщины, чудесной и очень женственной ее природы. Первые услышанные мною слова — были народные яркие слова, первая музыка, которую я услышал, — народные песни, которыми был некогда вдохновлен композитор Глинка».

В поисках новых изобразительных средств писатель еще в двадцатые годы обращается к своеобразному жанру кратких (не коротких, а именно кратких) рассказов, которые удачно окрестил былицами.

Неискушенному читателю эти былицы могут показаться простыми заметками из записной книжки, сделанными на ходу, на память о поразивших его событиях и характерах.

Лучшие образцы таких кратких невыдуманных рассказов мы уже видели у Льва Толстого, Бунина, Вересаева, Пришвина.

Соколов-Микитов в своих былицах идет не только от литературной традиции, но и от народного творчества, от непосредственности устных рассказов.

Для его былиц «Рыжие и вороны», «Себе на гроб», «Страшный карлик», «Разженихи» и других характерна необычайная емкость и меткость речи. Даже в так называемых «охотничьих рассказах» у него на первом плане человек. Здесь он продолжает лучшие традиции Аксакова и Тургенева.

Читая его небольшие рассказы про смоленские места

(«На речке Невестнице») или про птичьи зимовья на юге страны («Ленкорань»), невольно проникаешься возвышенными ощущениями и мыслями, что чувство восхищения родной природой переходит в нечто другое, более благородное, — в чувство патриотизма.

«Творчество его, имея истоком малую родину (то есть Смоленщину), принадлежит большой Родине, великой советской земле с ее необъятными просторами, неисчислимыми богатствами и разнообразной красотой — от севера до юга, от Балтики до Тихоокеанского побережья», — говорил о Соколове-Микитове А. Т. Твардовский.

Не все люди способны чувствовать и понимать природу в органической связи с человеческим настроением, а просто и мудро живописать природу могут лишь немногие. Столь редким даром обладал Соколов-Микитов. Это чувство любви к природе и к людям, живущим с ней в дружбе, он умел передать и совсем юному своему читателю. Нашей дошкольной и школьной детворе давно полюбились его книжки: «Кузовок», «Домик в лесу», «Лисьи увертки»... А как живописны его рассказы об охоте: «На глухарином току», «На тяге», «Первая охота» и другие. Читаешь их, и кажется, что ты сам стоишь на лесной опушке и, затаив дыхание, следишь за величественным полетом вальдшнепа или в ранний, предрассветный час прислушиваешься к загадочной и волшебной песне глухаря...

Писательница Ольга Форш как-то сказала: «Читаешь Микитова и ждешь: вот-вот застучит над головой дятел или выскочит зайчишка из-под стола: как это у него здорово, по-настоящему рассказано!»

Когда идет речь о мире животных и растений, то каждая строчка его пронизана мудрой простотой, счастливым сочетанием психологического рисунка образа героя. В изображении природы Соколов-Микитов, бесспорно, унаследовал и развил замечательные традиции русского искус-

ства — искусства Левитана и Шишкина, Тургенева и Бунина.

Творчество Соколова-Микитова автобиографично, но не в том смысле, что он писал только о себе, а потому, что рассказывал всегда и обо всем как очевидец и участник тех или иных событий. Это придает его произведениям почти поэтическую убедительность и ту документальную достоверность, которые так привлекают читателя.

«Мне посчастливилось сблизиться с Иваном Сергеевичем в ранние годы его литературной работы, — вспоминает К. А. Федин. — Это было вскоре после гражданской войны. На протяжении полувека он настолько посвящал меня в свою жизнь, что мне иногда кажется — она стала моей.

Он никогда не задавался целью написать подробно свою биографию. Но он из тех редких художников, жизнь которых как бы сложила собою все, что им написано».

Калерия Жехова

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

ВОСХОД СОЛНЦА

Еще в раннем детстве доводилось мне любоваться восходом солнца. Весенним ранним утром, в праздничный день, мать иногда будила меня, на руках подносила к окну:

— Посмотри, как солнце играет!

За стволами старых лип огромный пылающий шар поднимался над проснувшейся землею. Казалось, он раздувался, сиял радостным светом, играл, улыбался. Детская душа моя ликовала. На всю жизнь запомнилось мне лицо матери, освещенное лучами восходящего солнца.

В зрелом возрасте много раз наблюдал я восход солнца. Я встречал его в лесу, когда перед рассветом проходит вверху над макушками предутренний ветер, одна за другою гаснут в небе чистые звезды, четче и четче обозначаются на посветлевшем небе черные вершины. На траве

лежит роса. Множеством блестков сверкает растянута в лесу паутина. Чист и прозрачен воздух. Росистым утром, смолою пахнет в густом лесу.

Видел восход солнца над родными полями, над зеленеющим, покрытым росой лугом, над серебряной гладью реки. В прохладном зеркале воды отражаются побледневшие утренние звезды, тонкий серп месяца. На востоке разгорается заря, и вода кажется розовой. Как бы в парной легкой дымке под пение бесчисленных птиц поднимается над землю солнце. Точно живое дыхание земли, легкий золотистый туман стелется над полями, над недвижной лентой реки. Все выше поднимается солнце. Прохладная прозрачная роса на лугах сияет алмазной россыпью.

Наблюдал появление солнца в морозное зимнее утро, когда нестерпимо сияли глубокие снега, рассыпался с деревьев легкий морозный иней. Любовался восходом в высоких горах Тянь-Шаня и Кавказа, покрытых сверкающими ледниками.

Особенно хорош восход солнца над океаном. Будучи моряком, стоя на вахте, много раз наблюдал я, как восходящее солнце меняет свой цвет: то раздувается пылающим шаром, то закрывается туманом или далекими облаками. И все вокруг внезапно меняется. Иными кажутся далекие берега, гребни набегающих волн. Изменяется цвет самого неба, золотисто-голубым шатром покрывающего бескрайнее море. Пена на гребнях волн кажется золотою. Золотыми кажутся летящие за кормою чайки. Алым золотом отсвечивают мачты, блестит крашеный борт корабля. Стоишь, бывало, на вахте на носу парохода, несказанной радостью наполняется сердце.

Рождается новый день! Сколько встреч и приключений сулит он молодому счастливому моряку?

Жители больших городов редко любят восход солнца. Высокие каменные громады городских домов закрывают горизонт. Даже сельские жители просыпают короткий час восхода солнца, начало дня. Но в живом мире природы все пробуждается. На опушках леса, над озаренной водою громко поют соловьи. Вздвигаются с полей в небо, исчезая в лучах рассвета, легкие жаворонки. Радостно кукуют кукушки, свистят дрозды.

Только моряки, охотники — люди, тесно связанные с матерью-землею, знают радость торжественного солнечного восхода, когда на земле пробуждается жизнь.

Друзья мои читатели, очень советую вам любоваться восходом солнца, чистой ранней утренней зарею. Вы почувствуете, как свежей радостью наполняется ваше сердце. В природе нет ничего прелестнее раннего утра, утренней ранней зари, когда материнским дыханием дышит земля и жизнь пробуждается.

РУССКАЯ ЗИМА

Хороши, чисты русские снежные зимы. Глубокие сверкают на солнце сугробы. Скрылись подо льдом большие и малые реки. В морозное тихое утро над крышами деревенских домов столбами поднимается в небо дым. Под снежной шубой, набирая силу, отдыхает земля.

Тихи и светлы зимние ночи. Обливая снега тонким светом, сияет луна. В лунном свете мерцают поля, вершины деревьев. Хорошо видна накатанная зимняя дорога. Темны тени в лесу. Крепок зимний ночной мороз, потрескивают в лесу стволы деревьев. Высокие звезды рассыпаны по небу. Ярко светит Большая Медведица с ясной Полярной звездой, указывающей на север. От края до края протянулся по небу Млечный Путь — загадочная небесная дорога. В Млечном Пути распростер свои крылья Лебедь — большое созвездие.

Что-то фантастическое, сказочное есть в лунной зимней ночи. Вспоминаются пушкинские стихи, гоголевские рассказы, Толстой, Бунин. Кому приходилось ездить лунной ночью по зимним проселочным дорогам, наверное, вспомнит свои впечатления.

А как хороши зимний рассвет, утренняя заря, когда покрытые снегом поля, пригорки освещают золотые лучи восходящего солнца и заблестит, засверкает ослепительная белизна! Необыкновенны русская зима, яркие зимние дни, лунные светлые ночи!

Некогда бродили по снежным полям и дорогам голодные волки; пробегали, оставляя на снегу тонкие цепочки следов, лисицы, разыскивая спрятавшихся под снегом мышей. Даже днем можно было увидеть в поле мышкующую лисицу. Неся над снегом пушистый хвост, пробегала она по полям и перелескам, острым слухом чужала спрятавшихся под снегом мышей.

Чудесны зимние солнечные дни. Раздолье лыжникам, бегущим на легких лыжах по скольз-

кому снегу. Я не любил проторенных лыжниками лыжней. Возле такой лыжни, где цепочкой бежит человек за человеком, трудно увидеть зверя или лесную птицу. На лыжах я один уходил в лес. Лыжи ходко, почти неслышно скользят по нетронутому снегу. В высокое небо возносятся сосны свои кудрявые побелевшие вершины. На зеленых колючих ветвях развесистых елей лежит белый снег. Под тяжестью инея в дугу согнулись молодые высокие березки. Темные муравьиные кучи покрыты снегом. В них зимуют черные муравьи.

Полон жизни зимний, казалось бы, мертвый лес.

Вот простучал на сухом дереве дятел. Неся в клюве шишку, пестрым платочком перелетел на другое место — к своей «кузнице», устроенной в развилине старого пня, ловко вправил шишку в свой верстак и стал долбить клювом. Во все стороны полетели смолистые чешуйки. Вокруг пня валяется много расклеванных шишек. С дерева на дерево перепрыгнула шустрая белочка. Большая белая снежная шапка упала с дерева, рассыпалась снежной пылью.

На краю леса можно увидеть сидящих на березах черных тетеревов. Зимой они кормятся почками берез. Бродя по снегу, собирают черные ягоды можжевельника. Крестообразными следами тетеревиных лап исписана между кустами поверхность снега. В студеные зимние дни тетерева, падая с берез, зарываются в снег, в глубокие лунки. Счастливому лыжнику иногда удастся поднять спрятавшихся в снежных лунках тетеревов. Один за другим в алмазной снежной

пыли вылетают птицы из глубокого снега. Остановишься, любуясь дивным зрелищем.

Много чудес можно увидеть в зимнем спящем лесу. С шумом пролетит рябчик или поднимется тяжелый глухарь. Всю зиму глухари кормятся на молодых соснах жесткой хвоей. Возятся под снегом лесные мыши. Спят под корнями деревьев ежи. Бегают по деревьям, гоняясь за белками, злые куницы. Стайка красногрудых веселых клестов, роняя снежную навись, с приятным свистом расселась на покрытых смолистыми шишками ветвях ели. Стоишь и любишься, как быстро и ловко теребят они тяжелые шишки, добывая из них семена. От дерева к дереву тянется легкий следок белки. Цепляясь по сучьям, сверху сорвалась, упала к ногам обглоданная шишка. Подняв голову, вижу, как закачалась, освободившись от тяжести, ветка, как перемахнула, затаилась в густой вершине проворная лесная проказница. Где-то в дремучем лесу спят в своих берлогах почти непробудным сном медведи. Чем сильнее мороз, тем крепче спит медведь. Бродят в осиннике рогатые лоси.

Затейливой грамотой звериных и птичьих следов исписана поверхность глубоких сугробов. Ночью здесь пробежал жировавший в осиннике заяц-беляк, оставил на снегу круглые орешки помета. Зайцы-русаки ночами бегают по полям, откапывают хлебную озимь, оставляют на снегу путанные следы. Нет-нет присядет на задние лапы, подняв уши, слушает далекий лай собак. Под утро зайцы скрываются в лесу. Они сдваивают и страивают свои следы, делают длинные смётки, ложатся где-нибудь под кустом или еловой ве-

твью, головой к своему следу. Трудно увидеть залегшего в снегу зайца: он первый замечает человека и быстро убегает.

Возле деревень и старинных парков видишь раздувшихся краснозобых снегирей, а у самых домов попискивают шустрые смелые синички. Случается, что в морозный день синицы залетают в открытые форточки или в сени домов. Я приручал залетавших в мой маленький домик синиц, и они быстро в нем обживались.

С дерева на дерево перелетают оставшиеся зимовать вороны. Бабьими голосами перекликаются сероголовые галки. Вот под самое окно прилетел, уселся на дереве поползень, удивительная птица, умеющая ползать по стволу вниз головой. Иногда поползень подобно синицам залетает в открытую форточку. Если не шевелиться, не пугать его, он влетит на кухню, будет подбирать хлебные крошки. Птицам голодно зимою. Они добывают корм в щелях древесной коры. Снегири питаются семенами зазимовавших над снегом растений, ягодами шиповника, держатся возле хлебных сараев.

Кажется, подо льдом застыла, спит река. Но на льду у лунок сидят рыболовы. Им не страшны мороз, холодный, пронизывающий ветер. У заядлых рыболовов стынут от холода руки, но на крючок попадают мелкие окуни. Зимою мечут икру налимы. Они охотятся на задремавших рыбок. Искусные рыболовы ловят зимою налимов в расставленные верши и норотá, еловыми ветвями загораживают реку. Ловят налимов зимой и на крючки, на приманку. В Новгородской области я знал старого рыболова, приносившего мне каж-

дый день живых налимов. Вкусна налимья уха и печенка. Но мало, к сожалению, осталось в загрязненных реках налимов, любящих чистую воду.

А как хороши зимою покрытые льдом и снегом лесные озерки, застывшие малые реки, в которых продолжается невидимая глазу жизнь! Хороши зимою осиновые деревья с тончайшим кружевом своих голых ветвей на фоне темного елового леса. Кое-где краснеют в лесу на рябине зазимовавшие ягоды, висят яркие гроздья калины.

МАРТ В ЛЕСУ

В богатствах календаря русской природы март числится первым месяцем весны, радостным праздником света. Уже кончился холодный, вьюжный февраль — «кривые дороги», как называют его в народе. По народному меткому слову, еще «зима зубы показывает». В первых числах марта нередко возвращаются морозы. Но все длиннее дни, раньше и раньше восходит над снежной сверкающей пеленой весеннее яркое солнце. В лесах и на поле нетронуты лежат глубокие сугробы. Выйдешь на лыжах — такая засверкает вокруг нестерпимая белизна!

По-весеннему пахнет воздух. Отбрасывая на снег лиловые тени, недвижно стоят в лесу деревья. Прозрачно и чисто небо с высокими легкими облаками. Под темными елями ноздреватый снег обсыпан опавшей хвоей. Чуткое ухо ловит

первые знакомые звуки весны. Вот почти над самой головой послышалась звонкая барабанная трель. Нет, это не скрип старого дерева, как обычно думают городские неопытные люди, оказавшись в лесу ранней весной. Это, выбрав сухое звонкое дерево, по-весеннему барабанит лесной музыкант — пестрый дятел. Если прислушаться хорошенько, непременно услышишь: там и там в лесу, ближе и дальше, как бы перекликаясь, торжественно звучат барабаны. Так барабанщики-дятлы приветствуют приход весны.

Вот, прогретая лучами мартовского солнца, сама собой свалилась с макушки дерева, рассыпалась снежной пылью тяжелая белая шапка. И, точно живая, долго колыхается, как бы машет рукой, зеленая ветка, освобожденная от зимних оков. Стайка клестов-еловиков, весело пересвистываясь, широким красно-брусничным ожерельем рассыпалась по увешанным шишками вершинам елей. Лишь немногие наблюдательные люди знают, что эти веселые, общительные птички всю зиму проводят в хвойных лесах. В самую лютую стужу они искусно устраивают в густых сучьях теплые гнезда, выводят и выкармливают птенцов. Опершись на лыжные палки, долго любишься, как шустрые птички своими кривыми клювами теребят шишки, выбирая из них семена, как, кружась в воздухе, тихо сыплются на снег легкие шелушинки.

Почти невидной и неслышной жизнью, доступной лишь зоркому глазу и чуткому уху, живет в эту пору едва пробудившийся лес. Вот, уронив обгрызенную шишку, взвершилась на дерево легкая белка. Прыгая с сучка на сучок, над са-

мым сугробом уже по-весеннему тенькают синички. Мелькнув за стволами деревьев, неслышно пролетит и исчезнет рыжеватая сойка. Вспорхнет, прогремит и скроется в глубине лесного заросшего оврага пугливый рябчик.

Освещенные лучами солнца, высятся бронзовые стволы сосен, в самое небо вознося свои раскидистые вершины. В тончайшее кружево сплелись зеленоватые ветки голых осин. Пахнет озоном, смолою, багульником, жесткие вечнозеленые ветки которого уже показались из распавшегося сугроба у пригретого мартовским солнцем высокого пня.

Празднично, чисто в освещенном лесу. Яркие пятна света лежат на ветвях, на стволах деревьев, на слежавшихся плотных сугробах. Скользя на лыжах, выйдешь, бывало, на солнечную, сверкающую, окруженную березовым лесом поляну. Нежданно-негаданно, почти из-под самых ног, в алмазной снежной пыли начинают вырываться из лунок тетерева. Все утро кормились они на развесистых, усыпанных почками березах. Один за другим вылетают отдыхавшие в снегу краснобровые черные косачи, желтовато-серые самки-тетерки.

В ясные дни по утрам уже можно услышать первое весеннее бормотание токующих косачей. В морозном воздухе далеко слышны их гулкие голоса. Но еще не скоро начнется настоящий весенний ток. Это лишь пробуют силы, точат оружие закованные в черные латы краснобровые бойцы.

На глухих сосновых болотах готовятся к весеннему току глухаря-мошники. В глубоком сне-

гу, в осиновых и сосновых зарослях, держатся лоси. Трудно увидеть чуткого лося, но бывает и так: спасаясь от злых браконьеров, лоси выходят к людным дорогам, на окраины селений и городов.

Чудесны лунные мартовские ночи! Крепким настом покрыты снега. Можно без лыж идти по хрустящему снежному паркету.

Сказочным кажется ночной лес. Иные, ночные, слышатся звуки и голоса. Вот гугукнула, пролетая, сова, далеко-далеко отозвались ей другие невидимки-совы. Пискнув тихонько, лесная мышь пробежала по снегу, скрылась под пнем в сугробе. Опушкой леса пробежала осторожная лисица. В светлые лунные ночи выходят на поля жировать русаки.

Еще спят в своих теплых норах и берлогах барсуки и медведи. Но в ясные мартовские дни все чаще просыпается медведь. Подрастают в берлогах родившиеся зимою медвежата.

Настоящая весна приходит в середине марта. В городах и поселках течет с крыш, висят длинные сосульки. Радостно, по-весеннему чирикают воробьи. На лесных тропинках проваливается под ногами снег.

А где-то, на далеком юге, уже цветут сады, давно начался сев. Многотысячная армия пролетных птиц готовится в дорогу. Из далекой Африки, с берегов Южного Каспия отправляются птицы в далекий путь. Первыми прилетают близкие гости — грачи. В старых парках на высоких деревьях ладят они свои гнезда, шумом и гамом наполняя окрестности. За грачами прилетят скоро скворцы, покажутся на весенних проталинах первые жаворонки.

С каждым днем сильнее греет солнце. Бегут под снегом весенние ручейки. Скоро придет апрель — самый шумный месяц вешней воды, пробуждения земли, бурного движения соков.

ЗВУКИ ВЕСНЫ

Месяц апрель — «зажги снега, заиграй овражки». Так говорится в народной пословице.

Это значит: последний снег с полей сходит, звенят по оврагам ручьи, ломают зимний лед реки.

Весною пахнет пробудившаяся от зимнего сна земля.

Надуваются в лесу у деревьев смолистые душистые почки.

Уже прилетели, расхаживают по полям и дорогам белоносые грачи. Распевают, греясь на солнышке, весенние веселые гости — скворцы. С песнями поднимаются с полей высоко в небо голосистые жаворонки.

Наступает особенный торжественный час в русской природе. Как бы до самого неба распахнутся невидимые голубые ворота. Вместе с полой водой покажутся косяки пролетных птиц. От теплого юга до студеного моря, над всей обширной страной, будут слышны их весенние веселые голоса.

Над полями и лесами, над широкими реками и голубыми озерами летят птицы, возвращаясь на свою родину. Высоко в небе, распахнув белые крылья, пролетают на север прекрасные лебеди,

стройными косяками тянут гуси, курлыкают журавли. На реках и озерах, наполненных вешней водою, отдыхают и кормятся дикие утки.

Множество птиц пролетает даже над шумными многолюдными городами. Выйди на берег реки, хорошенько послушай! Чуткое ухо услышит в освещенном заревом городском небе свист бесчисленных крыльев, далекие птичьи голоса...

Для чуткого, внимательного охотника, умеющего хорошо видеть и слышать, особенную прелесть представляет богатство звуков и голосов в лесу. Необычайно разнообразны эти лесные звуки весною. Вот с надломанной ветки березы упала прозрачная капля — послышался тонкий, хрустальный звон. Под напором жизненных соков сам собою шевельнулся вытянутый в стрелку листок, и чуткому уху охотника уже чудится шепот проснувшейся земли. Тысячи таких звуков рождаются весною в ожившем лесу. От пенька на пенек пробежала, тоненько пискнула мышь; поднявшись с земли, прогудел, стукнулся о березу и грузно упал неповоротливый жук. Сидя на стволе засохшего дерева, дятел пустил звонкую барабанную трель. На макушке березы, покрывшейся дымкой молодой листвы, громко кукует кукушка и, точно поперхнувшись, неожиданно вдруг умолкает. Окруженный золотым сиянием солнца, на самой вершине голого дуба, важно надувая зоб, воркует дикий голубь-витютень. «На ду-у-убе сажу! На ду-у-убе сажу!» — далеко-далеко разносится глухое его воркованье. Справа и слева на своих звонких свирелях разливаются певчие дрозды, а в глухой еловой чаще тихо попискивает рябчик.

Обманывая слух, под прозрачной коркой льда журчит весенний ручей, и, вторя ему, на лесных обсохших полянах бормочут тетерева-косачи. На закате солнца страшно ухнет филин в лесу, гугукнет — гу-гу-гуу! — бесшумно пролетая, сова, и со всех сторон отзовутся ей, праздная весну, зайцы. А в холодных прозрачных лужах неустанно «турлычут» лягушки.

Шелестя сухими травинками, бегают по обсохшим кочкам быстрые муравьи, днем на пригреве жужжат весенние быстрые мухи. Вылетев из зимнего убежища, басом прогудит шмель. И уж тянет, тянет над ухом охотника свою нудную песенку первый комар...

Только в глухую полночь все примолкает в весеннем лесу. Отойдешь, бывало, от тихо потрескивающего костра, освещающего стволы и ветви ближних деревьев. Глухая, беззвучная накроет тебя тишина. Цепляясь по веткам, долго падает на землю оторвавшийся сухой сучок. Прошуршит под ногами мышь, провоюют на болоте голодные бессонные волки. И опять тихо, недвижно в темном лесу. Тихо потрескивает костер, колышутся над огнем лохматые еловые ветви, развалясь у огня на смолистой постели, беззаботно похрапывает товарищ охотник...

Тот, кто ночевал много раз у костра в лесу, никогда не забудет охотничьи весенние ночлеги. Чудесно наступает предутренний час в лесу. Кажется, невидимый дирижер поднял волшебную палочку, и по его знаку начинается прекрасная симфония утра. Подчиняясь палочке невидимого дирижера, одна за другою гаснут над лесом звезды. Нарастая и замирая в макушках деревьев,

над головами охотников проносится предрассветный ветер. Как бы включаясь в музыку утра, слышится пение первой проснувшейся птички — зорянки. Тихий знакомый слышится звук: «Хорррр, хорррр, цвиу! Хорррр, хорррр, цвиу!» — это тянет над утренним лесом вальдшнеп — лесной длинноклювый кулик.

Из тысячи лесных звуков чуткое ухо охотника уже ловит необычную, ни на что не похожую песню глухаря...

В самый торжественный час появления солнца звуки лесной музыки особенно нарастают. Приветствуя восходящее солнце, в серебряные трубы трубят журавли, на бесчисленных свирелях повсюду заливаются неугомимые музыканты — дрозды, с голых лесных полян поднимаются в небо и поют жаворонки. Множество радостных торжественных звуков слышит охотник в этот веселый торжественный час на земле и, забыв о своем ружье, долго слушает прекрасную симфонию весеннего утра.

СПОЛОХИ

Северное сияние, или сполохи, как его называют живущие на севере люди, мне первый раз довелось увидеть много лет назад на берегу Онежского озера. Собираясь в пешеходное путешествие по лесному Заонежью, остановился в Повенце. Тогда это был маленький старинный городок: прорытого между Онежским озером и Белым морем канала еще не существовало. В Повенец я приехал из Петрозаводска на

пароходе. Остановился ночевать у знакомого агронома.

Ночью я вышел на улицу, и меня поразило еще не виданное мною зрелище. В полнейшей тишине по звездному небу колыхался широкий светящийся занавес. Он то сужался, то расширялся, собирался в складки, менял свой цвет. Я был очарован чудесным небесным зрелищем. Стояла незыблемая ночная тишина, которую изредка нарушал лай собак. При свете сияния я видел темные макушки деревьев, крыши домов.

Впоследствии мне много раз доводилось любоваться северным сиянием. Особенно памятна полярная ночь в Арктике, на далеком Шпицбергене, где я участвовал в экспедиции по спасению ледокола «Малыгин». Надо льдами и снежной пустыней, над покрытыми снегом горами разгоралось сияние. При свете его я узнавал лица людей.

Мне известны художники, пытавшиеся изобразить в красках северное сияние, но запечатлеть его на картине довольно трудно. Сияние постоянно изменяет свой цвет, переливается, то падает легкой занавесью, то вытягивается длинной колеблющейся лентой, то принимает стрелообразные формы с вспыхивающими желтыми, красными, зелеными и фиолетовыми лучами.

При свете северного сияния, отражающегося в снежных сугробах, совершали мы лыжные прогулки. Казалось, мы находимся где-то на неведомой планете.

Я и теперь завидую людям, имеющим возможность любоваться северным сиянием. Недаром многие путешественники, полярники-зимов-

щики, побывавшие в арктических странах и льдах, так часто возвращаются в эти далекие места. Кто знает, быть может, красота северного сияния — одна из причин, неудержимо привлекающих человека на холодный и пустынный север.

ЗВЕЗДЫ

Кто из вас не любовался чудесным звездным небом в темную тихую ночь? Особенное чувство возникает в душе чуткого человека. Помню — в далеком детстве, оставшись один в темной комнате, в осенний поздний вечер я подошел к окну. Меня поразили яркие звезды, чудесной россыпью осыпавшие темное тихое небо. Детскую душу мою наполнил восторг. Мне вспомнились сказки отца, чистые пушкинские сказки, я опустил перед окном на колени, слезы текли по моим щекам.

Вспоминаю: как-то нам пришлось ночевать в альпийских лугах вблизи высоких ледников горного Кавказа. Стреножив верховых лошадей, на которых совершали путешествие в горы, мы забрались в покинутый пастушеский шалаш, сделанный из легких деревянных дранок. Над горами и альпийским лугом, поросшим высокой травой, дул сильный ветер. У небольшого источника, возле которого был построен шалаш, качались высокие стройные деревья. Сильный порыв ветра — и шалаш разлетелся, как легкий картонный домик. Мы оказались под открытым звездным небом.

Я смотрел на яркие крупные звезды, и мне казалось, что свет их струится по темному ночному небосводу. Млечный Путь опоясывал небо, ярко сияла Большая Медведица, распахнув крылья, плыло в Млечном Пути созвездие Лебедь, кучились Плеяды. В звездном свете были видны очертания ледниковых гор. Любуясь звездным небом, я пролежал почти всю ночь, не засыпая.

Память об этой ночи, проведенной в горах Кавказа, осталась у меня на всю долгую жизнь.

Плавая матросом на большом океанском пароходе, отставивая ночную вахту, не раз любовался я звездным небом. Мы подходили к Гибралтару. Тихо плескались о борта парохода легкие волны. У самого форштевня играли в воде дельфины. Море было спокойно, светилось. Освещенные фосфоресцирующим светом, дельфины резвились, и за ними рассыпался в воде дождь светящихся легких искр.

Над пароходом, двигавшимся в ночи с потушенными огнями, над его мачтами высилось звездное чистое небо. И еще никогда не охватывало меня с такою силою счастье свободного бытия. Мне хотелось петь и плясать, как плясали в воде у носа корабля резвые дельфины.

Некогда моряки находили свой путь в океане по звездам. Звезды указывали путь и первобытным путникам в необитаемых людьми пустынях. По звездам узнавали время, волхвы и кудесники предсказывали людям их жизненный путь и судьбу, составляли гороскопы. Солнцу и звездам поклонялись далекие наши предки.

Давным-давно миновали те времена, но и по-

ныне звездное небо возбуждает в душе человека особенное, музыкальное чувство. Я помню зимние морозные ночи, снежный зимний путь, отражающие звездный свет глубокие снежные сугробы, вспоминаю море, ночные вахты, ночевки в высоких горах Кавказа, давние охотничьи ночлеги, когда над вершинами темного леса мерцает таинственный звездный свет. Звезды являются мне и в моих сновидениях, я просыпаюсь с радостным чувством давно минувшей молодости, и это чувство долго меня не покидает.

ВЕРТУШИНКА

Я очень люблю названия маленьких рек и речушек. Никто не помнит — кто и когда давал им ласковые имена. Маленькую нашу речушку, впадающую в большую многоводную реку, все называют Вертушинкой. Начало свое Вертушинка берет среди широкого, зеленого, покрытого цветами луга — там, где из земли бьет чистый прозрачный ключ.

Люди давным-давно устроили над ключом деревянный низкий сруб, на котором висел сделанный из бересты ковш-корец. Каждый мог подойти и напиться холодной ключевой воды, от которой ломило зубы. Заглянешь, бывало, в колодезь и, как в зеркале, увидишь свое лицо, глубокое небо с плывущими белыми облаками, увидишь песчаное дно родника, пляшущие на дне легкие песчинки, разбегавшихся по воде длинноногих быстрых пауков-челночков.

Вытекающий из родника ручеек колышет вы-

сокую зеленую осоку, над которой летают, повисая в воздухе, легкие прозрачные стрекозы. Напьешься из родника холодной воды, пойдешь по течению ручья дальше и дальше. Наполняясь водою из попутных ключей, в глубокий лесной овраг вливается Вертушинка, вертится, бежит среди высоких крутых берегов. Если взглядеться хорошенько, многое можно увидеть.

Вот на упавшем листке осины неведомо куда путешествует желтобрюхий толстый шмель. Быстрое течение ручья несет мохнатого путешественника среди множества препятствий. С куста на куст перекинул над ручьем свою серебристую паутину охотник-паук.

Мелкая рыбешка резвится в холодной прозрачной воде неглубоких затонов. Вот по песча-

ному дну ручья ползет странное существо — ручейник, живущее в крошечном домике, слепленном из мелких песчинок. Паук-водолаз с серебристым пузырем воздуха на мохнатом своем брюшке спускается по подводному стеблю на дно ручья. Там, где течение затихает, по зеркальной поверхности воды на высоких тонких ножках быстро бегают паучки-челночки.

В открытых, глубоких, освещенных солнцем прозрачных колдобинах плавают небольшие красноперые голавли. Они греются в лучах солнца у поверхности воды. Стоит неосторожно пошевелиться — и пугливые голавлики быстро прячутся под берегом ручья. Между стеблями растений быстро плавают под водой черные жуки-плавунцы. С берега прыгнула, нырнула, загре-

бая длинными задними лапами, и скрылась большеглазая зеленоватая лягушка.

По берегам Вертушинки густо разрослись ивовые и ольховые кусты. Весною и летом здесь гнездятся, всю ночь звонко поют соловьи. На лесистых склонах глубокого оврага живут выводки рябчиков, перелетают с сучка на сучок голубокрылые сойки, поют и трещат дрозды. Ночами лесные звери подходят пить воду из Вертушинки. У берегов Вертушинки водятся проворные ночные зверьки — норки. Человеку их трудно увидеть. Только зимою на пушистом белом снегу видны их парные легкие следочки.

Маленькая речка Вертушинка очень похожа на большую полноводную реку. В ней есть свои отмели и затоны, быстрые каменистые перекаты. Весною она широко разливается. Тогда в Вертушинку заходит из большой многоводной реки крупная рыба метать икру. Ранней весной здесь попадаются щуки, а под нависшими берегами, под корнями кустарников и деревьев прячутся скользкие налимы.

Летом множество цветов растет на берегах Вертушинки. Цветут незабудки. В глубоких затончиках плавают белые лилии и желтые кувшинки. Порхают над цветами бабочки, резвятся стрекозы. Над заросшим подводной травой затоном жужжат, перелетая с цветка на цветок розоватой кашки, пчелы, садятся на кашку тяжелые шмели.

Выводки маленьких диких уток — чирков прячутся в густой зеленой осоке. В начале лета можно увидеть проворных, покрытых пухом молодых утят, ловко ныряющих у зарослей высо-

кого камыша и рогоза. К Вертушинке подходят огромные живущие в лесу рогатые лоси. Здесь же резвятся по ночам зайцы, прыгают легкие белки. Зимой на снегу можно видеть много беличьих, лисьих и заячьих следов.

Когда-то я водил моего маленького внука Сашу на Вертушинку. Мы спускали на воду легкие бумажные и берестяные кораблики, и они уплывали от нас, как настоящие пароходы на большой многоводной реке.

Я очень люблю Вертушинку. Спрятавшись в густых кустах, долго сижу на ее берегу, слушаю пение птиц, тихое журчанье воды, наблюдаю скрытую жизнь. Маленькие речки и лесные ручьи мне милее широких и многоводных рек. Здесь раскрывается передо мною жизнь, которую трудно наблюдать и видеть на широкой многоводной реке. Эти маленькие ручьи и речушки, носящие ласковые, милые имена, питают водою самые глубоководные и широкие реки.

Весною и летом, осенью и зимою я часто ходил на Вертушинку, наблюдал жизнь птиц, живущих на ее берегах, любовался цветами. Здесь у Вертушинки жили выводки рябчиков, барабанили лесные барабанщики — дятлы. В Вертушинке водились пузатые скользкие налимы и черные клещатые раки, прятавшиеся под берегом в глубоких печурах. Темными летними ночами, когда на полях зацветал лен, мы охотились на раков. Засучив порточки, босиком, с фонарем в руках, бродили по песчаному дну Вертушинки, руками ловили выползавших из печур раков. Зимой в глубоких местах ставили под лед верши, в которые попадались налимы.

Проходя на лыжах, я любовался узором заячьих и лисьих следов. Под глубокими сугробами снега бежит Вертушинка, но кое-где на каменистых мелких перекатах вырывается, быстро бежит по камешкам и снова скрывается под снегом прозрачная холодная вода.

Далекое счастливое детство напоминает мне Вертушинка.

РУССКИЙ ЛЕС

РУССКИЙ ЛЕС

Зимою и летом, осенью и весною хорош русский лес. В тихий зимний день выйдешь, бывало, в лес на лыжах, дышишь и не надышишься. Глубокие, чистые лежат под деревьями сугробы. Над лесными тропинками кружевными белыми арками согнулись под тяжестью инея стволы молодых берез. Тяжелыми шапками белого снега покрыты темно-зеленые ветви высоких и маленьких елей. Высокие вершины елей унизаны ожерельем лиловых шишек. С веселым свистом перелетают с ели на ель, качаются на шишках стайки красногрудых клестов.

Невидимой жизнью полнится зимний лес. От дерева к дереву тянутся легкие следы белок, маленькие следочки лесных мышей и птиц. Только очень внимательный человек может наблюдать жизнь зимнего леса. Нужно уметь ходить тихо,

слушать и останавливаться. Только тогда откроется перед вами вся чудесная красота спящего зимнего леса.

Хорош лес ранней и поздней весной, когда начинает пробуждаться в нем сокрытая от глаз и ушей бурная жизнь. Тает зимний снег. Над головой видны осыпанные надувшимися смолистыми почками тонкие ветки берез. Все больше и больше слышится в лесу птичьих голосов. Начинают петь первые прилетные птицы, токуют в глухих местах тяжелые глухари. Опавшей хвоею осыпан под елями ноздрястый снег. На лесных полянах первые появились проталины. На обнажившихся кочках видны зеленые крепкие листочки брусники. Кое-где на пригреве начинают зацветать, ковром разрастаются подснежники-перелески. Пахнет смолистыми почками, корою деревьев. Поют дрозды. На вершине высокого дерева, весь в лучах восходящего солнца, воркует дикий голубь-витютень.

Придет радостный день — зеленою дымкой покроется опушка березового леса. Кукуют кукушки. По утрам перед рассветом слетаются на ток краснобровые красавцы тетерева-косачи. Вечером над вершинами леса тянут, хоркая и цвиркая, длинноносые вальдшнепы. Крякают над рекой дикие утки. На краю лесного болота высоко в небе токует баранчик-бекас.

Многое можно услышать в пробуждающемся весеннем лесу. Тонко пищат рябчики, гугукают по ночам невидимые совы. На непроходимом болоте водят весенние хороводы прилетевшие жу-

равли. Над желтыми золотистыми пуховками цветущей ивы жужжат пчелы. А в кустах на берегу реки защелкал, звонко запел первый соловей.

Кто из вас не побывал знойным летом в прохладном темном лесу? Примолкли самые голосистые птицы, уже не поют по закрайкам леса звонкоголосые соловьи.

Идешь по лесу, хорошенько приглядываясь, — нужно уметь находить грибные места, знать, где какой растет гриб. Вот под деревьями смешанного леса краснеет шляпка подосиновика. Нагнешься,

срежешь ножом толстый корешок гриба, аккуратно положишь находку в корзинку. Кое-где попадаются крепкие боровики, приятно взять в руки холодноватый гриб. Вот широким хороводом рассеялись на поляне красивые красные мухоморы. В сосновом бору попадаются рыжики. В молодом березовом лесу густо сидят грибы подберезовики.

На лесных открытых полянах зреет душистая вкусная земляника. В середине лета поспевают лесная малина. А по закрайкам болот созревает черника, краснеют на зеленых ветках ягоды брусники.

Особенно красив и печален русский лес в ранние осенние дни. На золотом фоне пожелтевшей листвы выделяются яркие пятна раскрашенных кленов, осин. Медленно кружась в воздухе, падают с берез пожелтевшие легкие листья. От дерева к дереву протянуты тонкие серебристые нити липкой паутины. Тихо в осеннем лесу. Шелестит под ногами опавшая сухая листва. Кое-где краснеет шляпка позднего подосиновика. Тонко просвистит рябчик, прокличут высоко в небе пролетающие косяком журавли.

Что-то грустное, прощальное слышится и видится в осеннем лесу. Бабым летом называли на деревне это осеннее краткое время. Прозрачен осенью и чист воздух, прозрачна вода в лесных ручьях. Каждый виден на дне камешек. Еще цветут поздние осенние цветы. Готовятся к отлету певчие птицы. Нет-нет затрещит в лесу дрозд, застучит на сухом дереве труженик-дятел.

Еще зеленый, роняя спелые желуди, стоит на краю леса старый развесистый дуб. Но уже оголились вершины берез. На темном фоне сплошного елового леса отчетливо видны яркие краски кленов и осин. Уже облетели, плавают на воде легкие пожелтевшие листья ив. Хорошо в осеннем цветистом лесу, долго не хочется уходить из него, прощаться с золотыми осенними днями.

ДУБ

В русских наших лесах, пожалуй, нет дерева мощнее и красивее зеленого дуба. В народных русских сказках и былинах недаром поминался дуб-богатырь. Крепок ствол старого дуба, его развесистые ветви.

Когда-то, еще в давние времена, дубов росло много в наших лесах. Такие леса назывались дубравами. Чистых дубрав осталось теперь очень мало.

С давних пор крепкая древесина дуба шла на различные нужды. Из дубовых лесов строили некогда корабли. Готовясь к Азовскому походу, царь Петр под Воронежем, где было много дубрав, основал корабельные верфи.

Теперь дубы встречаются редко. В старинных парках, кое-где в лесу и в чистом поле можно

увидеть старый развесистый дуб. В сплошных лесах дуб высоко возносит зеленую свою крону. А вырастая на свободе, обычно широко раскидывает густые крепкие ветви, покрытые зеленой, жесткой листвою.

Кто из вас не видел, не любовался старыми дубами? В вершинах развесистых дубов вьют гнезда птицы. При сильных ветрах грозно шумит зеленая вершина. Весною позже других деревьев распускаются на дубах почки. Люди давно заметили, что в это время обычно дует холодный северный ветер.

Еще в раннем детстве моем я любил ходить на знакомый Ровок, где росли развесистые дубы, под которыми летом цвели ландыши, созревала душистая земляника. Осенью я собирал под дубами красивые крепкие желуди. Зеленая листва дубов крепка и упруга. Пожелтевшие мертвые листья висят иногда на дубах всю долгую зиму. Едешь, бывало, в санях по зимней снежной дороге в холодную ветреную ночь, услышишь шелест мертвой дубовой листвы.

Когда-то зеленые дубравы росли по всей России, обычно по берегам малых и больших наших рек. Подмытые вешними водами стволы старых дубов падали в воду, лежали на дне реки, которая заносила их песком и илом. В отличие от других деревьев, дуб не гниет в воде. Пролежав десятки и сотни лет на дне реки, древесина дуба становится черной. Из такого мореного дуба делали дорогую прочную мебель. Стол, на котором я пишу, сделан из мореного дуба. Некогда этот стол стоял в комнате моего дядюшки, и ребенком я ходил под него пешком. Я очень люблю письмен-

ный стол, сделанный руками дядюшки, и не расстаюсь с ним со времени счастливого детства.

Дуб — теплолюбивое и светолубивое дерево. В лесах далекого севера дубов не увидишь. На высоких горах Кавказа я видел много зеленых развесистых дубов. Много старых дубов видел и в Беловежской Пуще. Стволы старых дубов, покрытые жесткой потрескавшейся корою, возносились высоко в небо. Дикие свиньи — кабаны собирали под ними желуди.

Несмотря на свою силу, дуб — дерево нежное, боится крепких морозов. В суровую морозную зиму тридцать девятого года, когда в России погибло много фруктовых садов, умирали, замерзали и дубы, стоявшие одиноко. Дуб растет очень медленно. Ученые-лесоводы утверждают, что некоторые дубы живут до тысячи лет. Тот, кто захочет вырастить дуб, должен запастись терпением на долгое время. Выросшие из желудей маленькие дубки медленно поднимаются над землей. Нужна не одна человеческая жизнь, чтобы вырос настоящий дуб-богатырь.

БЕРЕЗА

Из всех деревьев русского леса милее всех мне наша береза. Хороши и чисты березовые светлые рощи. Белы стволы берез, покрытые тонкой берестою. Особенно хорош березовый лес

весной. Как только сойдет в лесу снег, набухают на березах смолистые душистые почки. Из каждой случайно надломленной ветки березы каплет живительный сладкий сок. Множество пролетных певчих птиц собирается в березовых рощах. Поют голосистые дрозды, кукуют кукушки, с дерева на дерево перелетают шустрые синички. Ковром расстилаются, цветут внизу под березами голубые и белые подснежники-перелески.

Есть в русской природе особенный день, когда на березах начинает распускаться молодая листва. Выйдешь на волю и радостно ахнешь: зеленой нежной дымкой покрылись лесные опушки. Клейкой нежной листвою пахнет в березовой роще. Как хороши молодые березовые листочки! Войдя в лес, человек чувствует свежее дыхание пробудившейся земли. Пройдет день-другой — и все березы покроются молодой густой свежей листвою.

В летние знойные дни хорошо бродить в березовой роще. Теплый ветер шелестит над головой зеленой листвою. Пахнет грибами, спелой душистой земляникой. Сквозь густую листву прорываются солнечные лучи. Хорошо лежать в чистой траве, закинув под голову руки, смотреть в высоту, где над вершинами берез по голубому летнему небу плывут и плывут, точно белые лебеди, высокие облака.

Чудесен и ранней осенью березовый лес, покрытый золотистой увядающей листвою. Крутятся в воздухе, падают на землю золотые листочки. От дерева к дереву протянуты тонкие липкие нити серебристой паутины. Прозрачен и чист воз-

дух, малейший слышится в березовом лесу звук.

В народных песнях и сказках часто упоминалась береза. Простые деревенские люди ласково называли березу березонькой. В праздничные летние дни девушки завивали из ветвей молодых березок венки, пели под березами хороводные песни. Березами обсаживались в старину большие проезжие дороги — большаки. Из коры берез на севере нашей страны плели легкие лапти, удобные кошель, в которых носили на дальние пожни одежду и воду. Из коры берез гнали душистый деготь, делали красивые высокие туески.

ЕЛЬ

Каждый знает это самое распространенное в наших местах дерево, покрытое зеленой хвоею. В противоположность сухолюбивой и светолюбивой сосне, ель обычно растет на влажных низменных местах. В густой тени елового леса растут лишь немногие растения, нет надежды собрать здесь летом много грибов. В густых колючих ветвях

ели ютятся птицы, строят свои домики-гнезда проворные белки. В глубоких и теплых гнездах в зимнюю лютую стужу выводят и выкармливают своих птенцов красногрудые клесты.

Особенно хороша ель зимою, когда тяжелые

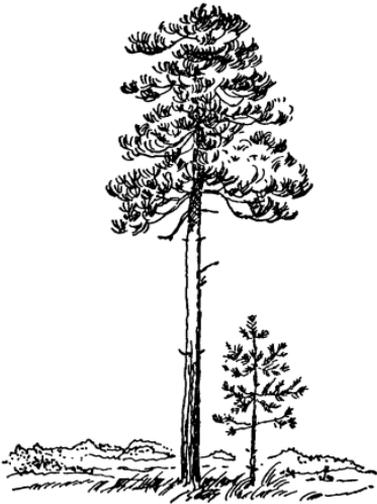
шапки белого чистого снега висят на ее раскидистых ветвях-лапах. Высокие вершины украшены гирляндами лиловых шишек, которые расклеивают шустрые клесты, кормясь еловыми семенами. В густых еловых лесах строят свои берлоги медведи. Под низко нависшими ветвями прячутся зайцы-беляки.

У людей ель пользуется особенной любовью. Недаром в новогодние зимние дни устраивают в городах для детей праздничные елки, украшают их красивыми подарками, а возле украшенной ели разгуливает Дед Мороз с привязанной длинной седой бородою.

Но особенно хороша ель в лесу на свободе. В зимние звездные и лунные ночи блестит на ее ветвях снег. Сказочным кажется дерево, украшенное снегом, отражающее на ветвях своих звездный и лунный свет.

В еловых и смешанных лесах живут рябчики, выют гнезда хлопотливые дрозды. В урожайные годы, когда еловыми шишками увешаны ветви и вершины елей, остаются зимовать в лесу белки. Забравшись на сучок дерева, держа в передних лапках шишку, они сгрызают и сыпят на снег ее чешую, поедают смолистые семечки.

Весною из спелых шишек ели ветер разносит крылатые легкие семена. У опушек елового леса из разлетевшихся семян вырастает зеленый еловый молодняк. Очень красивы, веселы молодые елочки. Они растут быстро, и сквозь их зеленую колючую чащобу трудно пробраться человеку. Только немногие из этих молодых деревцев остаются в живых. Сильные побеждают, затеняют слабых, и молодой лес разрастается.

Очень хорош и красив чистый сосновый бор. Идешь или едешь, бывало, по старому сосновому бору, — точно высокие чистые огромные свечи, возвышаются над головою стволы старых деревьев. Опавшей прошлогодней хвоею покрыта земля. Через малонаезженную песчаную дорогу протянулись длинные узластые корни. Седым мягким мохом поросли невысокие кочки. Кое-где зеленеют листочки брусники. Через высокие, унесшиеся в небо зеленые вершины пробиваются лучи солнца. Светлые золотистые зайчики играют на стволах деревьев, покрытых потрескавшейся толстой корой. Пахнет смолой и землею. Тихо в сосновом старом бору. Изредка взлетит рябчик, пролетит над дорогою дятел. В высоком небе купаются зеленые кудрявые вершины.

Чистых сосновых боров осталось теперь мало. Уцелели отдельные старые сосны. Точно сказочные великаны, стоят они среди молодого подрастающего леса.

В сосновых борах собирали мы летом ягоды — бруснику и чернику, крепконогие боровики и скользкие маслята. Там и здесь виднелись розоватые хрупкие шляпки сыроежек. На высоких старых соснах селятся, строят гнезда хищные птицы — ястребы и орлы.

Хорош и подрастающий мелкий сосновый лес. Одна к одной тесно жмутся покрытые зеленой хвоею молодые сосенки. В тени этих деревьев весною и летом нужно искать грибы. Ранней весною здесь растут сморчки, летом — красивые желтые рыжики.

На болотистых, покрытых кочками местах растет низкорослая болотная сосна. Идешь по такому сосновому болоту — не видно конца-краю осыпанным дозревающей клюквой мягким моховым кочкам. То и дело выпархивают из-под ног болотные белые куропатки, сорвется, полетит тяжелый глухарь.

Сосна, несомненно, одно из древнейших деревьев. Росла сосна, когда не было еще на земле зеленых лиственных лесов. Недаром жесткой хвоею сосны питаются глухари, тоже древнейшие на земле птицы.

Сосну можно увидеть в высоких горах Кавказа и на далеком холодном севере, на самой границе голой пустынной тундры. Древесина сосны ценится высоко. Из сосновых бревен строили и строят жилые дома, возводят мосты и хозяйственные постройки. Ценится и смола сосны, которую собирают, надрезая сосновую кору.

Путешествуя некогда по Заонежью, по нетронутым человеком глухим лесам, я видел сосны, умершие на корню своей естественной смертью. Пропитанные смолою стволы этих деревьев высились над макушками окружавшего их живого леса. Сильные зимние ветры давно обломали их мертвые голые сучья, но пропитанный смолою ствол прочно стоял, быть может, десятки и сотни лет. Некоторые стволы упавших мертвых

деревьев, покрытые зеленым мохом, лежали на земле. Я с трудом перебирался через них. Теперь таких нетронутых лесов осталось очень мало, и вряд ли кто видел стоящий на корню, пропитанный смолою ствол мертвой сосны.

ЛИПА

Еще в детстве я полюбил зеленые высокие липы, окружавшие наш деревенский сад. Широкую липовую аллею посадил некогда крепостник-помещик, имя которого в нашей деревне давно забыли. Мы любили играть под высокими липами, наблюдать, как в молодом саду пробуждается весной жизнь.

В зеленых вершинах лип пели птицы, свистели скворцы и дрозды. В ясные дни с дерева на дерево перелетали золотистые скрытные иволги, а в глубоких дуплах старых лип гнездились сычи, перекликавшиеся по ночам страшными голосами.

В самом начале лета золотистыми цветами зацветали липы, сладким медовым духом наполнялся весь сад. Пчелы гудели над цветущими вершинами лип.

Летом широким ковром расстилались под липами цветы иван-да-марья, а на высоких тонких стебельках легкий летний ветерок колыхал ли-

ловые колокольчики. Я смотрел, как у корней лип ползают насекомые, красные земляные клопы, как порхают над цветами бабочки. В середине лета под липами росли крепкие белые грибы. В урожайный год мы собирали много таких грибов, мать солила их и мариновала впрок.

Под одинокой развесистой липой, росшей перед нашим деревенским домом, в жаркие летние дни на деревянном столе и скамейках мы обедали, пили чай. Я любил взбираться на эту старую липу, сидеть в тени зеленого шатра, читать книжки и мечтать о далеких путешествиях. Старая липа эта запомнилась мне на всю мою долгую жизнь.

Некогда красивые высокие липы вместе с другими деревьями росли почти повсеместно в русских лесах. Белая чистая древесина липы дорого ценилась. Из легкой, податливой древесины искусные мастера точили красивую деревянную посуду, вырезали ложки. Из липовых чистых досок в деревнях делали столешницы для обеденных столов. Кору старых лип сдирали с поваленных деревьев, мочили в воде, делали из липовой коры мочало и рогожи. Из тонкой коры молодой поросли липняка плели в деревнях лапти, запасали на всю долгую зиму сушеное липовое лыко. Теперь взрослых больших лип в наших лесах не увидишь. Лишь в далеком Зауралье видел я в глухих лесах свободно росшие высокие липы.

Липа, несомненно, одно из самых красивых, веселых и нежных деревьев. Издавна славится липовый сладкий мед. Хороша и нежна листва липы. Осенью липы раньше других деревьев

сбрасывают свою пожелтевшую листву и у корней оголенных деревьев сухим шелестящим ковром лежат опавшие желтые листья. Идешь, бывало, по опавшей липовой листве, шуршащей под ногами, любишь на знакомые деревья, приготовившиеся к долгой зимовке.

Молодые липы и теперь сажают в парках в больших городах. Липы легко приживаются и быстро растут. Их свежая зеленая листва украшает городские шумные улицы, радует глаз городского усталого человека.

ОСИНА

Еще в детстве мне очень нравились высокие стройные осины, росшие вблизи нашего деревенского дома. Нравился горьковатый запах осин, трепетанье зеленой листвы на высоких вершинах. Даже в самый тихий, безветренный летний день листья осины дрожали. Покрытые зеленоватой горькой корой, деревья казались живыми существами — они точно шептались, переговаривались между собою.

Особенно хорош осиновый лес в осенние ясные дни. В пурпурно-красный и желтый цвет окрашена листва. Цветным чистым ковром расстилаются под деревьями опавшие листья. Там и тут

видны под ними красноватые шляпки поздних грибов — подосиновиков. Еще цветут кое-где запоздалые лесные цветы. Шелестит под ногами высокий пожелтевший папоротник, и еще горчее пахнет в осиновом лесу.

Красив осиновый лес и зимою. На фоне темных елей переплетается тонкое кружево оголенных осиновых ветвей.

Приглядитесь хорошенько — как хороша, как красива осина!

В дуплах старых толстых осин гнезятся ночные и дневные птицы, белки-проказницы складывают на зиму свои запасы. Из толстых осиновых бревен люди выдалбливали легкие лодочки-челноки, делали корыта. Корою молодых осин кормятся зимою зайцы-беляки. Горькую кору осин гложут лоси. Ранней весной и осенью держатся в осиновых лесах глухари-мошники. Летом здесь растут грибы — высокие подберезовики, крепкие подосиновики и хрупкие сыроежки. Идешь, бывало, по осиновому лесу — и вдруг нежданно-нежданно с шумом сорвется и полетит тяжелый глухарь. Почти из-под самых ног выскочит и побежит заяц-беляк.

Редко можно увидеть сплошной осиновый лес. Обычно осины растут рядом с березами и темными елями. В таких смешанных лесах особенно много грибов и лесных ягод. С дерева на дерево перелетают птицы. С шумом вспорхнет и засвистит рябчик. На моховых кочках под деревьями краснеет спелая брусника.

КЛЕН

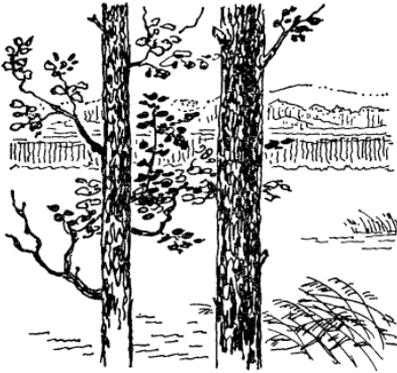

В зеленом русском лесу вряд ли есть дерево живописнее клена. Красивы широкие лапчатые листья клена, гладкий и чистый его ствол. Крепка и прочна его древесина. Обычно растет клен в сообществе с другими деревьями — березой, осиной, дубом, ольхою. Крепки и туги кленовые ветви. Точно пружина, гнутся они под рукою.

Веселый зеленый клен любит солнечный яркий свет. Лучами солнца освещена его вершина. В ясные летние дни я любил отдыхать под развесистым чистым кленом. Пахнет землей, цветами. По теплой, нагретой солнцем земле шустро бегают муравьи, порхают над цветами бабочки.

Красивые клены сажают люди в городских парках, украшают ими дорожки, берега прудов. Особенно красивы клены ранней осенью. В лучах солнца блистают пурпурные и золотистые кленовые листья. Что-то праздничное, веселое есть в этом дереве, украшающем наши родные леса.

Далеко разлетаются крылатые семена клена. Семена эти разносит по полям и лугам ветер. Там, где упадет на удобное место крылатое семечко, вырастает на другой год молодой, тоненький живой кленок.

Не все люди любят ольху. Неприглядные темно-зеленые заросли молодой ольхи принято называть сорняками. Молодой ольхой зарастают заброшенные луга и поля, почва под ольхой заболачивается, разводятся несметные комары и другие вредные насекомые.

Но есть и в ольхе что-то прелестное, когда растет она на свободе. Особый вид ольхи, растущей на сырых местах вблизи рек и лесных ручьев, называют черной ольхой. Толстые стройные стволы черной ольхи тянутся в небо. Ее сплетенные корни поднимаются у ствола высоко над землею. В некоторых глухих местах под такими корнями ольхи бобры устраивают свои жилища. Из толстых и стройных стволов черной ольхи пилили широкие доски, из которых искусные столяры делали изящную мебель, шкатулки, столы. Теперь черной ольхи осталось в лесах очень мало.

Серой мелкой ольхой зарастают большие пространства. Такая серая ольха годится лишь на хворост и на дрова, которые почти не уступают березовым дровам. Ольховые дрова хорошо горят в печах, ими можно топиться всю долгую зиму. Отваром из ольховой коры в прошлые времена в деревнях женщины красили холсты, из которых шили красивые сарафаны.

В зарослях ольхи скрываются зайцы, живут

и кормятся рябчики. В старых ольховых деревьях дятлы выдалбливают для своих гнезд опрятные дупла. В ольховых высоких кустах делают свои скрытые гнезда хлопотливые сороки, поют и трещат дрозды. Нередко в ольховых лесах вырастают густые заросли лесной сладкой малины, а на моховых кочках спеет черника.

ИВА

По берегам лесных малых рек, по ручьям и старым канавам растет зеленая ива. Кто не знает этого слабого легкого дерева? Растет ива и на огородах, в садах и у проезжих дорог. Люди знают много видов дикой ивы, по-разному их называют.

Ранней весной, когда еще не оделся зеленой листвою лес, цветет, отражаясь в весенней воде желтыми пуховками, нежная ива. Собирая золотистую пыльцу, вьются над цветущими ивами вылетевшие из ульев пчелы.

Ива очень неприхотливое дерево. Можно срубить или срезать ее тонкий ствол, воткнуть в землю — сама примется, пустит корни, начнет расти и ветвиться неприхотливая ива. В ивовых кустах весной обычно живут и поют соловьи. Корни разросшихся зеленых ив защищают от размыва вешней водою устроенные людьми пло-

тины. Ветер играет их легкой листвою, обнажая серебристую изнанку ивовых листьев.

Под кустами ивы на берегах рек сидят обычно с удочками любители-рыболовы. Кажется, нет более распространенного дерева, чем наша всем знакомая ива. Но как хороша эта ива, свесившаяся над водою, в которой отражаются небо и высокие облака.

Сидишь, бывало, с удочкой под знакомым ивовым кустом на берегу реки, где в прозрачной воде плавают красноперые голавли и ребрастые окуни, дышишь и не надышишься, смотришь и не насмотришься на широкую зеркальную гладь.

А как памятны ивовые береговые кусты, где в далеком детстве играли мы в прятки, в индейцев и робинзонов. Из ивовых тонких сучьев делали мы дудки-свирели, мастерили луки и стрелы.

Из гибких прутьев береговой ивы умелые люди плетут малые и большие корзины. А из легкой древесины толстой ивы некогда гнули расписные красивые дуги. На многие нужды шла в деревнях гибкая легкая ива. Толстыми ветлами-ивами украшались деревенские улицы.

А кто не знает, не видел особый род ивы, которую называют у нас вербой?

Глянцевитая тонкая верба, посаженная на деревенских огородах, зацветает обычно, когда еще лежит в лесах нарастающий снег. Цветущие, покрытые голубоватыми мягкими пуховками ветки вербы люди приносят в свои жилища. Цветущая верба служит верным признаком прихода весны.

МОЖЖЕВЕЛЬНИК

Кто из вас не видал зеленых кустов можжевельника, приятно пахнущих смолою? Растет можжевельник по закрайкам лесов, по скатам глубоких лесных оврагов. Ветви можжевельника покрыты густой колючей хвоей.

Там, где растет можжевельник, зимою обычно держатся тетерева. Они кормятся смолистыми пахучими ягодами можжевельника, всю зиму висящими на его ветвях. От куста к кусту на чистом белом снегу затейливым узором переплетаются крестообразные следы тетеревов.

Можжевельник — очень крепкое и сильное деревце. Розоватая древесина его пропитана душистой смолою. Зимой я приносил из леса душистые ветки зеленого можжевельника, ставил на письменный стол. Ветвями можжевельника в деревнях парят новые кадушки, в которых засаливают на зиму огурцы и мочат яблоки. Запах можжевельника придает особый приятный вкус домашним соленьям.

Я очень люблю пышные кусты можжевельника, запах смолы и можжевельных темных ягод, покрытых тонкой смолистой пленкой. Зимой, когда выпадет глубокий легкий снег, под кустами можжевельника часто ложатся на дневку зайцы-

русаки. Идешь на лыжах по заячьему следу — неожиданно-негаданно выскочит из можжевельного густого куста большой заяц-русак.

Там, где растет можжевельник, летом обычно цветет земляника. На маленьких, поросших травой кочках зреют душистые вкусные ягоды.

Я очень люблю это скромное ветвистое деревце, почти повсюду растущее в наших лесах. Люблю ее перистые зеленые листочки, шелестящие даже при легком ветерке. Есть что-то веселое, радостное, русское в этом деревце, которое всегда и всем улыбается. В народных наших песнях часто ласково поминается рябинушка. С давних пор русские крестьяне сажали рябину под окнами своих деревянных изб.

Рябину можно увидеть и на севере нашей страны, где не растут плодовые деревья — яблони и груши. Ствол рябины чист и гладок, покрыт тонкой блестящей корою. Цветет рябина поздней весной, когда оденутся в зеленую одежду леса, поют, заливаются на опушках и на берегах рек и лесных ручьев звонкоголосые соловьи. Скромные, похожие на большие желтоватые гроздья цветы рябины малозаметны, не отличаются пышной красотой. Летом на рябине начинают краснеть гроздья небольших круглых ягод. Они медленно созревают под лучами летнего солнца.

Ягоды лесной рябины жестки и невкусны. Летом их не клюют птицы и не трогают люди. Только поздней осенью, когда опадет с деревьев пожелтевший и покрасневший лист, прижмут первые осенние заморозки, ягоды рябины становятся сладкими.

В осеннюю позднюю пору ягодами рябины кормятся дрозды-рябинники. Ягоды рябины висят на деревьях до зимнего снега, и надолго

остаются в наших лесах пролетные дрозды. На белом снегу под ветками рябин краснеют чешуйки расклеванных птицами ягод.

Некогда в русских деревнях крестьяне собирали позднюю осенью тронутые морозом гроздья красной рябины. Они связывали их пучками, вешали на морозе под крышами домов и сараев. Промерзшая рябина очень вкусна и ароматна. Ребятишки русских лесных деревень лакомились по праздникам мерзлой сладкой рябиной. Когда-то умелые хозяйки варили из рябины вкусное, немного горьковатое варенье, засахаривали гроздья рябины в густом сиропе. Такие засахаренные ягоды рябины можно было покупать даже в городских кондитерских магазинах.

ЧЕРЕМУХА

На опушках лесов, по берегам рек и ручьев прежде всех распускается и цветет черемуха.

Это очень приятное, зеленое и веселое деревце. Оно всегда улыбается, а весной, когда пахучие белые цветы сплошь его покрывают, даже смеется. Любуясь на цветущую черемуху, сам невольно начинаешь улыбаться.

Весной я всегда приглядываюсь к черемухе. Если на ней раскрылись почки, значит, окончательно проснулась и потеплела земля, а весна вошла в полную силу.

Еще я слежу весной за лягушками. Когда «затурлычут» в лужах лягушки, это значит: в

самом разгаре тетеревиные и глухариные тока, началась богатая тяга.

Когда на черемухе забелеют и запахнут пышные кисти цветов, глухариному току конец, комар в лесу появился.

Даже в самых глухих северных лесах можно увидеть черемуху. Там, где не растут вишни и нет хороших садов, ребята лакомятся ягодами лесной черемухи, а хозяйки пекут пироги со сладкой черемуховой начинкой.

КАЛИНА

Не все из вас, быть может, видели лесную калину, обычно растущую по оврагам и на берегах лесных глухих рек. Густые кусты

калины покрыты красивыми широкими листьями. Выкопанная в лесу молодая калина хорошо приживается на деревенских огородах, в садах.

Цветет калина красивыми белыми соцветиями, похожими на кружевные венки. В разросшихся кустах калины нередко гнездятся и поют птицы. Крупные алые ягоды калины созревают поздней осенью, когда начинает перепархивать первый снежок и все листья на деревьях уже облетели.

Необыкновенно красива увешанная гроздьями красных ягод калина на фоне глубокого снега. Ягоды калины зимою обклеивают птицы. Мерзлые ягоды калины деревенские хозяйки парили в русских печах, готовили для ребят вкусное угощение.

Несколько лет назад я выкопал в лесу небольшой куст калины, посадил под окном моего лесного карачаровского домика. Теперь этот куст широко разросся. Зимой и летом я люблюсь им из окна моего домика. Осенью, когда вставляют зимние рамы, мы кладем между ними на белую вату гроздь калиновых алых ягод. Они украшают наше скромное жилище.

ПОДСНЕЖНИКИ- ПЕРЕЛЕСКИ

По опушкам лесов, на лесных, освещенных солнцем полянах еще ранней весной расцветают первые лесные цветы — подснежники-перелески.

Хорошо в эту пору в лесу, наполненном веселыми птичьими голосами. Набухли, надулись на деревьях пахучие смолистые почки. На макушках высоких берез звонко пересвистываются весенние гости — дрозды. Сидя на дубе, гулко воркует дикий голубь-витютень.

Еще не растаял в глубоких оврагах снег, а уже цветут под деревьями, белым и голубым ковром расстилаются подснежники-перелески — первые весенние цветы нашего леса.

Приятно собрать и поставить на стол букет свежих подснежников. От них пахнет весной, свежим запахом пробудившейся земли.

На обогретых солнцем пригорках в сухих борах проклевываются во второй половине апреля толстые красноватые ростки подснежника сон-травы. Быстро, день ото дня, час от часу поднимается трубчатый стебель, опушенный нежными серебристыми ворсинками. Полнится, набухает сиреневатый бутон, спрятанный в такую же пушистую шлемовидную острроверхую сумочку. Не дождавшись, когда полностью вытянется стебель, бутон торопливо раскрывается крупным сине-фиолетовым колокольчиком. Далее сон-трава растет уже с цветком, поднимая его выше и выше. Сумочка, державшая бутон, словно бы остается на месте и образует манжету, украшающую безлистный стебель в половине его высоты. Теперь стебель как бы растет только своею верхней частью.

Необыкновенно красивы и нежны колокольчики сон-травы, широко раскрывающиеся навстречу солнечным лучам с ярко-желтыми внутри тычинками. Необыкновенно ласково и нежно само растение сон-травы, сплошь одетое густым седоватым пушком, серебрищимся на солнце.

Еще лежит в низинах, дышит подвальным холодом снег, еще черны частые осинники и схватывают открытые полянки ночные морозцы, а уже пробуждается, цветет на песчаных пригорках красавица сон-трава. С трогательной отвагою переносит она апрельские холода, складывая с за-

ходом солнца пушистые лепестки колокольчиков, словно бы засыпая на ночь.

Днем в раскрывшихся цветах возятся, перебирают лапками тычинки толстые, еще сонные шмели. От цветов исходит несильный, но удивительно свежий, тонкий и нежный аромат.

Дома букет сон-травы продолжает расти. Затем так же, как в лесу, лепестки колокольчиков на вытянувшихся в воде ножках обесцвечиваются, светятся насквозь, как крылышки мотылька с отбитой пылью, «ржавеют» и скручиваются по краям.

Летом пригорки в бору зарастают, и не сразу найдешь на них весенний первоцвет — сон-траву. Она как бы уходит, прячется до следующей весны.

Материнские ласковые руки напоминает мягкая и пушистая, всегда теплая сон-трава.

КУПАЛЬНИЦА

В конце мая — начале июня на полянках светлых лесов, одетых молодой свежей листвой, расцветают желтые купавки.

Ключом бьет в эту пору поздней весны лесная жизнь.

Хлопочут около своих гнезд скворцы и дрозды, щелкают в зарослях черемухи соловьи, сладко насвистывает в густой листве высоких деревьев райская птица наших лесов — иволга.

Далеко видны в изумрудной зелени между

белых стволов берез цветы купавок. Они растут обычно многочисленными семействами, заполняя полянки редколесья. Довольно крупные, с небольшое яблочко величиною, круглые розочки цветов тянутся к солнцу. Плотными зелеными шариками висят набухающие бутоны. Набежит ветерок, тронет ветви берез. Побегут по светлой полянке солнечные зайчики и качнутся высокие стебли купавок с яркими цветами, издали похожими на маленькие круглые китайские фонарики.

Купавка, или купальница, как называют ее ботаники, один из самых пышных цветов нашей средней полосы. В Сибири у купавки есть близкие родственники-братцы, тоже очень красивые и яркие, широко распространенные цветы — огненно-оранжевые жарки.

Трудно удержаться, чтобы не нарвать себе домой букетик купавок. Сорванные, они очень быстро вянут. Никнут, безжизненно болтаются на ослабших стеблях тяжелые, сжавшиеся головки цветов. Но редким, удивительным свойством обладают купавки. Поставленные в воду, казавшиеся увядшими цветы оживают, распрямляются на глазах и раскрывают свои розочки. В вазе купавки сильно подрастают и раскрывают новые бутоны.

Сидишь, вернувшись домой, за столом, смотришь, как шевелятся, оживают и распрямляются стойкие цветы, и вновь видятся солнечные, в сочной зелени молодых трав поляны, украшенные золотистыми пахучими розочками купавок.

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Я очень люблю эти простые цветы — веселые колокольчики. Выйдешь из лесу на нескошенный, заросший травой луг и от радости ахнешь: столько красуется всевозможных цветов, похожих на праздничный хоровод. По всему зеленому лугу белеют ромашки, желтеют одуванчики, цветет мышиный горошек. А выше всех, всех веселее — лиловые колокольчики. От легкого дыхания теплого летнего ветерка колышутся, кланяются, неслышно звенят колокольчики, радостно приветствуя гостя.

Все лето цветут, неслышно звенят колокольчики, знакомые и милые цветы наших лугов и лесов.

НЕЗАБУДКИ

На самом берегу ручья, у зеленого лесного болотца, густо цветут незабудки. Очень хороши и красивы эти маленькие голубые цветы, обычно растущие по закрайкам открытых болот, на глухих лесовых луговинах. В крошечных их лепестках как бы отразилась голубизна летнего неба.

Прячась в высоких зарослях камыша и осоки,

тихо струится живой лесной ручеек, колышутся над водою зеленые травинки.

Приятно смотреть на чистый голубой ковер разросшихся у ручья незабудок. Тихо журчит, плещется лесной ручеек. Летают над ним стрекозы, порхают бабочки. А высоко-высоко в голубом летнем небе над недвижными макушками высокого леса тихо плывут белые летние облака.

МЕДУНИЦА

В жаркий июньский день идешь, бывало, крепко задумавшись, по лесной знакомой тропинке и вдруг остановишься. В самое лицо кто-то дохнул теплым живым ароматом. Хорошенько осмотришься: это возле самой тропинки пышно цветет, медом пахнет высокая медуница.

По большим розовым кистям цветов деловито ползают пчелы, тяжело переваливаются толстые шмели. На плотных душистых соцветиях как бы застыли, спят золотисто-зеленые жуки-бронзовики. Порхают и присаживаются разноцветные бабочки.

Много запахов в летнем лесу. Хорошо пахнет ландышами, ночной фиалкой. Пахнет листвой и смолою, грибами, лесной земляникой. А всего сильнее пахнет медом нагретая солнцем медуница.

ВОЛЧЬЕ ЛЫКО

Приходилось ли вам видеть это сказочное, еще без листьев, маленькое деревце, сплошь покрытое цветами?

Идешь ранней весной на глухариный ток и вдруг остановишься. У самой канавы, наполненной вешней водою, пышно цветет крошечное деревце. Еще не распустился лес, не все прилетели певчие птицы, прошлогодней опавшей листвою покрыта едва пробудившаяся земля. Лишь кое-где появляются подснежники. А это чудесное деревце все в цвету!

Долго любишься на сказочное деревце, покрытое розовато-лиловыми, как бы из воска вылепленными крохотными цветами. Сорвешь несколько веток, осторожно положишь в охотничью сумку, чтобы принести домой.

Увидеть это цветущее деревце можно только в глухом лесу, где-нибудь возле лесного болота, в котором обычно водятся мошники-глухари. Называется деревце волчье лыко. Кора его очень ядовита. Летом, когда кустарники и деревья покрыты густой листвою, его трудно заметить.

ЛАНДЫШИ

У лесного оврага в тени под дубками цветут ландыши и земляника.

Пахнет дубовой листвою, цветами.

Долго любишь ландышами, слушаешь, как поют птицы, щелкает в зеленых кустах соловей, кукуют и перехохатываются кукушки, в вершинах развесистых дубков воркуют горлинки.

Тихо журчит на дне овражка прозрачный лесной ручей. Точно живые, колышутся над бегущей водой тонкие камышинки.

Еще в далеком детстве водил меня в эти знакомые лесные места отец. Здесь мы слушали пение соловья и тихое журчание ручейка, собирали под дубками ландыши.

Белые душистые ландыши и теперь напоминают мне далекие времена. Я как бы вижу незнакомый лес, слышу пение птиц, воркованье горлинки над моей головою.

ОДУВАНЧИК

У больших проезжих дорог, у лесных малых тропинок, в зеленых широких лугах, даже у самых порогов деревенских домов цветут одуванчики.

Все знают эти простые цветы, похожие на маленькое солнце с золотыми лепестками-лучами. Все лето цветут одуванчики, а созревшие их семена собраны в легкий пушистый шарик. Ду-нешь на шарик — поплывут, полетят в воздухе легкие летучие семена. Потому и называется цветок «одуванчик».

Весь день, пока светит солнце, следом за солнцем поворачивают одуванчики золотые свои

головки. Вечером, когда скроется солнце, одуванчики свертывают свои лепестки и засыпают.

Всю ночь крепко спят одуванчики. Только с восходом солнца они просыпаются, как бы радостно улыбаясь, широко раскрывают золотые свои лепестки. В солнечный летний день золотую кажется лесная поляна, на которой растут и цветут одуванчики.

ИВАН-ЧАЙ

На глухих лесных вырубках пышно цветет иван-чай. Точно высокие праздничные свечи, малиново-красным огнем горят островершие шапки красивых и пышных цветов. В густых зарослях цветущего иван-чая можно спрятаться с головою.

Там, где цветет иван-чай, обычно скрываются глухаринные и тетеревиные выводки. С шумом и хлопаньем вылетают из зарослей тяжелые птицы.

Ягодами и грибами пахнет на лесных старых вырубках, где летом пасутся лоси, изредка бродят медведи.

Рядом с цветущими зарослями иван-чая густо разросся непролазный малинник. Спелыми душистыми ягодами облеплены тонкие ветки, согнувшиеся под тяжестью спелой малины.

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

У высокой муравьиной кучи на лесной светлой полянке ковром рассыпались знакомые лесные цветы.

Бегают по земле под цветами шустрые муравьи, тащат в свой общий дом сухие еловые хвоинки, мертвых комаров и жучков. Приглядишься хорошенько — множество больших и малых дорог, троп и тропинок протоптали в высокой траве под цветами трудолюбивые муравьи.

Почти все лето цветут эти желто-лиловые лесные цветы. Поставишь на стол букетик скромных цветов и, глядя на них, отчетливо вспомнишь лес, зеленую лесную опушку, муравьиную высокую кучу и хлопотливых, проворных муравьев.

Я очень люблю эти простые цветы. Они напоминают мне счастливое далекое детство. Так хорошо, просто и ласково они называются — иван-да-марья.

КИСЛИЦА

После подснежников-перелесков ранней весной зацветает в лесу кислица.

Под высокими темными елями, в осиновых и ольховых сырых зарослях, на моховых кочках можно увидеть ее белые нежные цветы.

Болотным мхом и глухим лесом пахнет скромная кислица. Но так хороши и нежны ее белые чистые цветы! Нарвешь маленький букетик этих цветов, поставишь на письменный стол. Отчетливо вспомнится весенний оживающий лес, высокие темные ели, под которыми растет и цветет кислица.

В детстве мы лакомились зелеными листками кислицы, очень похожими на молодой клевер. Вкусом они напоминают кислый щавель, а листочки кислицы мы называли заячьей капусткой.

НОЧНЫЕ ФИАЛКИ

На тенистых полянах, заросших высокой росистой травой, скрытно цветут в лесу ночные фиалки. В густой траве прячутся нежные душистые цветы. Белые стволы берез, трепещущие зеленой листвою молодые осины, темные стройные ели окружают тенистую поляну. Нужно знать лес, хорошо уметь в лесу разбираться, чтобы найти места, где растут и цветут душистые ночные фиалки.

По ночам фиалки особенно сильно пахнут. Если поставишь на стол большой букет фиалок, непременно в полночь проснешься. Так силен наполнивший комнату запах, что может разбудить крепко заснувшего человека.

РОМАШКИ

Кто не знает этих простых луговых и лесных милых цветов?

Идешь, бывало, в лес по нахоженной, давно знакомой тропинке. Справа и слева широким многоцветным и радостным морем рассыпаются луговые и лесные цветы. Качаются на ветру лиловые колокольчики, желтеют бесчисленные одуванчики, у самого леса, под деревьями, уже цветет иван-да-марья.

А у самой тропинки, по обочинам канав, на лесных зеленых лужайках цветут, кланяются вам знакомые веселые ромашки.

На радостную улыбку похожи скромные цветы ромашки с белыми и чистыми лепестками.

КОШАЧЬИ ЛАПКИ

Вы, наверное, знаете эти крошечные и скромные лесные цветы.

Обычно они растут на песчаных, освещенных солнцем пригорках, на крутых берегах лесных рек и ручьев. Сорвешь, бывало, крошечный розоватый цветок, очень похожий на мохнатую кошачью лапку, посмотришь в сердцевину цветка — как бы застыла в нем алая капелька живой теплой крови.

В детстве мы любили собирать кошачьи лап-

ки, вязали из них маленькие букеты. Эти букеты не вянут, а жесткие лепестки цветов не осыпаются. Поэтому кошачьи лапки иногда справедливо называют бессмертниками.

КАЛУЖНИЦА

Сыро в апрельском лесу. Раскисшая сверху, еще мерзлая в глубине, почва медленно впитывает полую воду. Из прогретой полуденным солнцем мел-

кой воды прорастает молодая зеленая травка. В весеннюю эту пору по окрайкам лесных луж и мокрым опушкам появляется, расцветает калужница. Золотисто-желтые цветы ее и яркая зелень сразу оживляют не одетый серый лес. Крупные и округлые, темно-зеленые листья и лепестки широко раскрытых цветов глянцевиито блестят на солнце, будто смоченные водою.

Узкая, со свалывшейся сухой прошлогодней травой дорожка, в колее которой тихо журчит ручеек, ведет на старую заросшую порубку. Иду постоять на тяге, послушать вечерний лес. Пахнет влажной прелью старых, полусгнивших листьев, мокрой корою осин.

В ожидании тяги сижу на стволе упавшей ели. Быстро стынет с заходом солнца воздух. Перелетывают в осиннике, мелодично посвистывают на вечерней зорьке певчие дрозды. Где-то на луже кричит чирковая уточка, подзывая своего пестро

одевшегося по весне селезня, стрекочет сорока, обеспокоенная приходом охотника в притихающий к ночи лес.

И вот уже тянет над макушками ольшинок, забирая крылом по закатному светлому небу, первый вальдшнеп.

На пути домой наклоняюсь к приметившимся мне на дороге, светлеющим в сумерках калужницам, рву их ломкие и сочные стебли.

Далеко видны в темноте окна лесного нашего домика, освещенные возле крыльца кусты сирени.

Прихожу к вечернему чаю. Тихо посапывает на столе затухающий самовар. Поблескивают под лампой желтые цветы и гладкие листья калужницы, и от них исходит едва ощутимый свежий запах пробудившегося леса, запах талой, пахнущей землею воды.

ТАВОЛГА

Перебираясь в лесу через ручей или овраг, вы почти всегда увидите таволгу. Это полукустарник с крупными резными листьями, образующий заросли высотой до человеческого роста. Таволга выбирает самые тихие и уютные уголки леса. Верховой ветер пошумливает макушками сосен, роняя отсохшие сучки и пустые

шишки, лопочет листвою беспокойных осин, а в низинах и овражках, густо заросших таволгой, стоит тишина.

Набродившись в жарком бору, пахнущем разогретой смолою и хвоей, вы спускаетесь в тенистый овражек. Буйно разрослись на его склонах ольшаник и калина, черемуха и боярышник. Цепкий хмель обвил стволы, образуя непролазную зеленую паутину. Здесь же нередко можно встретить дикий малинник, круглый куст красной или черной лесной смородины.

Дно овражка густо заросло таволгой и крапивой. Пахнет влажной землею, сочными дудками борщевика и медвяным запахом цветущей таволги. Маленький ручеек неслышно пробирается по оврагу, переливается через вымытые корни, образует тихие заводинки и бочажки. Наклонившись над омутком, пьете прохладную, чуть припахивающую тиною воду. Паучки-челночки испуганно разбегаются по воде от склоненного к ручью лица. Напившись, хорошо теперь передохнуть, посидеть на упавшей ольшине. Зеленый полумрак стоит в густых зарослях хвощей, борщевика и таволги. Такие укромные уголки любят лесные птицы, живущие потаенной жизнью, — крапивники, соловьи, пеночки.

Тихо охотится за мушками, перепархивая с ветки на ветку, пристально осматривая просвеченные солнцем листья, зарянка — маленькая серая птичка с оранжево-бурой грудкой.

Пышно цветет таволга. Ее пахучие, медоносные соцветия мелких розовато-белых цветочков украшают наши леса все лето, с июня до конца августа. Около них всегда хлопочут пчелы, му-

хи-нектарницы, порхают белые и пестрые мотыльки. Крошечные белые лепестки отцветших метелок таволги осыпают вокруг листья и землю, застревают в натянутой паутине. На смену им распускаются новые соцветия.

Одна-две веточки пышной таволги украсят букет лесных цветов, но дома в вазе с водой они долго не стоят, осыпаются и вянут.

Пробираясь зелеными, пышно цветущими пахучими зарослями таволги с гудящими над нею насекомыми, вы словно полнее чувствуете изобилие нашего короткого милого лета.

ВАСИЛЬКИ

Из влажной, наполненной испарениями прелых листьев лесной прохлады выхожу в поле.

Время близится к полдню. Сухой спящий зной об-

дает меня жаром раскрытой печи.

Я возвращаюсь домой узкой полевой заросшей дорогой. Высоко в небе плавают кругами, поднимается в теплых восходящих потоках воздуха неподвижно распластавший крылья коршун. Две пустельги, мелко тряся крыльями, висят над землей, вновь срываются в быстрый полет, садятся на телефонные столбы, стоящие в хлебах.

Воспаленным от зноя лицом чувствую слабое дуновение жаркого сухого ветерка и снова вспоминаю прохладный ключ в тенистом лесном овраге...

Полевой проселок зарос подорожником, гусиной травкой, в его колеях заезженные колесами колосья ржи и васильки.

Далеко видны во ржи голубые и синие цветы васильков. Я захожу в рожь, наклоняюсь к василькам и чувствую дыхание нагретой солнцем земли, теплый пыльный запах спеющих колосьев...

С редким постоянством васильки растут на хлебных полях, верно сопутствуют злакам. Ученые-агрономы считают васильки сорняками, но удивительно милые и скромные цветы васильков люди любят, упоминают их в песнях. Васильки по-своему как бы поэтизируют нелегкий крестьянский труд в поле, молодые жницы возвращались с поля в венках из васильков...

Я рву крепкие неподатливые стебли васильков и возвращаюсь на дорожку. Без умолку стрекочут, с шелестом рассыпаются из-под ног кузнечики.

Теплый ветер проходит лениво над полем, перебирает тяжелые наливающиеся колосья, и во ржи открываются, взглядывают на меня и снова меркнут лиловато-синие, голубые, добела выцветшие васильки.

Далеко впереди, где теряется в хлебах проселок, дрожит, струится зыбкое марево, и стоят над землею неподвижно белые и плотные июльские облака.

СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ

Как хороши и нежны эти скромные северные цветы! Некогда я любовался ими на берегах Новой Земли, на Земле Франца-Иосифа, покрытой вечными ледниками. В короткое полярное лето вблизи нерастающих ледников цветут золотые нежные цветы — полярные маки, в трещинах каменных скал голубеют скромные камнеломки. Особенно много цветов видел я на берегах Таймырского озера в тундре, где некогда мы проводили лето и куда до нас еще не заглядывал человек.

Ранней полярной весной, когда всюду лежит плотный сверкающий снег, но уже светит незаходящее солнце, под снегом начинают оживать цветы. На южных склонах холмов, где больше греет полуночное солнце, там и тут видны подснежные маленькие теплички, прикрытые тонкою пленкой прозрачного льда. В этих тепличках оживают, готовятся к лету растения. Над снежной бескрайней пустыней еще держатся крепкие морозы, а в подснежных тепличках, куда сквозь тонкую пленку прозрачного льда проникает живительный солнечный свет, тепло. Если разбить тонкую хрустально-прозрачную ледяную пленку, прикрывающую подснежные теплички, растения погибают.

В начале позднего полярного лета, когда в тундре начинает таять снег, растения набирают силу. Стебли северных цветов покрыты пушистою теплой шубкой. От пышных цветов юга северные цветы отличаются особою тонкою нежно-

стью. Они быстро вянут, если сорвать их и поставить в стакан с водою.

Цветов в полярной тундре, разумеется, очень немного. Они ютятся на южных склонах каменных останцов. Удивительно и необычно: вокруг зима, почти нетрожно лежат снега, а рядом с глубокими сугробами на мохнатых стебельках ветер колеблет нежнейшие живые цветы! Среди обломков камней цветут полярные маки, золотыми венками горит сиверсия, голубым пышным ковром расстилаются полярные незабудки. Особенно хороши полярные незабудки.

Уже в середине полярного лета, когда над тундрой появились полчища комаров, я находил отдельно росшие маленькие розоватые цветы, обладавшие изумительным ароматом. На севере совсем нет колючих и жестких растений, покрытых пышными цветами, которыми изобилует жаркий юг. Скучная растительная природа далекого севера удивительно нежна и приятна.

ЗВУКИ ЗЕМЛИ

ЗВУКИ ЗЕМЛИ

Прислушайтесь хорошенько, стоя в лесу или среди пробудившегося цветущего поля, и, если у вас сохранился чуткий слух, вы непременно услышите чудесные звуки земли, которую во все времена люди так ласково называли матерью-землю. Будь это журчание весеннего ручейка или нахлест речных волн на береговой песок, пение птиц или гром отдаленной грозы, шелест цветущих луговых трав или треск мороза в зимнюю ночь, трепетание зеленой листвы на деревьях или треск кузнечиков у протоптанной луговой тропинки, взлет жаворонка и шум хлебных колосьев, тихое порхание бабочек — все это бесчисленные звуки земли, слышать которые люди городские, оглушенные шумом машин, отвыкли. Тем радостнее такому человеку, еще не совсем утратившему чувство родной природы, побывать в лесу, на реке, в поле, набраться душевных сил, которые, быть может, всего нам нужнее.

Для земледельцев и нас, бывалых охотников, звуки земли драгоценны. Перечислить их, пожалуй, невозможно. Они заменяют нам музыку, и не из этих ли звуков возникло лучшее, что запечатлелось в песнях и великих музыкальных творениях?

Я с радостью вспоминаю теперь звуки земли, некогда пленявшие меня в детстве. И не от тех ли времен осталось лучшее, что заложено в моей душе? Вспоминаю лесные таинственные звуки, дыхание пробудившейся родной земли. И теперь волнуют и радуют они меня. В ночной тишине еще отчетливее слышу дыхание земли, шелест листка над поднявшимся из земли свежим грибом, трепетание ночных легких бабочек, крик петуха в ближней деревне...

А как хорошо, незабвенно каждое новое утро! Еще до восхода солнца просыпаются, начинают радостно петь птицы. Спят в каменных домах люди, редкая прошумит машина, но уже полнится жизнью пробудившийся лес, полною грудью дышит земля. В природе нет ничего музыкальнее наступающего раннего утра. Еще серебристее звенят ручьи, душистее пахнут лесные травы, и аромат их чудесно сливается с музыкальной симфонией утра.

ЖАВОРОНОК

Из множества звуков земли — пения птиц, трепетания листы на деревьях, треска кузнечиков, журча-

ния лесного ручья — самый веселый и радостный звук — песня полевых и луговых жаворонков. Еще ранней весной, когда на полях лежит рыхлый снег, но уже кое-где на пригреве образовались первые темные проталины, прилетают и начинают петь наши ранние весенние гости — жаворонки. Столбом поднимаясь в небо, трепеща крылышками, насквозь пронизанными солнечным светом, выше и выше взлетает в небо жаворонок, исчезает в сияющей голубизне. Удивительно красива, звонка песня жаворонка, приветствующего приход весны. На дыхание пробудившейся земли похожа эта радостная песня.

Многие великие композиторы в своих музыкальных произведениях старались изобразить эту радостную песнь. Даже неопытные городские люди, живущие далеко от природы, выезжая за город, слышали веселые песни жаворонков. Только самые тупые из них, оглушенные грохотом машин и современной шумной музыкой, не способны слышать радостные звуки земли.

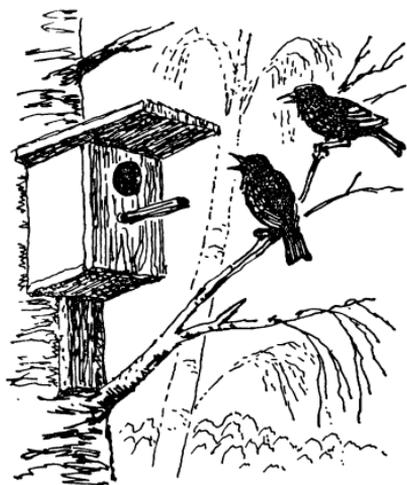
Еще в далеком деревенском детстве моем я любил слушать песни жаворонков. Идешь по тропинке во ржи, любуясь синими васильками. Справа и слева взлетают, с песнями поднимаются в небо жаворонки. Чудесной музыкой наполнен небесный простор. Звонко стрекочут кузнечики, на опушке ближнего леса воркуют горлинки. Идешь, идешь, ляжешь спиной на землю, через тонкую ткань рубашки чувствуя материнское ее тепло. Глядишь и не нагладишься в высокое летнее небо, на склоненные над лицом колосья.

С теплой землею связана жизнь жаворонков. На обработанных человеком полях, среди зеле-

неющих хлебных всходов делают они свои скрытые гнезда, выводят и выкармливают птенцов. Жаворонки никогда не садятся на высокие деревья, избегают густых, темных лесов. От берегов теплого моря до таежных лесов живут жаворонки, над широкой степью, над полями и лугами почти все лето слышны их радостные песни.

В прошлые времена в весенний праздничный день матери наши пекли в русских печах слепленных из теста «жаворонков». Хорошо помню, как вынимала мать из печи подрумяненных тестяных «жаворонков». Мы радовались русскому весеннему празднику.

С «жаворонками» в руках весело выбегали на берег реки смотреть, как пробуждается земля, слушать весенние ее звуки.

СКВОРЦЫ

Из всех певчих птиц, пожалуй, самая близкая к человеку птица — это скворец. Кто не видал, не знает скворцов, не слушал их весеннего пения? С незапамятных пор русские люди устраивали для скворцов деревянные домики-скворечни, украшали их затейливыми узорами, укрепляли

под крышами своих домов, подвешивали на шестах и стволах деревьев.

Прилетают скворцы ранней весной, когда еще

лежит кое-где на полях снег. Прилет скворцов — верный признак близкой, надежной весны. После прилета скворцы начинают торопливо устраивать свои гнезда. Смотришь, как чистят они домики-скворечни, как носят в клювах былинки и мягкую подстилку, устраивают гнездо. Сидя на сучке дерева или на прикрепленной к скворечне ветке, трепеща черными крылышками, самец распевает по утрам и вечерам свои звонкие песни. Хороша и бодр весенняя песня скворцов! Бодрой радостью звучат их голоса. Каких только звуков не услышишь в скворцовой песне! Скворцы умело подражают голосам многих птиц. То вдруг пустит скворец соловьиную звонкую трель, то закрикает дикой уткой. Русские деревенские люди любят слушать скворцов. Скворцы служат образцом доброй, трудолюбивой семейной жизни. Скворец и скворчиха вместе устраивают свое гнездо, выкармливают птенцов. Сидящую на гнезде скворчиху самец улаживает звонкими песнями.

Я очень люблю скворцов, всегда любовался их жизнью, с удовольствием слушал их весенние песни. Вокруг нашего лесного домика я поставил несколько скворечен. Каждую весну в них поселяются скворцы. Одна скворечня привязана низко у крыльца домика, и я близко наблюдаю хлопотливую жизнь ее жильцов. Прилет и песни скворцов совпадают с весенним пробуждением земли, радостными звуками вливается их песня в симфонию жизни. Поют в лесу дрозды, воркуют дикие голуби, кукуют кукушки, заливаются над полями веселые жаворонки, но ближе всех к жилищу человека поют скворцы. Уже оделся листвою лес, появились на пригреве первые лесные

цветы, а все еще поют и поют скворцы у нашего домика.

Сидящего у скворечни скворца хорошо можно разглядеть: его черные с зеленоватым отливом перышки, трепещущие кончики крыльев. Скворцы мирно и дружно живут между собою. Как-то я наблюдал, как скворцы и скворчихи из соседних скворечен подлетали к скворчиному домику, в котором уже вывелись маленькие птенцы. Они заглядывали в чужой домик и, казалось, поздравляли счастливых родителей.

Скворцы никогда не остаются без дела. Я всегда любил наблюдать их веселую трудовую жизнь. Они оберегают наши поля, огороды, сады, являются верным другом человека. Весь день скворцы бегают в саду по дорожкам, заглядывая под каждый листик, охотятся в поле, в лесу, на пашне, собирают для птенцов корм. Трудно подсчитать, сколько скворцы уничтожают вредных насекомых, червей и личинок. То и дело прилетают они к скворечнику с добычей в клюве. Своих родителей молодые скворчата встречают шумной радостью. Даже в самые хлопотливые дни выкармливания птенцов самец ухитряется петь. В вечерний час, перед сном, он садится на ветку у своей скворечни и начинает звонко и радостно петь. Чем больше подрастают птенцы, тем короче становится песня скворца. Когда молодые скворчата начинают летать, вся семья покидает домик и песни скворцов прекращаются. Летом скворцов трудно увидеть: они живут в лесах.

Разумеется, у скворцов есть враги. Их обижают многие хищные птицы, в низко поставленные

скворечни забираются нередко домашние кошки, лапой вытаскивают маленьких скворчат.

Как многие перелетные птицы, поздней осенью скворцы улетают. Они зимуют на юге нашей страны, на побережье Каспийского моря и в других теплых краях, где не бывает суровой зимы. Осенью, собираясь к отлету, как бы желая проститься с родными местами, скворцы иногда возвращаются ненадолго в свои скворечни, и тогда можно услышать их прощальную знакомую песню.

К осени скворцы собираются в многочисленные шумные стаи. Беспорядочным клубком носятся они над полями, садятся на сучья деревьев, на береговой легкий тростник. В полете скворцов есть что-то радостное и веселое. Нередко они ссорятся, но никогда не вступают в жестокие драки. Густыми стаями, похожими на черное плотное облако, поздней осенью отлетают скворцы на юг. В пути останавливаются, рассаживаются на деревьях или на пашне и скоро опять пускаются в путь. На теплом юге скворцы не расстаются, держатся дружными стайками. Весною скворцы неизменно возвращаются в свои скворечни, безошибочно находя путь.

Молодые пойманные скворцы быстро привыкают к людям. Они живут в клетке по многу лет, летают по комнатам, радуются своему хозяину, доверчиво садятся на его плечо. Я сам никогда не держал ручных скворцов, предпочитая наблюдать их жизнь на воле, слушать веселое их пение, вместе с ними радоваться приходу весны.

Всякий из вас, кому посчастливилось побывать ранней весной в лесу, наверное, слышал веселые, звонкие песни дроздов. Одновременно с нашими друзьями-скворцами прилетают из теплых краев дрозды. Еще не оделся листвою лес, кое-где пятнами лежит снег, надулись на березах смолистые почки. На вершинах голых деревьев распевают прилетевшие дрозды. Есть что-то радостное, веселое в песнях дроздов. Ранним утром, когда только покажется солнце, начинают петь дрозды. Идешь по лесу, справа и слева раздаются их голоса. Хороша песня веселого певчего дрозда, силен и звонок его голос. После песни соловья песню певчего дрозда можно считать, пожалуй, лучшей. В ней есть радостные, звонкие переливы. Песня дрозда — лучшая музыка весны в пробужденном от зимней спячки лесу.

Обычно живут дрозды в редколесье, в опушках смешанных лесов. Опрятные гнезда свои вьют на сучьях деревьев, невысоко над землей. Нередко до гнезда дроздов можно дотянуться рукою. Боже мой! Какой шум, треск поднимают взрослые дрозды, когда к их гнезду приблизится человек! Громкий их треск раздается по всему лесу. Если выпадет из гнезда напуганный вами уже оперившийся, не умеющий летать птенец, с писком сядет на землю, на треск его родителей слетается все дроздовое население леса.

Мы знаем несколько видов проживающих в наших лесах дроздов. Есть крупные дрозды-де-

рябы, есть певчие дрозды, дрозды-белобровики, рябинники. Есть скрытные черные дрозды, живущие в глубине темного леса. Лучшими певцами справедливо считаются дрозды певчие. Селятся они на опушках смешанных лесов, весной их можно слышать в пригородных парках и лесах. Они хорошо уживаются с человеком, но не позволяют приближаться к своим гнездам. Певчий дрозд — это небольшая серая птичка, величиною с обыкновенного скворца. Да и в повадках своих сходны дрозды со скворцами. Они также разыскивают на земле пищу, в одно со скворцами время выкармливают своих птенцов. Открытые гнезда дроздов сделаны с большим искусством. Каждую весну дрозды вьют для себя новые гнезда; старые, перезимовавшие гнезда они бросают. Дрозды-белобровики и дрозды-дерябы поют хуже певчих дроздов, и их реже можно увидеть. Особенно скрытны черные дрозды. Обычно они прячутся в густых еловых зарослях, где вьют свои гнезда. Черных дроздов можно встретить и в старинных парках, на заброшенных кладбищах.

В отличие от скворцов, дрозды не очень полезные птицы. Для садоводов, хозяев вишневых и ягодных садов, они являются недобрыми гостями. Летом они обклеивают спелые вишни, клюют ягоды смородины и малины. Хозяину сада трудно спасти урожай от непрошенных гостей.

Дрозды рано выводят птенцов, живут в лесу большими, шумными выводками. Вылупившиеся из яиц молодые дроздята быстро растут и начинают летать. Сколько раз пугали меня дрозды

своим треском, когда я невзначай, задумавшись, к ним приближался. На охоте дрозды мешают слушать. Сядешь, бывало, на подслух на глухарином току, еще не закатилось солнце, вершины деревьев освещены его золотыми лучами. Поют и поют, разливаются на этих вершинах голосистые дрозды. Иной раз и прозеваешь прилет на ток глухаря, не услышишь вальдшнепа. Ночью дрозды замолкают, начинают петь на рассвете. Но как оживляют русский лес весенние наши гости — дрозды! В лесу везде раздается радостная и веселая песня.

Говорят, что дрозды живут почти по всему белому свету, их знают во многих далеких странах. А в зимнее время на них там охотятся. Мясо дроздов ценится как вкусное лакомство. Когда-то в давней юности я сам охотился на осенних жирных дроздов. Время это давно миновало, и теперь я люблю только слушать дроздов, наших радостных весенних гостей, открывающих в лесу самое веселое время.

До поздней осени остаются в наших лесах дрозды, иногда до самого снега. Осенью они не поют. Но неожиданный треск дрозда, как бы предупреждающий население леса об опасности, нередко слышишь в осеннем лесу. В урожайные для рябины годы рябинники-дрозды живут в закрайках лесов, пока не выпадет глубокий снег. На белых сугробах под рябинами издали можно увидеть красные расклеванные шкурки ягод. Дрозды бросают их, выклеывая из ягод семена.

Осенью наши дрозды отлетают в теплые недалекие страны, а весной вновь возвращаются на

свои любимые места в русские леса и перелески. Дроздов можно считать птицами-путешественниками. Они постоянно перелетают с места на место, улетают и вновь появляются, живут иногда вблизи человеческих жилищ. Прилет дроздов — верный признак весны, и я всегда радуюсь, услышав их звонкую, чистую песню.

СОЛОВЬИ

О соловьях, о их пении рассказано и написано так много, что трудно сказать новое, никому не известное. Кто не слышал соловьиного пения, не удив-

лялся силе голоса маленького лесного певца? Несколько лет назад у самого крыльца нашего лесного домика в кустах черемухи каждую весну распевал соловей. Я присаживался на ступеньку, закуривал трубочку и слушал. Иногда нам удалось близко видеть певца. Соловей обычно сидел на низкой ветке черемухи, скрытой зеленой молодой листвою. Видно было, как дрожит тельце маленького, невзрачного певца. Было трудно понять, откуда у крошечной птички такая необычайная сила голоса. Он пел почти без перерыва всю ночь, и чудесное пение далеко разносилось по округе. В те времена мы не держали кошек, и наш певец чувствовал себя в безопасности. Людей он почти не боялся. Вместе с маленьким моим внуком, случалось, мы подходили к нему вплотную.

Хорошо известно, что соловьи поют неодинаково. Есть отменные, особенно талантливые певцы. Есть певцы поплоче, послабее. Наш соловей был, по-видимому, из опытных старых певцов. У таких соловьев учатся петь молодые.

Когда-то соловьиное пение очень ценилось. На Руси были большие знатоки этого пения. В давние годы особенно славились курские и киевские соловьи. За отменных певцов богатые люди — купцы и помещики — плачивали до тысячи рублей. Соловьев держали в особых клетках с полотняными потолками, кормили муравьиными яйцами, которые собирали в лесу в пустые бутылки. Пойманный соловей быстро привыкал к людям и в жилище человека пел так же громко и красиво, как пел некогда на воле, в лесу.

Я и теперь люблю слушать соловьев, хотя у нашего домика давно уже нет знакомого нам певца. По-видимому, гнездо соловья разорили кошки, которых пришлось завести в доме, так как в комнатах и в подполье развелись мыши.

Теперь я хожу слушать соловья на край березовой рощи, окружающей наш дом. Особенно нравится мне ночное пение соловья, когда над головою светят звезды и все в лесу примолкает. Хороши и вечерняя и утренняя песни соловьев, радостно встречающих вместе с другими певчими птицами восход солнца.

Вам, наверное, известно, что немудреные свои гнезда соловьи вьют на земле под кустами. Домашним кошкам и лесным хищникам легко разорить соловьиное гнездо. Соловьи живут в старых усадебных парках и даже в городах, где есть деревья, вода и заросли кустарников. В Ленин-

граде я слушал соловьев в парке Победы на шумном Московском проспекте. Там соловьи гнездились и пели на небольших, заросших кустарником островках, со всех сторон окруженных водою. Ни кошке, ни человеку на эти островки проникнуть невозможно.

Соловьи широко распространены по всей нашей русской земле, где есть сады, рощи, вода и поля. Вряд ли есть на всей земле другая птица, умеющая так звонко и красиво петь, как поет наш русский соловей.

Забуть не могу, как однажды возвращался я с весенней охоты по старому Ладожскому каналу. На утреннем рассвете старый маленький пароходик тихо плыл по каналу, берега которого заросли густыми кустами. Боже мой, сколько собралось здесь соловьев! Казалось, мы двигались по нескончаемой соловьиной дороге. Я сидел на палубе парохода и слушал хор соловьев. Голоса бесчисленных певцов звучали справа и слева, сзади и впереди тихо плывшего парохода. Такого количества соловьев мне еще не приходилось слышать, и я навсегда запомнил весеннее раннее утро, мое возвращение с охоты, звонкую соловьиную дорогу.

Весной соловьи прилетают, когда начинает одеваться лес, цветет черемуха. Первыми прилетают самцы соловьев. Темной ночью они селятся в кустах, по берегам рек, на опушках березовых рощ, в садах и парках. Приманивая соловьев-самок, они поют всю ночь непрерывно. Услаждая сидящих на гнездах самочек, самцы-соловьи поют долго, до лета. В самое это время искусные ловцы ночью ловили в сети доверчивых певцов. Поймать

соловья нетрудно. Нужны терпение, опыт и некоторая охотничья смекалка. Теперь уже не держат в клетках соловьев. Но все же приятно послушать пение соловья, вырвавшись на денек из городского громкого шума.

Рассказывая о соловьях, не могу не вспомнить об удивительном случае, происшедшем прошлой весной. В день моего рождения, утром, под окно моей комнатки прилетел и долго пел соловей. Мы слушали прилетевшего поздравлять меня соловья и дивились. Появление соловья в памятный день было лучшим подарком.

ДЕРГАЧ

Почти все лето возле нашего домика на клеверном поле кричал дергач-короastle. По ночам я выходил на дорогу слушать его бодрый крик. Случалось, я подходил совсем близко. Влажный, хриплый крик раздавался почти у самых ног. Я долго слушал громко звучащий в ночной тишине голос дергача, думал, что такой же крик, наверное, раздавался тысячу и десять тысяч лет назад, быть может, и в те времена, когда еще не было на земле человека.

Звездное небо широким шатром простиралось над моею головою. Казалось, я слышал живое дыхание земли. Я смотрел на звезды, на их тихий свет, и радостное чувство близости к матери-земле наполняло меня.

В хриплом крике дергача есть что-то гордое. Всю ночь дергач кричит неустанно, прославляя земное бытие. Я всегда любил этот с детства знакомый мне бодрый крик. Теперь вспоминаю — росистое раннее утро, легкий туман, растилавшийся над лугами, крик дергачей. Вспоминаю мое детство, журчание чистой воды в маленькой речке, звуки пастушьей трубы пастуха Прокопа, выгонявшего на росу деревенское стадо.

Вспоминаю восход солнца, пение птиц, торжественным гимном встречающих этот восход. Из множества звуков земли крик невидимого дергача казался мне самым таинственным, сказочным звуком.

Редко кому удастся увидеть близко быстроногую юркую дергача, живущего в не́кости — высокой нескошенной траве или в мелких зеленых кустарниках. Даже охотничьей легавой собаке не всегда удается заставить взлететь юркую дергача.

Летает дергач неумело. Смотришь, бывало, на летящего над травой дергача, на его вытянутую шею, висящие длинные ноги, короткий хвост и удивляешься неловкому его полету.

О коростелях-дергачах рассказывают, будто весной и осенью они пешком совершают далекие путешествия. Осенью убегают в жаркие страны и весной возвращаются в родные края. Не очень верю таким рассказам, да и трудно поверить, что небольшая быстроногая птица может пешком добежать до берегов знойной Африки. Никто никогда не видел отлетающих на юг дергачей. Наверное, далекие путешествия свои совершают они

в темные ночи, бесшумно и низко летя над землей.

У русского коренного человека, жизнь которого была связана с родной землей и ее живой природой, ночной мирный крик дергача неизменно вызывает поэтическое и радостное чувство.

ПЕРЕПЕЛ

Перепел — птица степная, но еще в недавние времена перепелов много водилось в Центральной России. Помню очень хорошо, как в полях дозревающей ржи там и тут раздавался громкий крик перепелов.

«Спать пора! Спать пора! Спать пора!..» — слышалось по вечерам со всех сторон.

Перепела — птицы небольшие. На длинных ногах эти серые желтоватые птички быстро бегают по земле в густой ржи. Летать перепел не любит, хотя и совершает осенью далекие путешествия в теплые страны. Крики перепелов и дергачей всегда можно было услышать в деревенских лугах и полях, засеянных рожью, гречихой, овсом и пшеницей. Помню, о перепеле и дергаче в деревне шутили, будто дергач сватается к перепелке и, чтобы ее соблазнить, хвастается своим богатством.

«Тпрусь! Тпрусь! Тпрусь! Тпрусь!..» — поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, подзывает несуществующее стадо хитрый жених-дергач.

А доверчивая перепелка отвечает ему изо ржи так:

«Вот идет! Вот ведет! Хлевка нет! Негде деть!»

Так перекликались по ночам на деревенских полях и лугах перепела и дергачи. Мне очень нравились шустрые, веселые перепела, их звонкий, веселый и бодрый крик, неизменно возвращавший меня к далеким воспоминаниям счастливого детства.

Крик перепела и дергача я причисляю к самым радостным звукам родной земли.

Особенно много перепелов водится в степных черноземных краях. Едешь или идешь по степной извилистой дороге, справа и слева раздается крик бесчисленных перепелов. До самой уборки хлебов держатся на полях звонкоголосые перепела. Они кормятся семенами хлебных растений. Из-под самых ног взлетают отяжелевшие, жирные перепела, летят над землею, близко садятся.

В прошлые времена в степных районах нашей страны — в Орловской, Курской губерниях — были люди, занимавшиеся отловом перепелов. Они расставляли в хлебных полях ловчие сети и, спрятавшись в густых хлебах, свистя в дудочку, подманивали самцов, в поисках самки доверчиво попадавших в сети. Отловленных перепелов продавали на городских рынках. Их покупали купцы и городские мещане. Клетки для перепелов делали особенные, с холстяной крышей, чтобы, взлетая, птицы не разбивали себе голову. Звонкие голоса перепелов раздавались по всей городской торговой улице, где у купеческих лавок с разрисованными вывесками висели клетки с

перепелами. Купцы устраивали перепелиные состязания, ставили на перепелов денежные ставки.

Как-то однажды, еще до первой мировой войны, проходя по одной из тихих петербургских улиц, я услышал громкий крик перепела, отражавшийся от каменных стен городских домов. Подняв голову, я увидел в окне второго этажа каменного дома вывешенную клетку, в которой сидел и громко кричал перепел. Станным казался его степной крик на городской каменной улице чопорного Петербурга.

Я никогда не ловил перепелов, не держал их в клетках, но охотиться на них мне приходилось. В летнее время, когда поспевала рожь и началась в деревнях жатва, перепела обычно сбивались в какой-нибудь оставшийся несжатым островок ржи, и я подходил к ним с легавой собакой. Перепела очень хорошо выдерживают стойку легавой собаки. Застрелить перепела, лениво летящего над самой землей, совсем нетрудно. Мясо осеннего жирного перепела очень вкусно.

Осенью, как и многие перелетные птицы, перепела отлетают на юг. Когда-то в осенние месяцы великое множество перепелов собиралось на Крымском и Кавказском морских побережьях, где они ожидали доброй погоды, чтобы пуститься в рискованное путешествие через море. Крымские и кавказские охотники в осенние месяцы охотились на перепелов с ружьями, собаками, ловчими птицами — мелкими ястребами-перепелятниками. В еще довоенные годы мне довелось наблюдать такую охоту в Адлерской долине на Черноморском побережье. Спутник мой — молодой охот-

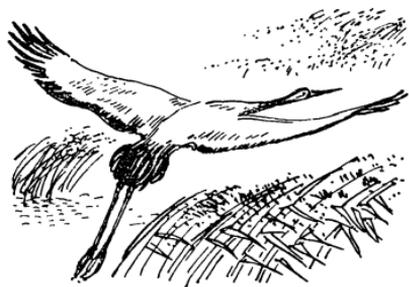
ник — принес в кожаной сумке на место охоты спеленатого ястребка. Вынув из сумки ястреба, охотник посадил его на свою шапку. Мы ходили по лугам, заросшим высокой травой и кустарником. Из-под ног наших то и дело вылетали скрывавшиеся в траве перепела. Ученый ястребок расправлял крылья и бросался за улетающим перепелом, который, спасаясь, падал в высокую траву. По звону колокольчика, привязанного к груди ястребка, мы находили в траве добычу. У первого пойманного перепела охотник отрывал голову, угощал его мозгом голодного ловчего ястребка. Вместо ружья охотник держал в руках две сосновые мутовки с торчавшими обрубленными сучками. Иногда он бросал в поднявшегося перепела вертевшуюся в воздухе мутовку и сшибал летящую над травой птицу. На поясе охотника висели убитые перепела. Вряд ли существует теперь такая охота в застроенной людьми Адлерской долине. Да и перепелов стало значительно меньше.

В степи перепела, разумеется, сохранились. Несколько лет назад в хорошо знакомых мне местах у моего лесного домика кричали на засеянном рожью поле перепела. Несколько раз мне доводилось находить гнезда перепелов, скрытые на пашне в хлебах. Сидящую на гнезде самочку перепела трудно увидеть. Она сидит неподвижно, прижав к спине головку, и, только подойдя близко, можно ее заметить. Шумно вспорхнув, она слетит с гнезда, в котором лежат круглые маленькие теплые яички.

В детстве в летние месяцы я очень любил слушать крик перепелов. Лежишь, бывало, в до-

зревающей ржи, слышишь шелест колосьев, смотришь, как по высоким стеблям ползают круглые маленькие жучки — божьи коровки. Слушаешь крики перепелов, чувствуешь родное тепло земли, и кажется, что из самой земли исходят бодрые, звонкие звуки.

ЖУРАВЛИ

В далеком детстве с особенной радостью встречали мы весной журавлей, возвращавшихся на свою родину. Услышав их голоса, доносившиеся

с высокого неба, мы оставляли наши игры и, подняв головы, глядели в голубую небесную высь.

— Журавли! Журавли! — громко кричали мы, радуясь прилету весенних гостей.

Журавли летели стройными косяками. Они возвращались из далеких теплых стран. Покружив над болотом или над берегом реки, они иногда садились, чтобы отдохнуть и подкрепить свои силы после далекого пути.

Во время прилета журавлей уже оживала, теплым дыханием дышала земля. На полях, поднимаясь в небо, трепеща крылышками, заливались песнями жаворонки, цвела черемуха, над золотыми пуховками ивы гудели пчелы. Журавли летели на север к знакомым родным болотам, где каждый год они выводили и выращивали своих долгоногих птенцов.

Уже поздней осенью, когда с деревьев опадал золотой и багряный лист, журавли возвращались на юг. Они летели такими же стройными косяками, и нам казались печальными прощальные их голоса.

«Прощайте!.. Прощайте!..» — кричали нам с неба улетающие журавли.

Некогда мне довелось близко наблюдать журавлей. Я охотился на глухаринем току возле большого зыбкого, почти непроходимого болота. Ночуя в лесу, много раз на рассвете я слышал, как водят хороводы, громко кричат на болоте журавли. Пробравшись к болоту, спрятавшись в густых кустах, я наблюдал в бинокль за журавлями. Собравшись в широкий круг, размахивая сильными крыльями, журавли трубили и плясали. Это был весенний свадебный журавлиный праздник. Я не тревожил журавлей, готовивших свои семейные гнезда. В летние и осенние ясные дни в поисках корма журавли вылетали с болота на соседние крестьянские поля, бродили по ним вместе с деревенским стадом.

Пойманного молодого журавля очень легко приручить. Ручные журавли ходят вместе с курами и другими домашними птицами. В прежние времена таких ручных журавлей нередко держали для охраны домашних молодых птиц. Зоркий наблюдательный журавль не позволял крылатому хищнику — ястребу или вороне — убить или похитить цыпленка. Ступая на длинных своих ногах, одним глазом все время поглядывал ручной журавль в небо и, если показывалась хищная птица, издавал тревожный крик, который куры, индюшки, цыплята хорошо понимали.

Путешествуя некогда по Северу нашей страны, на лесном аэродроме, где стояли небольшие самолеты, я увидел ручного журавля. Он безбоязненно ходил по аэродрому, как бы следя за общим порядком. Иногда он улетал в лес на болото и скоро возвращался. Об этом ручном журавле мне уже приходилось однажды писать. Знакомые летчики рассказали мне, что в осенние дни, когда над аэродромом пролетали косяки журавлей, их любимец-журавль беспокоился, издавал призывный крик. Журавлиные стаи кружили над аэродромом, и однажды ручной журавль не выдержал — поднялся в небо, улетел на юг вместе с земляками.

ЛЕБЕДИ

Прошло много лет, когда почти каждой весной я уезжал охотиться на волховские широкие разливы. Найдя удобное местечко на каком-нибудь острове, окруженном водою, я старательно устраивал шалаш, вытаскивал из воды и прятал в кустах лодку. Выпустив подсадную утку, забирался в шалаш и терпеливо ждал добычи. Подсадная ручная утка плавала, охорашивалась и, поглядывая одним глазком ввысь, начинала призывно и страстно крякать. На ее зов откуда-то с небес, свистя крыльями, падали красавицы женихи-селезни, начинали ухаживать за коварно призывавшей их уткой. Выждав некоторое время, я

осторожно высовывал из шалаша стволы ружья, прицеливался и стрелял в красавцев селезней-ухажеров. Теперь мне стыдно вспоминать об этой весенней жестокой охоте. Подсадная утка продолжала призывно крякать, а вокруг нее плавали мертвые ее женихи. Я не выходил из шалаша, пока над разливом не поднималось солнце, и утренняя охота кончалась.

Засев однажды в шалаше, уютно устроившись, я был удивлен необычайным и еще не виданным мною чудесным зрелищем. Многочисленная стая лебедей, возвращавшихся с далекого юга на север, стала кружить над разливом. Я видел освещенные зарею розоватые распахнутые крылья, длинные вытянутые шеи, слушал их голоса. Лебеди долго и низко кружили над разливом, стали садиться на воду. Еще никогда не видел я такой чудесной, почти сказочной картины. Я сидел на маленьком островке в своем тесном шалаше и, затаив дыхание, слушал и наблюдал. Изогнув длинные шеи, лебеди близко плавали вокруг островка. Разумеется, я забыл о ружье и любовался невиданным зрелищем, напоминавшим мне дивные пушкинские сказки. Не замечая меня, лебеди плавали, купались, переговаривались, и я мог близко наблюдать этих чудесных птиц. Потом по какому-то знаку, шумя крыльями, брызгая водою, лебеди вдруг стали подниматься и, собравшись в стаю, потянули дальше на север. Я остался с моей подсадной уткой и уже больше ничем не интересовался.

На всей земле вряд ли есть птицы красивее наших северных лебедей. Весною и осенью пролетных лебедей можно видеть у берегов Фин-

ского залива под Ленинградом, где иной раз они собираются в большие стаи. Недаром одно из рыбацких селений на берегу залива и теперь называется Лебяжьим. Над берегом моря пролегает воздушный путь птиц. В темные ночи лебеди пролетают над освещенными городами, над широкой Невой и Ладожским озером.

Некогда, уже в давние времена, путешествуя по пустынному Заонежью, где еще не было проезжих дорог, а не тронутые топором и пилою старые деревья умирали своей естественной смертью, на маленьких и больших лесных озерах я не раз любовался гнездившимися там лебедями. Вечером по узкой лесной тропинке я подходил к древней Даниловской Пустыне, где в петровские времена скрывались от гонений раскольники-староверы. Надо мной высились огромные мертвые, пропитанные смолою сосны с сухими сучьями, обломанными ветрами. Как в настоящей сказке, над самой моею головою бесшумно пролетали огромные филины с кошачьими круглыми головами. Я долго бродил по Заонежью, любуясь древними шатровыми церквушками, расписными могильными крестиками на старых кладбищах, лебяжьими чистыми озерами, встречался с людьми, помнившими старинные русские песни и сказки.

Жители Заонежья, еще сохранявшие быт и уклад старинной жизни, любовно рассказывали мне о лебедях, о привязанности их к родным озеркам, о том, что на каждом озерке живет лишь одна пара лебедей и что других лебедей на свое озерко они не пускают. Рассказывали и о супружеской верности лебедей, о том, что, если один

лебедь погибнет, другой никогда его не забывает и долго печально кружит над родным озерком. Лесные жители-охотники никогда не стреляют прекрасных лебедей, считая убийство лебедя большим грехом. Рука не поднималась и у меня на красивую сказочную птицу, и за всю мою охотничью жизнь я не сделал ни одного выстрела по лебедям.

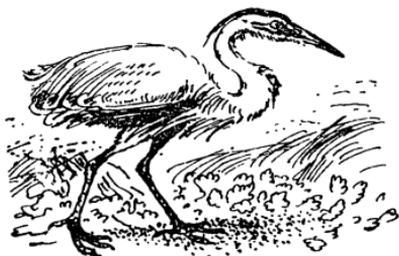
Прилет лебедей доводилось мне наблюдать и на далеком Севере — в Лапландском заповеднике, куда они прилетали в самом начале северной поздней весны. Они грациозно плавали в первых открывшихся полыньях, иногда выходили на покрытый снегом лед, теряя свою грациозность. Весною я один жил в маленьком домике на берегу озера Чуна и всякий день любовался плававшими в полынье лебедями. Сотрудники заповедника в начале лета находили гнезда лебедей, расположенные в скрытых местах на кочках и островках, окруженных водою. Открытое людьми гнездо лебеди иногда покидали. Молодые подрастающие лебеди непохожи на взрослых лебедей. Они покрыты сероватым оперением и не так грациозны.

На птичьих зимовках у Ленкорани зимою я наблюдал много лебедей, спокойно плававших по широкому птичьему заливу. В районе заповедника лебеди почти не боялись людей. Молодые, еще не совсем побелевшие лебедята жались к береговым отмелям, мешаясь с другими птицами.

На самый дальний Север, на озера полярной тундры, лебеди не долетают. Они гнездятся лишь на лесных закрытых таежных глухих озерах. Не-

далеко от Ленинграда, у восточной части Ладожского озера, я знал небольшое глухое лесное озерко, на котором из года в год гнездилась пара лебедей. К сожалению, эту пару убили безжалостные охотники-браконьеры, и лебедей я больше там не видел.

ЦАПЛИ

Лето мы проводили на берегу глухой и очень рыбной небольшой реки Жиздры. В старинном сосновом бору там сохранилась большая колония цапель.

В отличие от журавлей, живущих на глухих, недоступных болотах, цапли обычно гнездятся у берегов рек. Широкие, сплетенные из толстых прутьев гнезда цапли устраивали на самых высоких вершинах вековых сосен. Сколько лет существовала здесь колония цапель? Наверное, еще в давние времена стали селиться в сосновом бору цапли. Под высокими соснами, на которых жили цапли, скопилось много птичьего известкового помета.

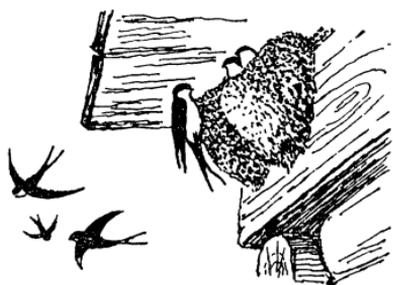
Летом взрослые цапли улетали на реку ловить рыбу, приносили из леса в гнезда птенцам живых ужей, которыми изобиловала местность. Я часто видел на берегу реки цапель, неподвижно стоявших над бегучей водою. Они терпеливо ждали добычу. При появлении лодки или идущего человека лениво взмахивали широкими крыльями и неторопливо отлетали на другое место. В от-

личие от журавлей, цапли плохо привыкают к человеку. Держать их в неволе не доставляет никакого удовольствия.

Однажды в бурную ветреную погоду из гнезда выпал оперившийся, но еще не умеющий летать птенец, почти ничем не отличавшийся от взрослых птиц. Я поймал его и, осторожно держа за длинный, острый, как шило, клюв, принес домой. Золотистые глаза молодой цапли казались недобрыми. Рукою я придерживал клюв цапли, опасаясь, что она может выколоть мне глаз. Молодую цаплю я устроил на небольшой застекленной веранде, где в одном углу на охапке сена помещалась моя легавая собака, коричневый пойнтер Фрам. Устроенная в другом углу цапля, казалось, ни малейшего внимания не обращала на Фрама. Она скоро привыкла к своему новому обиталищу и охотно глотала мелкую рыбешку, которую я приносил.

Когда Фраму в глиняной чашке приносили корм и он начинал обглаживать кости, повторялась смешная картина: цапля медленно выходила из своего угла и не торопясь направлялась к Фраму. Боже мой, что делалось с бедным Фрамом! Он поднимал на спине шерсть, грозно оскаливал зубы, рычал и лаял. Не обращая ни малейшего внимания на Фрама, цапля медленно приближалась к нему, внимательно осматривала чашку, разбросанные на полу кости, поворачивалась и так же медленно возвращалась в свой угол. Я недолго держал у себя злую цаплю; опасаясь, что она может поранить доверчиво подходивших к ней детей, выпустил ее на волю. Окрепшая молодая цапля взмахнула широкими

крыльями, поднялась над деревьями и скоро исчезла. Мы долго вспоминали цаплю, злые ее глаза, а добродушный Фрам продолжал поглядывать в опустевший угол, из которого к нему подходила недобрая, пугавшая его цапля.

ЛАСТОЧКИ И СТРИЖИ

Еще в детстве я очень любил смотреть на веселых быстрокрылых ласточек. Спрячешься, бывало, в жаркий июльский день в высокой дозревающей ржи или на берегу реки в душистой траве посреди нескошенного цветущего луга, глядишь — не взглядишься на голубое летнее небо, по которому тихо плывут пушистые белые облака. Высоко-высоко под облаками кружат, купаются в воздухе белогрудые быстрые ласточки, со звонким свистом проносятся острокрылые стрижи.

Качаются над головою золотые и белые луговые цветы; порхают бабочки; трепещут прозрачными крылышками, недвижно повисая в воздухе, легкие стрекозы; стрекочут кузнечики. А по зеленым стеблям растений ползают красные и желтые с черными крапинками маленькие жучки — божьи коровки. У самых корней растений пробегают по невидимым тропинкам хлопотливые муравьи.

Каждое лето под высоким карнизом дома, в котором проходило мое детство, белогрудые веселые ласточки лепили свои гнезда. Я внима-

тельно наблюдал, как с краев непросохшей лужи носят они в клювах липкую грязь, клеят из нее свои маленькие и опрятные жилища. Любовался потом, как выводят и кормят птенцов. Проснешься на сеновале, где под соломенной крышей на деревянных стропилах касатки слепили из грязи свои открытые, похожие на чашечки гнезда. Нырря в ворота, над самой головой то и дело пролетают длиннохвостые птички. Я близко видел, как, уцепившись за край гнезда, они кормят своих детей, приветствующих родителей веселым и бодрым писком.

Всем, наверное, хорошо известно, что есть ласточки городские и ласточки деревенские — касатки. Жизнь ласточек связана с жизнью человека. Городские белорудые ласточки лепят свои уютные закрытые гнездышки под карнизами каменных и деревянных домов. Ласточки-касатки гнездятся под крышами деревенских сараев, хлевов и овинов. Свои открытые, слепленные из грязи гнезда они прикрепляют к деревянным стропилам, к выступам деревенских стен и крыш. Ласточки-касатки ловко ныряют в открытые ворота и двери, в открытые окна пустующих старых построек. И городские, и деревенские ласточки-касатки питаются исключительно насекомыми.

Почти всю свою жизнь ласточки проводят в воздухе — в полете. Широким своим ртом они ловко ловят летающих насекомых.

Особенно красивы деревенские ласточки-касатки. Хвост касатки украшен двумя длинными косицами. Ласточки-касатки умеют красиво петь. Усядется касатка на конец крыши, потряхивая длинными косицами, начинает щебетать свою не-

сложную, но очень приятную песенку. Помню, песенку эту, добродушно посмеиваясь над женами, деревенские люди так переводили на человеческий язык:

Мужики в поле, мужики в поле,—
Бабы — за яишенку...
Мужики в поле, мужики в поле,—
Бабы — за яишенку...

Городские ласточки живут не только в городах, где много каменных домов и построек. Живут они и в деревнях вместе с ласточками-касатками. Между собою ласточки живут в большой дружбе, никогда не ссорятся, никогда не мешают друг дружке строить свои гнезда. Случается, что в гнездо ласточки заберется нахал-воробей. Ласточки беспокойно вьются вокруг гнезда, стараясь выгнать незваного жильца. Иногда они бросают занятое воробьями гнездо и начинают лепить другое рядом.

Перед переменной погоды, перед грозой ласточки-касатки летают низко над землею. Идешь по дороге в поле — над самой дорогой быстро проносятся, ловя у земли насекомых, длиннохвостые ласточки-касатки. Часто можно видеть ласточек, летающих над самой поверхностью пруда или широкой спокойной реки. Своей грудкою они касаются воды, оставляя на ней расплывающиеся кружки. Так они купаются и пьют на лету воду. Я не знаю птичек милее наших ласточек. Быстрым полетом своим они оживляют дождливое, хмурое или ясное, летнее небо. Люди издавна относились к ласточкам с любовью, дали им ласкательное имя.

Кроме городских и деревенских ласточек, есть еще у нас ласточки-береговушки. Эти ласточки делают свои гнезда в береговых песчаных крутых откосах, роют в них глубокие норы. Ласточки-береговушки обычно летают над самой водой. От обыкновенных городских ласточек и ласточек-касаток их можно отличить по сероватому оперению.

Зимуют ласточки в далекой Экваториальной Африке и каждый год возвращаются на свою родину. В конце лета, перед отлетом, они собираются в небольшие стайки; их можно видеть сидящими на телефонных и телеграфных проводочных проводах, на голых, склонившихся над водой сучьях. Возвращаются ласточки на свою родину позднее других перелетных птиц.

«Ласточка на своем хвосте лето приносит», — говаривали, бывало, на деревне.

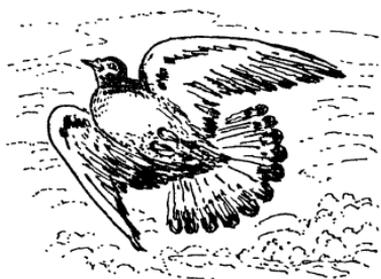
Помню, еще в далеком детстве увидел я однажды над крышею нашего дома, стоявшего среди большого леса, метавшихся в беспокойстве ласточек. Они то садились на крышу, то взлетали. Ясно было, что там что-то случилось. Приятель мой, пастушок Сашка, забрался на крышу и увидел, что одна белогрудая птичка застряла лапкой в расщепе деревянной крыши. Другие ласточки беспокоились, старались ее спасти. Сашка снял с крыши застрявшую ласточку, спустился вниз. Мы увидели, что одна лапка сломана, беспомощно висит. Я перевязал тряпочкой лапку, положил ласточку в коробку, наполненную ватой. Некоторое время эта ласточка жила у меня, потом выпорхнула в окно, и я часто видел ее с повисшей, перевязанной мною, сломанной лапкой, когда она подлетала к своему гнезду. Самое удивительное, что эта ласточка на следующее лето вернулась. Я узнал ее по сломанной висевшей лапке. Трудно понять, как многие перелетные птицы, в том числе и ласточки, находят путь к своим старым гнездам. Над лесами, над морями, над высокими горами, над обширной степью они пролетают многие тысячи верст, безошибочно находят место, где когда-то сами родились.

Кроме всем нам знакомых ласточек городских и деревенских, можно наблюдать летом в небе быстро летающих черных стрижей. Эти длиннокрылые черные птички, со свистом летающие над нашими головами, также всю жизнь проводят в воздухе, на землю никогда не садятся. Если

пойманного длиннокрылого стрижа посадить на голую землю, он не сможет взлететь. На коротеньких своих лапках стриж не умеет ходить по земле.

Обычно стрижи живут на высоких церковных колокольнях, на каменных зданиях и высоких деревьях. Чтобы взлететь, стриж падает в воздух из своего гнезда или с высокого карниза, расправляет в воздухе крылья и быстро, стремительно летит. Известно, что стрижи самые быстрые птицы. Соперников в быстроте полета они не имеют. Прилетают к нам стрижи еще позднее ласточек, а в конце лета исчезают в один день, точно по данной кем-то команде.

Сознаюсь — не очень люблю городских сизяков-голубей, под ногами прохожих ползающих по грязным асфальтовым тротуарам. Городские сизяки-голуби пачкают фасады домов, красивые памятники, которые приходится ограждать от них металлической сеткой. Городские голуби не умеют сами добывать себе корм, питаются подаянием. Никогда не садятся они на сучья зеленых деревьев. Сизяки-голуби не умеют ладить и вить опрятные гнезда, как это делают лесные вольные птицы. Свое некрасивое гнездо нередко устраивают под карнизом каменного дома на куче собственного затвердевшего помета. Здесь они выводят птенцов. Под рыхлым оперением городских голубей-сизяков кишат паразиты. Милее мне шустрый, бойкий воробей, не нуждающийся в подаяниях сердобольных старушек. Воробей умеет строить опрятное гнездо, сам добывает себе корм, садится на сучья зеленых деревьев. Повсюду следуя за человеком, воробьи остаются проворны и умны, уничтожают вредных насекомых, приносят пользу.

Разумеется, есть красивые породистые голуби, которых любители голубиной охоты содержат в голубятнях, устроенных над крышами домов. Я не раз любовался полетом голубей-турманов, кувыркавшихся высоко в небе, совершавших там красивые мертвые петли. Любители голубиной

охоты нередко устраивают соревнования между голубями.

Разводили и держали некогда почтовых голубей, заменявших в давние времена беспроволочный телеграф. Отвезенный даже на большое расстояние, за сотни километров, почтовый голубь безошибочно находил путь к своей голубятне. Почтовыми голубями пользовались для пересылки срочных военных донесений. Их держали в осажденных врагами крепостях, чтобы поддерживать связь со своими войсками. Породистые ручные белоснежные голуби в прошлые времена были живой изящной игрушкой для их владельцев.

Но как хороши, сильны и гордо красивы дикие голуби-витютни, живущие в наших лесах и полях на приволье! Редко удастся близко наблюдать витютней, так они чутки и осторожны. На самых высоких деревьях вьют дикие голуби свои гнезда. В наши среднерусские леса вместе с другими перелетными птицами дикие голуби возвращаются ранней весной. Еще лежит белыми пятнами в лесу снег, а уже далеко слышно трубное воркованье диких голубей — витютней. Возвращаясь, бывало, ранним утром с глухариного тока... Озаряя макуши высоких деревьев, поднимается солнце. Многоголосое, радостное слышится пение птиц. Свистят дрозды, заливаются над пробудившейся землей жаворонки, кукуют и перехохатываются в лесу кукушки. А гулче всех, всех призывнее раздается трубный голос дикого голубя — витютня. Подойдешь тихонько к высокой сосне, в самое небо вскинувшей свою зеленую вершину, присядешь на пень. В недосыгаемой

вышине, весь в золотых лучах, радостно, трубно воркует витютень, приветствуя восход солнца.

В самом облике дикого голубя нет ничего общего с обликом городского голубя-сизяка. Голубь-витютень значительно крупнее, плотное оперение его красивого песчано-золотистого цвета. Трепетен и стремительно быстр его взлет. Идешь по лесу — и вздрогнешь. Совсем рядом послышался громкий всплеск сильных крыльев, на мгновение увидишь кормившегося на земле дикого голубя, быстро исчезающего в зеленых макушах высоких деревьев. В конце лета диких голубей можно наблюдать на убранных полях, где они подбирают рассыпавшиеся из колосьев зерна. Собираясь к осеннему отлету, дикие голуби табуняются, полет их стремителен. Что-то гордое, сильное есть в облике вольного дикого голубя.

Кроме вяхирей-витютней в Средней России можно наблюдать небольших диких голубей, которых ласково называют в народе горлинками. Живут горлинки по опушкам наших березовых рощ и зеленых дубрав. Нежное, приятное воркованье горлинок можно слышать весной и летом. Полет их легок и быстр. Особенно любят горлинки дубравы, одетые зелеными плотными листьями дубы, на которых вьют свои гнезда.

Жизнь диких голубей, каждый год совершающих далекие воздушные путешествия, не похожа на домоседную жизнь городского голубя-сизяка. Несомненно, для многих художников прообразом голубя, вещающего людям мир и свободу, был дикий голубь, вольно и смело живущий в природе.

Я люблю воробьев, этих дерзких, смелых и умных птичек, благополучно живущих даже в шумных многолюдных городах. Люблю их весеннее бодрое чириканье. Стоит поярче светить и пригревать солнышку, как на крышах и возле оттаявших луж, на деревьях городских бульваров начинают громко чирикать веселые воробьи. Они радуются солнцу, приходу весны. Сколько задора в их громком чириканье!

Удивительно широко распространение воробьев. Кажется, нет на земле ни одной страны, в которой люди не знают шустрых воробьев. Особенно любят их веселые французы. В парижских уличных кафе воробьи свободно прыгают по столикам, покрытым чистыми скатертями. Там их никто не гоняет.

Живут воробьи на севере и на юге, неизменно сопровождая человека. Вместе с человеком воробьи переселились в далекую Австралию. В одном из наших больших северных городов, построенном у берегов сурового Баренцева моря, воробьев раньше совсем не видали. С заселением разросшегося ныне большого города в нем появились воробьи. Трудно сказать, как и откуда они здесь появились. С таким же веселым чириканьем прыгают они по городским тротуарам. Очень возможно, что в прошлые времена, когда было мало машин, зимою воробьи следовали за лошадьми. Они расклевывали навоз, доставая

непереваренные семена овса. Трудно назвать другую, более распространенную, близкую к человеку птицу.

На самом дальнем Севере я не видел воробьев. Там для них мало корма. Да и привык воробей жить в больших и многолюдных селениях и городах, в отличие от своего ближайшего родственника — воробья полевого. Полевой воробей отличается внешне от воробья городского тем, что у него есть черные пятна на белых щеках и белый ошейник. Да и держится он более робко, не умеет так звонко чирикать.

Живя в городе, я часто люблюсь веселыми воробьями, смотрю, как бочком-бочком скачут они по бульварным дорожкам, клюют крошки хлеба, которые я вынимаю из кармана. О шустрых, умных воробьях ходило много присказок и рассказов. «Старого воробья на мякине не проведешь!» — говаривали люди. Само название «воробей» сложилось, несомненно, из двух слов: «вора бей!» Так называли воробьев русские крестьяне, у которых на конопляниках воробьи обклеивали спелые семена. «Вора бей! Вора бей!» — кричали деревенские ребяташки, которым было поручено охранять коноплю. Помню веселую песенку, которую мы певали в далеком детстве:

Как повадился, как повадился
В мою конопельку, в мою зеленую
Вор воробей, вор воробей...

В клетках воробьев, разумеется, не держат. Уж очень просто и некрасиво их всем известное чириканье. В клетках предпочитают держать пев-

чих птиц — чижей, снегирей, красивых нарядных щеглов, развлекающих хозяина своим благозвучным пением.

Известно, что воробьи, в отличие от многих птиц, не отлетают зимою на теплый юг. Они зимуют в тех самых местах, где родились и жили. Они не обладают изяществом и красотой, звонко петь не умеют, но все же милы мне эти веселые, маленькие, дерзкие разбойники.

В отличие от многих лесных певчих птиц, воробьи не умеют вить красивые, уютные гнезда. В укромном местечке, где-нибудь под карнизом каменного или деревянного дома, в дупле старого дерева они кое-как устраивают свое простое гнездо.

Птенцов своих воробьи старательно кормят и храбро защищают от всяких опасностей.

Иногда воробьи забираются в уютные гнезда ласточек, в деревянные скворечни. Высунув из скворечника голову, захватчик громко, победоносно чирикает: «Жив! Жив!» Ласточкам и скворцам трудно выгнать захватчика-воробья.

В весеннее и летнее время самцы воробьев часто устраивают между собою шумные потасовки. Нередко можно видеть, как, спустившись на землю, на утопанную людьми тропинку, они продолжают драться, не причиняя, впрочем, друг другу большого вреда.

Нет такого большого или малого селения, где бы не видели воробьев. Они смело скачут по улицам, по которым проезжают шумные машины, прыгают под ногами прохожих по городским тротуарам. Громкое их чириканье можно слышать в центре больших городов. Поймать воробья — де-

ло нелегкое. Приметливые, умные и осторожные воробьи редко попадают в лапы кошек. Они ведут себя осторожно и быстро примечают опасность. В отличие от неряшливых городских голубей-сизяков, строящих гнезда на собственном затвердевшем помете, воробьи очень чистоплотны. Весною и летом они любят купаться в маленьких лужицах, обдавая себя брызгами воды. Чистоплотность воробьев, веселый и бодрый их нрав, привязанность к своему подрастающему потомству, смелость, умение самостоятельно добывать себе пищу, польза, которую они приносят, уничтожая вредных насекомых, заслуживают уважения.

КЛЕСТЫ

Из всех певчих птиц русского леса, пожалуй, самые интересные — клесты. Идешь, бывало, зимою на лыжах по тихому лесу, любишься сказочной его красотой. Высятся над головою темные ели, снежной белой нависью покрыты их ветви. Точно кружевные ворота, изогнулись под тяжестью снега тонкие стволы молодых берез. Зимнее низкое солнце освещает вершины деревьев. Почти ни единого звука не слышно в спящем зимнем лесу. Изредка простучит, перепорхнет меж стволами деревьев неутомимый труженик-дятел. С широкой еловой ветви упадет, алмазной пылью рассыплется ком легкого снега; закачается над головою, точно ожившая, освобожденная от тяжести

темно-зеленая ветвь. Тихо шуршат по пушистому снегу легкие лыжи. И еще безмолвнее кажется зимний лес.

Лесную тишину нарушат вдруг веселые негромкие птичьи голоса. Стайка клестов пронеслась над головою, красными яркими бусами обсыпала вершину украшенной лиловыми шишками ели. Удивительно красивы эти красногрудые птички, оживляющие тишину зимнего леса! Стоишь и любишься, как быстро и ловко теребят они тяжелые шишки, добывая из них семена. Одна за другой падают в снег растрепанные клестами шишки.

Замечательны клесты тем, что из всех зимующих в наших лесах птиц они выют свои гнезда зимою и в лютую январскую и февральскую стужу выводят в этих гнездах птенцов. Зимнее теплое гнездо клестов трудно увидеть: гнезда эти обычно скрыты в густых ветвях хвойных деревьев. Самки клестов кладут яички и выводят птенцов зимою. Во время кладки яиц и высиживания птенцов они не вылетают из своих теплых, глубоких гнезд. Самец заботливо кормит сидящую в гнезде самку. Усевшись на вершине дерева, на котором свито гнездо, он услаждает свою подружку короткой веселой песенкой.

Однажды при мне лесорубы свалили зимой в лесу высокую ветвистую елку. Над поваленной елкой и головами людей беспокойно кружилась парочка клестов. Осмотрев хорошенько поваленную елку, в густых ее ветвях, у самого ствола, я увидел глубокое гнездо клестов. На мягкой и теплой подстилке в нем лежали три маленьких яичка.

Жалко было кружившихся над людьми и поваленной елкой трудолюбивых маленьких птичек. Жалко было и поваленную зеленую красивую елку, дававшую приют клестам. Зимой единственный корм клестов — еловые и сосновые семена, которые они ловко добывают из шишек своим клювом, немного похожим на клюв попугая.

Мне не приходилось держать в клетке веселых красивых клестов, но от опытных людей знаю хорошо, что в неволе клесты быстро привыкают к своему хозяину — человеку. Живущих в клетке клестов можно брать в руки. Подобно попугаям, они любят, когда хозяин легонько гладит пальцем по их маленькой головке. Клестам ежедневно подкладывают в клетку свежие еловые шишки, и на глазах своего хозяина они быстро расправляются с ними, выбирая из шишек легкие семена. Ручных клестов можно кормить и другими семенами, но, живя в неволе, самцы быстро теряют свою яркую, красивую окраску.

Наблюдательные люди давно заметили, что мертвые клесты, всю жизнь питавшиеся смолистыми семенами, долго не разлагаются. Тело мертвого клеста как бы набальзамировано смолой. Некогда простые люди считали клестов птицами святыми. Это народное поверье подтверждалось крестообразно устроенным клювом клеста.

Живущих в наших хвойных лесах веселых клестов разделяют на две породы. Есть клесты-еловики, живущие в еловых лесах, и есть клесты-сосновики, обитающие в высоких сосновых борах. Клесты-сосновики успешно справляются с

крепкими сосновыми шишками, добывая из них семена.

Если вам придется побывать зимою в глухом еловом или сосновом лесу, вы почти наверняка увидите веселые стайки красивых клестов, услышите их приятные и тихие голоса. Разумеется, в лесу нужно ходить тихо и осторожно, прислушиваясь к каждому звуку, и тогда перед вами откроется много чудесных лесных тайн, совсем неизвестных городскому, неопытному, оглушенному шумом и грохотом человеку.

УДОД

Доводилось ли вам видеть или слышать эту удивительную птицу, столь непохожую на всех других наших лесных птиц?

Ночуешь, бывало, весною у костра в лесу или на лесной вырубке возле большого пустынного глухариного болота. В глухую полночь примолкают все певчие птицы. Изредка гугукнет и замолчит сова, страшно ухнет ушастый филин. Тихо потрескивает костер. Колышутся над костром освещенные пламенем густые еловые лапы-ветви. Нетрожная окружает вас тишина.

В этой глухой полночной тишине слышится неумолкаемый и таинственный голос.

Этот таинственный голос точно выговаривает колдовские и недобрые короткие слова:

«Худо тут! Худо тут! Худо тут! Худо тут!...»

Суеверный, незнающий человек, пожалуй, может испугаться — так загадочно звучат эти слова. Ночной колдовской голос принадлежит удоду.

Живут удоды в глухих лесных местах, на песчаных вырубках, где земля неродима. Нередко живут они и на старых, заброшенных деревенских кладбищах, где под деревьями, над холмиками забытых могил стоят покосившиеся деревянные кресты. Быть может, поэтому в народных поверьях удод считается зловещей птицей, предсказывающей человеку смерть. Селиться и жить там, где живут удоды, человеку не годилось.

На песчаных лесных дорогах, у деревенских околиц нередко можно было видеть сидящих на изгороди удодов. Похож удод на сказочную птицу: с высоким хохлом на голове, с пестрым, песочного цвета оперением и крепким черным клювом. Сказочная птица эта так и просится на картинку.

В очень далекие, помню, времена в дупле старой липы мы обнаружили гнездо удодов. Из дупла торчали пестрые головы птенцов. Я взял одного молодого удода и посадил в клетку. Когда я подходил к клетке, молодой удод сердито распускал на голове свой широкий хохол.

Удод оказался очень неопрятной и недоброй птицей. Недолго подержав его в клетке, я решил выпустить удода на волю.

Это было ранней весной. Лес еще не успел одеться. Мы шли в лесу по нашей тропинке. Вдруг послышались тихие, незнакомые и очень приятные звуки. Было похоже, что в глухом лесу собрались настоящие музыканты, играют на флейтах, фаготах и еще каких-то диковинных инструментах.

Прячась за деревьями, мы увидели много рыжеватых соек. Усевшись на сучках деревьев, сойки пели и щебетали. Раньше мы не знали, ни от кого не слышали, что беспокойные, крикливые сойки умеют красиво петь и даже устраивать концерты. Обычно их можно видеть на лесных дорогах и опушках. Заметит сойка собаку или человека и, перелетая с сучка на сучок, издает резкий, тревожный и неприятный крик. По этому крику звери и птицы узнают о близкой опасности, стараются поскорее укрыться.

А тут поют!

Подкравшись тихонько, мы стали слушать лесную музыку, любоваться веселыми, нарядными музыкантами.

Неожиданно лесной концерт был испорчен. По нашим следам примчался мой охотничий пес Фомка. С высунутым мокрым языком он стал носиться под деревьями и распугал соек. С тревожным криком они разлетелись.

Мы очень рассердились на глупого Фомку.

ИВОЛГА

Из всех певчих птиц — лесных музыкантов — самая скрытная и красивая золотисто-желтая иволга.

Живут иволги в березовых чистых рощах, в старинных тенистых парках, в высоких дубовых и липовых аллеях. Весною иволги появляются поздно, когда рощи уже одеты зеленой листвою и все лесные певчие птицы давно прилетели.

Кто не слышал в березовой роще громкий свист иволги? Точно на невиданных музыкальных инструментах играют в лесу неведомые музыканты.

Трудно найти гнездо иволги, искусно подвешенное в зеленых ветвях деревьев. Не всегда удастся близко увидеть и саму чудесную птицу, скрытно пролетевшую от дерева к дереву. Лишь иногда, перелетая открытую, освещенную солнцем лесную полянку, блеснет она своим ярким оперением.

КУКУШОНОК

В ольховых кустах на берегу ручья мы нашли гнездышко каких-то маленьких птичек. Птички метались над нашими головами и жалобно пищали. В гнездышке мы увидели четыре небольших, усеянных кра-

пинками яичка и одно довольно большое яйцо, совсем непохожее на другие.

— Наверное, это яйцо положила в гнездо кукушка,— сказал я своему внучонку Саше.— Давай заметим это гнездо и будем за ним внимательно следить.

Мы часто навещали знакомое гнездышко. Казалось, птички привыкли к нам и уже не так испуганно пищали, кружась над нашими головами. Скоро из насиженных яиц стали вылупляться голенькие птенцы: четыре маленьких и один покрупнее. У всех птенцов были желтые мягкие клювы, которые они широко разевали, когда мы приближались к гнезду.

Мы наблюдали, как родители кормят птенцов, принося в клювах маленьких насекомых, извивавшихся червячков и мягких гусениц.

Мы тоже пытались подкармливать птенцов, накалывая на тонкий прутик мошек и червячков. Мы клали угощение в их широко раскрытые клювы. Особенно много ел и быстро выросла обжорливый кукушонок.

Я рассказал внуку о том, что кукушка единственная из всех птиц подкладывает свои яйца в чужие гнезда и никогда сама не выкармливает своих птенцов. Снеся на земле яйцо, самка-кукушка в клюве или в лапках переносит и кладет его в чужое гнездо. Доверчивые родители высиживают и усердно кормят своих родных птенцов и прожорливого подкидыша-кукушонка.

Нередко бывает так, что, быстро подрастая, кукушонок выталкивает из тесного гнездышка маленьких птенцов и остается в гнезде один. Родители погибших птенцов продолжают его

усердно кормить, пока он не вырастет и не улетит.

Мы долго наблюдали за гнездышком, в котором рос и толстел подкидыш-кукушонок. Однажды, подойдя к гнезду, мы увидели, что в нем остались кукушонок и два маленьких, захудалых птенца. Оперившийся кукушонок, видно, вытолкнул из гнездышка своих маленьких собратьев: в траве под кустами мы нашли двух мертвых птенцов.

— Давай возьмем кукушонка и оставим в гнездышке маленьких птенцов,— сказал мне внук.

Так мы и сделали. Мы вынули из гнезда уже оперившегося теплого кукушонка и принесли домой. Я посадил его в старое птичье гнездо, которое хранилось у меня на полке. Кукушонок уютно устроился в чужом гнезде. Каждый день мы с внуком кормили его гусеницами, мухами и жучками, накалывая их на вязальную спицу. Кукушонок приветствовал нас, махал отставшими крылышками и широко разевал свой уже окрепший клюв. Скоро он стал выползать из гнезда и однажды свалился с полки на мягкий диван. Вместе с гнездом мы посадили его в пустую клетку, в которой жил когда-то мой снегирь.

К концу лета кукушонок стал похож на взрослую кукушку. Иногда мы его выпускали, и он летал по комнате, садился на полки, на стол, с удовольствием глотал сырое рубленое мясо и ловил живых мух. Кукушонок оказался очень прожорливой, нечистоплотной и беспокойной птицей. Летая по комнате, он забирался на полки, пачкал

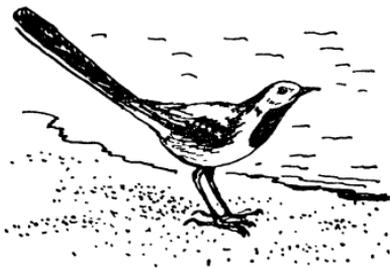
корешки книг, по утрам просыпался очень рано, мешая мне спать. Я не знал, как нужно приручать и воспитывать в неволе кукушек, и мы решили выпустить кукушонка на волю.

Мы вынесли его на лесную опушку, подбросили в воздух. Он повис в воздухе, махая крыльями, и, будто прощаясь с нами, сделал над головами круг, поднялся высоко и исчез за деревьями.

Больше мы не видели нашего кукушонка. Кто знает, быть может, на другой год он прилетел в родные места. Весною мы слышали кукование у самого нашего домика и говорили:

— Не наш ли это кукушонок прилетел и приветствует нас?..

ТРЯСОГУЗКИ

Над моим окном, под карнизом, свили гнездо веселые проворные трясогузки. Весною я наблюдал, как, перепархивая на своих легких крылышках, хлопотливо

носили они в клювах длинные конские волосинки, сухой мох, надерганную из бревенчатых стен мягкую паклю, сухие травинки.

Мне всегда были милы эти проворные и веселые птички. Идешь, бывало, по песчаному берегу реки или по полевой найденной тропинке. Впереди, потряхивая длинными хвостиками, все время прыгают, бегают и перелетают веселые трясогузки. Человека они почти не боятся. Идешь

и радуешься, глядя на веселых, доверчивых птичек.

Уже не первый год, прилетая весной, наши знакомые трясогузки устраивают над моим окном свое незамысловатое, но очень опрятное гнездо. Каждое лето мы наблюдали, как трясогузки выводили и выкармливали своих маленьких птенцов, как подрастали и оперялись эти беспомощные и голые птенцы, как в свой срок с радостным щебетанием один за другим вылетали они из родного теплого гнезда, скрывались в листве высоких деревьев, окружающих наш маленький лесной домик.

Нынешним летом трясогузки опять вернулись на свое облюбованное место. Бог знает, в каких дальних краях зимовали они, как находили путь к нашему карачаровскому домику, где под крышей крылечка, над моим окном, было их прошлогоднее гнездо?

Из окна мы вновь наблюдали, как с веселым, бодрым чириканьем порхали возле гнездышка милые длиннохвостые птички, как выводились и подрастали птенцы, а родители прилетали их кормить. Какой радостный нетерпеливый писк поднимался в гнезде, когда с мухой или изви-вавшимся живым червячком в клюве подлетала к гнезду взрослая птичка!

Желтые, широко раскрытые клювы тянулись к матери, и в один из них она опускала принесенную добычу. В гнезде мы насчитали пять головок птенцов, ожидавших корма.

Начало нынешнего лета было холодным и дождливым. Всю первую половину июня дул северный, неласковый ветер, пасмурное небо ред-

ко прояснялось. В погожие, ясные дни особенно веселы были в своем гнездышке подраставшие птенцы, и мы часто ими любовались.

В холодное, дождливое утро произошло несчастье. Мы услышали писк, тревожное чирикание. На крыльце кто-то крикнул:

— Птенцы! Смотрите, птенцы!

Выйдя на крыльцо, мы увидели двух несчастных, обмокших птенцов. Сбитые дождем, дрожащие, они сидели в высокой мокрой траве и не имели сил взлететь. Над ними с криком тревоги порхали, останавливаясь и повисая в воздухе, взрослые птички.

Мы поймали обмокших птенцов и, приставив лестницу, посадили в гнездо. Ослабевшие, мокрые птенцы прижались к своим громко пищавшим сестричкам и братцам.

Родители продолжали кормить птенцов, и нам показалось, что все кончилось благополучно. В полдень из гнезда вылетел еще один птенец и сел на ступеньку деревянного крыльца. Поймать его было невозможно: при приближении человека он взлетел и уселся на закачавшуюся ветку сирени.

К обеду из гнезда вылетели уже три птенца. Несомненно, для них наступило время вылета, и они соблюдали свой неписанный закон, несмотря на дурную погоду.

Мы очень боялись, что плохо летавших птенцов изловит наш черный кот Григорий, и заперли кота в чулан. Взрослые птички долго и беспокойно кружились над вылетевшими птенцами, как бы стараясь научить их летать.

На следующий день мне понадобилось на

целых две недели выехать в город. Разумеется, в городской суетне я забыл о трясогузках. Когда я вернулся, внук мне сказал:

— Посмотри-ка, дедушка: в гнезде трясогузок до сих пор живет и не вылетает один взрослый птенец. Наверное, ему страшно вылететь из гнезда. Мать по-прежнему его кормит.

Я подошел к окну. В гнезде сидел оперившийся крупный птенец, ничем не отличавшийся от взрослых трясогузок. Подлетевшая трясогузка-мать положила в его раскрытый клюв жирную гусеницу. Птенец взмахнул крыльями, но остался в гнезде.

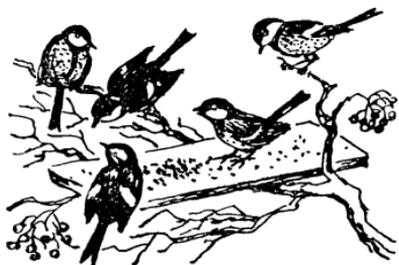
Мы долго не могли понять, почему не вылетает из гнезда выросший птенец, и считали его трусишкой. Мать усердно кормила птенца. Держа в клюве крупного червяка или вкусную гусеницу, она присаживалась иногда на самый край крыши, старалась выманить из гнезда жалобно пищавшего, трепыхавшегося птенца. Случалось, кормилица-мать долго не прилетала, и тогда голодный птенец громко и жалобно пищал, зовя свою мать.

Заподозрив неладное, однажды я сказал внуку, чтобы он принес лестницу и посмотрел, что происходит в гнезде трясогузок и почему не вылетает из гнезда выросший птенец.

Необъяснимая загадка раскрылась: подросший птенец запутался лапкой в петле из конского волоса, которым была выслана внутренность гнезда. Два пальца на лапке оказались сломанными. Мы освободили птенца, и он с радостным криком поднялся в воздух и в сопровождении матери исчез с наших глаз.

Самое трогательное в этой истории — привязанность матери трясогузки к своему птенцу, попавшему в негаданную ловушку. Трясогузкамать не покинула своего несчастного птенца, продолжала его кормить.

СИНИЦЫ

Под самым окном нашего домика зимой я устроил для птиц кормушку. На прикрепленную к сучкам рябины дощечку мы сыпали хлебные крошки, кашу, мелкие кусочки сала и мяса. Всякий день сюда стали слетаться черноголовые бойкие синицы, другие лесные птички. Пухлые на морозе синички бойко клевали рассыпанный корм.

Вы все знаете и видели обыкновенных наших синичек. Летом они живут в лесах и парках, кормятся насекомыми. Зимой обычно прибывают к человеческому жилью, добывают корм на выгребных ямах и часто залетают в открытые форточки жилых домов. В большие морозы синицы бьются в оконные стекла, влетают в сени.

Синицы — птички всеядные. Они ловко ловят насекомых, очень любят жирное мясо, клюют крошки хлеба и кашу. Поймать синицу нетрудно. Я поставил у выгребной ямы обыкновенную проволочную мышеловку, подвесив в ней небольшой кусочек сала. Очень скоро в мышеловке оказались две синицы. Этих синиц я принес в наш домик и пустил летать в комнате.

Синицы скоро привыкли к человеческому жилью, сами находили себе корм — рассыпанные на столе крошки хлеба и кусочки мяса — и забавно ловили толстых зимних мух, которые вылетали из щелей бревенчатых стен нашего домика.

Кошки Машки тогда еще у нас не было, и синицам не угрожала никакая опасность. Лежавший у печки пес Фомка поглядывал на синиц и заметно волновался, когда птички подлетали к его чашке с едою.

Почти всю зиму синицы жили в комнатах нашего домика. Они перелетали с места на место, часто садились на обеденный и на мой письменный стол, но в руки никогда не давались. К тогда еще маленькому внучонку моему, Саше, относились они, впрочем, с полной доверчивостью. Случалось, они смело присаживались на его голову, покрытую светлыми, легкими, как пух, волосами. По-видимому, голову внука они принимали за обыкновенную лесную кочку. Прыгая по обеденному столу, они ловко воровали вкусные пенки из блюда с топленым молоком, которое стояло перед внуком, сидевшим на высоком детском стуле.

Уже в самом конце зимы кто-то неосторожно открыл входную дверь, и обе синички вылетели на волю. Признаться, мы все тосковали по милым, веселым синичкам, своею вознею развлекавшим нас в зимние вечера, и долго их вспоминали.

Побывав в лесу, наверное, каждый из вас слышал стук дятла. Идешь зимою на лыжах или по летней лесной тропинке и вдруг над самой головою услышишь громкий, настойчивый стук. Это долбит старое высокое дерево, добывая себе пищу, труженик-дятел. Известно, что дятлов называют иногда лесными докторами. Долбя кору и ствол старых деревьев, они добывают вредных насекомых и их личинки. Длинный круглый язык дятла устроен так, что может проникать в извилистые ходы, которые проделывают в древесине вредные насекомые — губители леса. На конце языка дятла есть маленькие цепкие крючочки, которыми он вытаскивает из древесины спрятавшихся насекомых. Не все из вас знают, что дятлы бывают первыми вестниками близкой весны. Идешь по лесу в февральский или мартовский погожий день — и вдруг слышишь странный звук. Весною дятлы выбирают сухие вершины деревьев и барабанят так быстро, что их трель можно принять за непрерывный скрип старого дерева. Но как же может скрипеть дерево, если нет ветра? Странный звук далеко разносится по тихому лесу. Это весеннюю барабанную трель пускает сидящий на сухой, звонкой вершине барабанщик-дятел. Если, остановясь, прислушаться хорошенько, можно услышать в лесу далекие ответные трели. Так звонкими трелями встречают наши пестрые дятлы русскую весну.

Я очень люблю наблюдать дятлов. Они оживляют наш зимний притихший лес: то и дело слышишь резкий крик дятла, перелетающего с одного дерева на другое. Усевшись на нижнюю часть древесного ствола, дятел, опираясь на свой крепкий хвост, спиралью поднимается выше и выше. Удивительно красивы пестрые наши большие и малые дятлы. Они похожи на пестро раскрашенных экзотических птиц. На зиму дятлы не отлетают в далекие теплые страны, зимуют в родных лесах.

Живут в наших лесах еще крупные черные дятлы с красными головами. В народе черных дятлов кличут желною. С громким криком перелетает желна с дерева на дерево, и еще громче слышна ее барабанная трель.

Кроме пестрых и черных дятлов, водятся в наших лесах зеленые дятлы. Идешь, бывало, летом по лесу — и вдруг почти из-под самых ног из большой муравьиной кучи выпорхнет и полетит зеленый дятел. Зеленые дятлы раскапывают высокие муравьиные кучи, добывают муравьиные яйца, личинки. Мне приходилось читать, что дятлы засовывают в муравьиные кучи свой длинный круглый язык, проглатывают налипших на него живых муравьев.

Я никогда не видел пестрых дятлов, сидящих на муравьиных кучах, но много раз приходилось мне видеть чистые белые стволы берез, кора которых по строгой спирали истыкана крепкими клювами пестрых дятлов. Быть может, они делают это в весеннее время, чтобы полакомиться сладким березовым соком.

Громко долбящего дерево пестрого дятла лег-

ко приманить. Нужно спрятаться за ствол одного из ближних деревьев и, взяв в руку сучок или палочку, стучать по стволу, подражая дятлу. Занятый своим делом, любопытный дятел прислушивается к стуку палочки и непременно к вам подлетит. Переходя осторожно от дерева к дереву, можно долго манить за собою любопытного дятла.

Много раз мне приходилось находить в лесу гнезда дятлов. В стволах деревьев с мягкой древесиной они выдалбливают глубокие дупла с аккуратно сделанным круглым входом. В этих дуплах дятлы устраивают свои гнезда, выводят и выкармливают детей. Часто я наблюдал, как взрослые дятлы кормят своих подрастающих птенцов, высовывающих из дупла носатые головки, точно повязанные красными платочками. Однажды мне довелось видеть вылет подросших птенцов из дупла. Молодые оперившиеся дятлы

сидели на ветках ближних деревьев и громко кричали, призывая мать и отца. По-видимому, им было страшно на первых порах оставаться на воле.

В зимнее время дятлы кормятся семенами еловых шишек. В расщепках деревьев они искусно устраивают зимние свои мастерские — дятловы кузницы. Принесенные в лапках еловые шишки они ловко засовывают в свой верстак, выдалбливают из шишек семена. Под каждым лесным верстаком дятла можно увидеть целую кучу расстрепанных, распотрошенных шишек.

Всем известно, что дятел очень полезная для наших лесов птица. Но не только польза, которую приносят лесам дятлы, меня интересует. Я люблю его красотой, пестрой раскраской его оперения, его смышленностью, радуюсь барабанной трели дятла, предвещающей приход весны.

СНЕГИРИ

Наверное, всякий из вас, кому приходилось зимой выезжать из шумного города, побывать в подгородных дачных местах, любовался красивыми красногрудыми снегирями. В зимние месяцы снегيري держатся близко от человеческих жилищ и проезжих дорог. Летом скрытного снегиря трудно увидеть. Осенью и зимой снегيري питаются семенами колючих растений, растущих у огородных и садовых изгородей, в глубоких придорожных

канавах. Тиха, мелодична скромная песенка снегиря. Я очень люблю красногрудых снегирей, отчетливо видных на белой скатерти зимних придорожных снегов.

Мне не раз приходилось держать снегирей в клетках. Они быстро привыкают к человеку, легко переносят неволю. Приятно слушать в комнате тихую песенку снегиря.

Помню, в далекие времена клетка со снегирем висела в комнате моих маленьких дочерей: Аринушки и Аленушки. Под пение снегирюшки они собирались в школу, кормили его конопляным семенем и тертой морковкой. За снегирем ухаживала бубашка, моя мать, деревенская женщина, которой забота о снегирюшке заменяла привычную крестьянскую работу. Мы очень любили нашего снегиря. Он свободно летал по комнате, купался в поставленной на полу ванночке, сам прилетал в клетку, где для него был приготовлен корм; казалось, никогда не скучал.

Хороши снегيري на воле. В яркий зимний день где-нибудь у изгороди или в густых кустах, на ветках шиповника или калины красными крупными бусами рассаживаются снегيري. Проходящего мимо человека они почти не боятся. Снегирь — русская наша птичка. Снегيري не совершают далеких путешествий в теплые страны, остаются зимовать в родных местах, перелетая лишь на недалекие расстояния.

Опытному птицелову легко поймать осенью и зимою доверчивого снегиря. Если в клетке у вас живет снегирь, будьте с ним ласковы, никогда его не пугайте, и он очень привыкнет к вам, будет радоваться приходу хозяина, садиться ему

на плечо. Снегири по многу лет могут жить в клетке, по-видимому совсем не тоскуя о свободе.

Весною, когда начинается гнездование лесных птиц, снегири, разумеется, немножко тоскуют, сидят в клетке понуро. Но что же поделаться? Долго проживших в клетках птиц рискованно выпускать на волю: они отвыкли добывать себе корм, находить друзей и вить гнезда.

В большой клетке-вольере некоторые пойманные в лесу птицы при соответствующем уходе выют гнезда, выводят детей. Теперь уже мало осталось любителей комнатных птиц и птичьего пения. Маленьких живых птиц заменили громоздкие телевизоры. В прошлые времена любителей певчих птиц было много. В клетках держали заморских канареек, веселых чижей и красивых щеглов. При умелом уходе они хорошо себя чувствовали в неволе. Пожалуй, из всех комнатных певчих птиц я особенно любил скромных снегирей. Любовался также, как возле зимней дороги на вольной воле, перелетая с куста на куст, свистят мои друзья-снегири. Мне хотелось поздороваться с ними, пожелать им доброго счастья.

ПОПОЛЗЕНЬ

Сегодня к нам в форточку влетел поползень — небольшая, очень шустрая и смелая птичка. Несколько раз она пролетела над столом, где мы пили наш ут-

ренный чай. Моя жена Лидия Ивановна встревожилась. Ей казалось, что влетевший поползень, испугавшись людей, станет биться о стекла окон. Но он, не обращая на нас внимания, спокойно перелетал из угла в угол, обследуя наше зимнее жилище. Кто знает — в нашем отсутствии, быть может, он уже не раз бывал внутри лесного домика и хорошо знал расположение комнат. Перелетая с места на место, он пробрался в маленькую кухню, где на полу были рассыпаны хлебные крошки, стал спокойно кормиться.

— Погляди, какая смелая птичка! — сказала жена, с удивлением глядя на храброго поползня.

Поползень долго оставался внутри нашего жилища, и мы не заметили, как и когда улетел он на волю в открытую форточку. Улетая, он оставил на память нам на чистой обеденной скатерти стола небольшую кучку помета. Жена, разумеется, рассердилась на невоспитанного поползня, ей пришлось замывать на скатерти пятнышко, но ее неудовольствие скоро сменилось желанием еще раз увидеть милого гостя.

Наверное, не все видели и знают эту небольшую бойкую и очень веселую птичку. Поползни похожи на синиц и немного на дятлов. Можно наблюдать, как проворно ползают они по стволам деревьев, нередко вниз головою. Зимой, так же как синицы, они прибиваются к человеческому жилью, живут в старых парках, в садах, возле протоптанных людьми дорожек. Я очень любил наблюдать ловких поползней, замечательных гимнастов. Подобно дятлам, они иногда начинают долбить кору деревьев. Стукотня поползня значительно тише громкой стукотни пестрого или

черного дятла, издалека ее невозможно услышать.

Как-то зимою я устроил кормушку под самым окном нашего лесного домика. На кормушку каждый день слетались синицы и другие лесные птицы. Всякий раз неизменно появлялся и поползень. Он бесцеремонно разгонял синиц, усаживался на стволе дерева, казалось, гордился тем, что маленькие птички его боятся. Никакого вреда лесным птичкам поползень, впрочем, не причинял. С таким же удовольствием клевал приготовленный для птичек корм и, пообедав в одиночестве, улетал в лес.

Поползней, пожалуй, нельзя считать певчими птицами. Только ранней весной, когда поползни собираются жить семейно, самец поет свою несложную песенку, похожую на обыкновенный свист.

Мне никогда не приходилось держать поползней в клетке, но я не сомневаюсь, что они быстро привыкают к человеку и могут жить с ним в большой дружбе.

Поползень, несомненно, очень умная и полезная птичка. Так же как дятлы, поползни в лесу уничтожают вредных насекомых, забравшихся в щели древесной коры. Я всегда очень радуюсь, когда маленькие птички залетают в наш лесной домик, считаю их моими добрыми, желанными гостями. Разумеется, мы стараемся не делать резких движений, чтобы не пугать наших лесных гостей.

Очень советую вам, молодые друзья, если придется зимою или ранней весной побывать в лесу или пригородном парке, приглядывайтесь

хорошенько, и вам, наверное, удастся увидеть поползней, прыгающих по натоптаным дорожкам или ползающих по стволам ближних деревьев.

ОЛЯПКИ

Наверное, вы слышали или читали об этой маленькой птичке, но немногие видели ее своими глазами. Путешествуя по северным нашим лесам, я не раз видел

оляпок, живущих обыкновенно возле чистейших ручьев, ключей и маленьких водопадов. Идешь, бывало, по берегу такого ручья или небольшой быстрой речонки с прозрачной и чистой водою — услышишь пение птички, очень похожее на журчание маленького ручейка. Если подойти осторожно, можно увидеть и самое оляпку. Это небольшая, очень подвижная и быстрая птичка с белой грудкой и длинными тонкими ножками, острыми крепкими коготками. Она шустро перебегает по мелким береговым камешкам и, взмахнув короткими крыльями, над самой водою перелетает с камня на камень. На ваших глазах она вдруг исчезает под быстро текущей водою. Хорошо видно, как, загребая крылышками, оляпка бежит по каменистому дну прозрачного ручья. Пробежав некоторое расстояние, она вылетает из воды и, усевшись на камень, вновь начинает петь свою веселую песенку.

Возле незамерзающих быстрых горных ручьев

оляпки остаются иногда на всю зиму. Странно видеть эту птичку в морозный зимний солнечный день. Вокруг лежат снега, стоят покрытые снежной навесью высокие деревья, а маленькая оляпка по-прежнему поет и бегаёт по обледенелым камешкам у самого ручья или маленького шумного водопада. Она то и дело скрывается под водою и опять появляется.

Оляпка очень осторожная и чуткая птичка. Наблюдать ее близко не всегда удастся. Оляпки не живут возле больших городов на ручьях и речках с загрязненной водою. Их можно видеть в безлюдных местах, у чистых ключевых ручьев и прозрачных быстрых речек. Оляпки не любят затяжную дождливую погоду, когда в ручьях и реках вода замутняется. В такую погоду оляпки перестают петь, перелетают в тростники и осоку, быстро бегают по широким листьям кувшинок, плавают и ныряют, собирают на подводной части растений водяных присосавшихся насекомых. Как только прояснится погода, оляпки возвращаются на свои любимые места, и опять над ручьем или рекою слышится их веселая песенка. Кормятся оляпки водяными насекомыми, а зимою иногда ловят мелких рыбешек, вытаскивают их на берег и разбивают о камень на мелкие кусочки.

Оляпку можно увидеть и в средней части России на чистых, незагрязненных речках и ручьях. Помню, в детстве я любовался оляпками, жившими у водяной мельницы на нашей деревенской речонке Гордоте. Гнездо оляпок было скрыто у большого мельничного колеса, с которого шумным пенистым водопадом скатывалась

вода. Они летали почти под самыми вертевши-
мися колесами.

Нужно быть умелым наблюдателем природы,
чтобы увидеть чудесную птичку оляпку. Если
вам придется побывать в безлюдных лесных или
горных местах, присматривайтесь и прислуши-
вайтесь хорошенько. На чистом и быстром ручье
или речке, быть может, вам посчастливится уви-
деть оляпку.

ЗИМОРОДОК

Я шел крутым берегом
знакомой реки. Под обры-
вистым песчаным откосом
текла вода. Внизу, над бы-
строй водою, склонялись
зеленые ветви ив. У самой

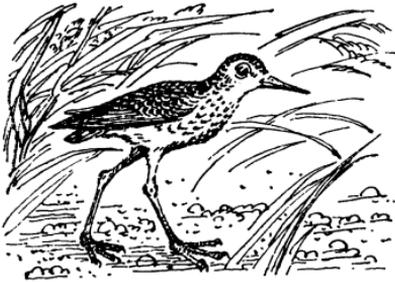
поверхности нет-нет да и поблескивал на солнце,
сверкая серебром чешуи, бок мелких рыбешек-
верхоплавков. Смотри вниз, я увидел небольшую
голубовато-лазурную птицу, стрелою кинувшу-
юся с высокого песчаного откоса в прозрачную
воду реки. На несколько мгновений птица ис-
чезла под водою. Это был зимородок — удиви-
тельная птичка, редкая в наших местах. Зимо-
родка я узнал по яркому оперению, по длинному
клюву, по быстрому полету и умению нырять.
Вынырнув из воды, неся в клюве маленькую
серебряную рыбку, зимородок скрылся у края
песчаного берегового откоса.

Живут зимородки по берегам быстрых и про-
зрачных рек с крутыми песчаными берегами.

Свои гнезда они делают в глубоких норах, вырытых в песке на крутых откосах. В самой глубине норы находится гнездо, устланное сухими рыбьими костями и рыбьей чешуею. Здесь зимородки выводят и выкармливают своих птенцов.

Зимородки не похожи на наших обычных певчих птиц. Они умеют нырять, плавать и ловить мелких рыбешек. Замечательно оперение взрослого зимородка, так похожего на редкостную экзотическую птицу. Народное название — зимородок, наверное, произошло оттого, что даже в зимнюю стужу подобно оляпкам зимородки иногда остаются на берегах быстрых незастывающих рек и ручьев. В суровые зимы зимородки улетают на юг, как и другие перелетные птицы. На птичьих зимовках, в заливе Кызыл-Агач, на южном Каспии, я часто наблюдал зимородков. Там они держались в высоких, шелестящих на ветру камышах, зорко высматривая в воде добычу. Весною зимородки улетали на север, на знакомые берега малых и больших рек. В средней России я только два или три раза наблюдал красивых зимородков, и мне четко запомнились эти редкие встречи.

Из самого давнего детства мне запомнился маленький куличок-перевозчик. Мы жили у берега широкого мельничного пруда. Мать водила меня купать на песчаный отмелистый берег. Раздевшись, я барахтался в нагретой солнцем воде, собирал росшую на берегу землянику, в мокрой горсти приносил ее матери. Над гладкой поверхностью пруда, отражаясь в воде, с берега на берег то и дело с криком перелетал, трепеща крылышками, маленький куличок-перевозчик. Мне очень нравился этот веселый куличок.

Вряд ли в птичьем мире есть такое разнообразие видов и пород маленьких и больших птиц, как в обширном семействе куликов. Живут кулики почти повсеместно на севере и на юге. Летом они долетают до самого Крайнего Севера, до побережья Ледовитого океана, гнездятся и живут в голой тундре. Русский простой народ добродушно относился к веселым, быстрым куликам, шутливо говорил: «Кулик невелик, а все-таки птица».

Я не был ученым-натуралистом и не знаю названия всех пород и видов куликов. Знаю, что есть совсем маленькие песочники-кулики, бегающие по песчаным берегам наших рек и озер. Есть и крупные кулики, живущие обыкновенно на больших болотах и нескошенных зеленых лугах. Громкий крик этих куликов крестьяне, помню, так переводили на человеческий наш язык: «Жгите сено, жгите сено, новое поспело!»

Слова эти обозначали начало покоса, уборки нового сена.

К куликам относятся большие и малые кроншнепы — строгие птицы с загнутыми книзу клювами. Застрелить сторожкого кроншнепа удастся не всякому охотнику. Многие из вас, наверное, видели длинокрылых чибисов, живущих на кочковатых болотах, на вспаханных полях. Махая длинными крыльями, они кувыркаются в воздухе, звонко кричат: «Чьи вы? Чьи вы?» Так переводит народ на человеческий язык их громкий крик.

Путешествуя по пустынному Таймырскому полуострову в безлесной, голой тундре, где до нас еще, наверное, не были люди, летом я видел и слышал великое множество куликов. Некоторые из этих куликов мне были совсем неизвестны. Я слушал их странные голоса, раздававшиеся над пустынной тундрой. Небольшие кулички срывались иногда из-под самых моих ног.

В маленьких, неглубоких озерках я видел куличков-плавунчиков, близко подходил к ним, любовался, как бойко они плавают меж небольших тростинок, купаются и ныряют. До смелого куличка-плавунчика можно было дотянуться рукою, но он не позволял взять себя в руки и перелетал на новое место.

Там же я наблюдал красиво и пышно одетых куликов-турухтанов, в весеннее брачное время устраивавших между собою смешные поединки. Кулички эти носили пышные воротники, и каждый самец-куличок отличался особенностью своей брачной одежды.

Множество куликов наблюдал я и на птичьих

зимовках на южном Каспии, в Кызыл-Агачском заливе. Отлогие берега залива были исписаны множеством больших и малых птичьих следов. Тут вертелись кулики самых разнообразных видов и пород. Ни малейшего внимания не обращали они на грозных орланов-белохвостов, неподвижно сидевших на берегу залива и ожидавших легкой добычи. Здесь я видел крупных куликов с загнутыми кверху клювами-носами. Этими изогнутыми клювами они ловко поднимали мягкий ил, разыскивая червей, улиток и насекомых.

Осенью и весной многие породы куликов совершают далекие перелеты. Знакомых нам куликов зимою видят на берегах рек и озер Центральной Африки. Поразительны перелеты кочующих птиц, их умение безошибочно находить дорогу к местам своих гнездований.

У берегов Земли Франца-Иосифа однажды мы высадились со шлюпки на небольшой отлогий островок, покрытый гнездами гаг. Известно, что крупные гаги устилают свои гнезда легким и мягким пухом, который самки гаг выщипывают из своей груди. Слетая с гнезда, гага прикрывает яйца этим теплым пухом.

На маленьком островке кроме гагачьих гнезд оказалось множество гнездившихся крачек — небольших птиц, похожих на чаек. Птицы эти близки к породе куликов. Они храбро вились над нашими головами, садились на наши шапки, стараясь защитить свои гнезда. Ученые-зоологи рассказывали мне, что маленькие крачки каждый год совершают далекие путешествия в южное полушарие Земли, перелетают экватор. Весною вновь

возвращаются на берега холодной арктической земли.

О куликах и близких к ним птицах рассказать можно многое. Я ограничиваюсь тем, что пришлось видеть самому. Бродя в юности с охотничьим ружьем, я любовался веселыми куликами, следил за их жизнью. Кроме вальдшнепов, дупелей, бекасов и гаршнепов, я не убивал маленьких куличков, оживлявших родной пейзаж. Из всех больших и малых куликов мне больше всех запомнился виденный в детстве куличок-перевозчик. Я и теперь иногда вижу его во сне; просыпаясь, невольно радостно улыбаюсь.

ЩУР

Я никогда не был большим любителем содержания птиц в неволе, но иногда зимою у меня жили лесные певчие птицы. Случалось, я держал веселых чижей, всю зиму летавших свободно по комнатам нашей квартиры, радовавших меня своими песнями. Жили у меня краснозобые и важные снегири, нарядные и хлопотливые щеглы, но больше всех полюбился некогда живший у меня щур — веселая птичка с нарядной, брусничного цвета грудью.

Гнездятся шуры в лесах нашего Севера, в глухих и безлюдных местах и только зимою прилетают в наши подгородные леса.

Щур очень добродушная и милая птичка.

Живет он в безлюдных лесных местах и человека почти не боится. Даже самым неопытным птицеловам удается ловить зимою прилетевших щуров, идущих на самую бесхитростную приманку. Обычно щуры зимой держатся небольшими дружными стайками. Бывало так, что к накрытым ловчею сетью щурам добровольно забирались оставшиеся на свободе их верные товарищи-друзья. Пойманный щур очень быстро выкакает к неволе и к хозяину, если тот заботится о птице, кормит ее сушеными ягодами, тертой морковкой и семенами. Тихое пение щура похоже на звук маленькой флейты.

Мой щур жил в небольшой клетке, подвешенной над окном. Клетка всегда была открыта, и щур мог летать по комнате свободно. Он сам прилетал в клетку, где лежал приготовленный для него корм. Особенно любил щур вкусные кедровые орешки. На моем письменном столе всегда лежало несколько таких орешков. Щурка — так мы все его называли — садился ко мне на стол. Я в пальцах раздавливал орешек и кормил щура с ладони.

Он очень любил сидеть на ветвистом лосином роге, прибитом к стене над моею головою. На этом лосином роге висели мое ружье и охотничьи принадлежности: патронташи, сумки, бинокль.

Щурка очень любил купаться. Каждый день я ставил на пол небольшую ванночку с чистой водою и любовался, как радостно купается щур. Искупавшись и отряхнувшись, закусив сладким орешком, он усаживался над моею головою и начинал тихонечко петь. Под его тихую песенку мне было приятно писать рассказы о лесных похож-

дениях, о радостных встречах. Он часто присаживался на мой стол, и каждый раз я угощал его сладким орешком. Иногда Щурка садился на мою пишущую машинку, глядел на меня, как бы желая сказать ласковое и доброе словечко на птичьем своем языке.

Щур очень радовался, когда после прогулки я возвращался в свою рабочую комнату. Случалось, он садился на мое плечо и опять взлетал на свой любимый лосиный рог.

Так мы прожили почти целую зиму. Однажды, перелетая с лосиного рога в клетку, щур вдруг упал на пол, забил крылышками, и мне показалось, что он умирает. Я поднял его с пола, положил на ладонь. Он скоро опомнился, пришел в себя и стал летать, по-прежнему петь и весело купаться. Болезненные припадки повторялись все чаще и чаще. Я догадался, что причиною их были любимые щуром кедровые орешки: питаюсь маслянистыми орешками, он ожирел.

Пришлось посадить щура на строгую диету: кормить тертой морковкой и сушеными ягодами. После такого лечения щур скоро оправился, и болезненные припадки больше не повторялись.

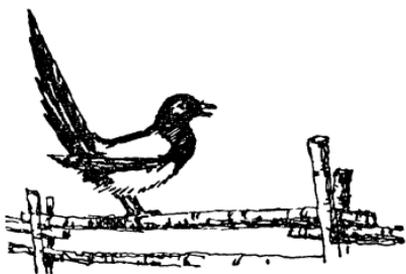
Я знал, что щуры плохо переносят неволю, не живут долго в клетке, и решил выпустить Щурку ранней весной. Когда лес готовился одеваться, я вынес Щурку на опушку и выпустил на волю. Он сел на сучок ближнего дерева и, как бы прощаясь со мною, запел свою тихую песенку.

Признаюсь, мне было очень жалко моего друга щура и горько с ним расставаться.

На прощание я помахал ему рукою, и он скрылся в вершинах густого темного леса. Не

знаю, мог ли он привыкнуть к лесной свободной жизни после моей теплой комнаты и сытного корма. Очень возможно, что он погиб в холодном незнакомом лесу. А может быть, благополучно встретился со своими родичами щурами.

СОРОКИ

Зимую и летом возле нашего карачаровского домика в лесу живут сороки. Летом по утрам они слетаются на крышу домика, садятся перед моим окном на развесистую березу. Каждый раз они будят меня своим торопливым стрекотанием. Здесь — на крыше домика и на березе — делятся они, должно быть, своими сорочьими новостями. Я просыпался. Слушая торопливое стрекотание сорок, невольно вспоминал известную народную поговорку, в которой слишком говорливые женщины назывались сороками. Кому не приходилось слышать, как две или три женщины, собравшись на улице или в комнате, делясь новостями, совсем как сороки, говорят все разом без малейшего перерыва. Слушаешь и удивляешься.

Стрекотливые сороки немало доставляли нам хлопот. В маленьком садике нашем они обклевывали спелые вишни, долбили крепкими клювами самые сладкие яблоки. Но было что-то веселое, знакомое с давнего деревенского детства в повадках хлопотливых и умных птиц.

Нередко наблюдал я, какой шум поднимали

сороки, когда наша кошка Машка отправлялась в лес на охоту. Сороки преследовали Машку, перелетая с сучка на сучок, громко стрекотали над нею, как бы предупреждая всех птиц, что в лес направился разбойник. Машке очень не нравилось громкое стрекотание сорок. Охотясь зимой, я не раз слышал, как над лисицей, стронутой с дневной лежки, начинают стрекотать, следуя за ней, всевидящие сороки. По стрекоту сорок можно безошибочно узнать, куда направляется, скрываясь в чащобе, хитрая лисица.

Обычно живут сороки в лесах или парках, вблизи человеческого жилья. Летом питаются насекомыми, воруют яйца и птенцов из гнезд маленьких певчих птиц. Зимой держатся возле деревень и людных поселков, избегают шумных больших городов.

В самом облике длиннохвостой сороки есть что-то сказочное. Недаром в народных русских сказках и детских песенках так часто поминается сорока-белобока.

О том, как хитры и вороваты сороки, мне есть что рассказать. В карачаровском садике нашем мы устроили летнюю кухоньку с трубой, крышей и небольшой плитой. Возле кухоньки стоят стол и скамейки. Каждый раз в летние дни, когда женщины начинают готовить обед, на соседние с кухонькой деревья слетаются сороки. Они внимательно следят за тем, что делается и творится внизу, возле кухоньки. Стоит хозяйкам зазеваться или заговориться, сороки успевают утащить со стола кусочек мяса или голову рыбы. Однажды произошел такой случай. Наша добрая гостья Наталья Михайловна пекла в летней кухоньке

блины. Испеченные блины она клала на тарелку и, накрыв полотенцем, ставила на стол. Сороки внимательно наблюдали за тем, что делает Наталья Михайловна. Как-то Наталья Михайловна отвернулась от испеченных блинов и разговорилась о карачаровских новостях с моею женою. Воспользовавшись этим, одна из сорок слетела на стол, успела ухватить из-под полотенца толстый блин и улетела с ним в кусты. Боже мой! Какой шум подняли женщины, возмущенные поведением нахальной сороки! В ответ женщинам из кустов слышалось веселое стрекотание сорок, деливших добычу. В стрекотании проказниц сорок как бы слышались насмешливые слова: «Не углядели, не углядели, не углядели!»

Весной возле нашего домика, в густых ольховых кустах, мы нашли сорочье гнездо. Было трудно увидеть его сквозь густые зеленые ветви. Устроено оно было очень искусно. Основание было скреплено глиной. Над гнездом возвышалась крыша из колючих тонких ветвей. В этом тщательно скрываемом гнезде сороки выводили и выкармливали своих прожорливых птенцов. Колючая крыша не позволяла хищникам забраться внутрь.

Сороки заботливо ухаживают за своим потомством. Вылетевшие из гнезда подросшие молодые сороки все лето держатся неразлучным выводком вместе с родителями, обучающими своих птенцов сорочьим хитростям и воровству.

Пойманные молодые сороки скоро привыкают к людям и становятся ручными. Их можно научить всяким смешным штукам. Они сами влезают в открытое окно, садятся хозяину на плечо,

но страсти своей к блестящим металлическим вещичкам никогда не забывают.

Много лет назад у меня жила ручная сорока. В честь болтливой соседки нашей мы называли ее Пелагеей Петровной. Все лето, к великому удивлению других сорок, Пелагея Петровна влетала в мое окно, и я угощал ее кусочками мяса, намоченной в молоке сладкой булкой, которую она особенно любила. Однажды с письменного стола исчезли мои очки в блестящей оправе. Я долго искал их и только через несколько дней обнаружил случайно под навесом крыльца, куда их спрятала Пелагея Петровна.

ВОРОНЫ

Зимой я возвращался с охоты. Положив на плечо лыжи, я шел по накатанной снежной дороге. Из школы, стоявшей на краю деревеньки, выбегали после занятий ребята. Шумной толпой, с сумками в руках, они шли серединой деревенской широкой улицы. Я шел следом, прислушиваясь к веселым разговорам. На середине деревни, у колодца, ребята остановились.

Здрав головы, они стали смотреть на вершины высоких берез, где сидели вороны. Кто-то снял шапку и стал махать ею над головой.

И вдруг одна из сидевших на вершине березы ворон, взмахнув крыльями, стала тихо спускаться, села на плечо мальчика, махавшего шапкой.

Достав из сумок кусочки хлеба, ребята обступили мальчика и стали кормить ворону. Оставшиеся на березе вороны, наклонив головы, с удивлением смотрели на свою смелую товарку. С таким же удивлением смотрел и я на все это. Подойдя, я стал расспрашивать. И вот что я узнал.

Минувшим летом Коля подобрал в лесу выпавшего из гнезда плохо летавшего вороненка, принес его домой. В сенях избы он устроил из палок небольшую загородку для вороненка и стал его кормить. Вороненок очень скоро привык к Коле, хорошо его узнавал, и всякий раз, когда Коля подходил к своему питомцу, тот радостно каркал и махал крыльями. Когда вороненок подрос, Коля стал выпускать его на волю. Вороненок неизменно к нему возвращался. Он влетал в открытое окно дома, съедал приготовленное для него угощение. Осенью вороненок присоединился к другим воронам, но каждый раз, стоило только ему увидеть на улице Колю, слетал с дерева и, к великому удивлению других ворон, садился на его плечо.

О воронах принято говорить как о глупых и недогадливых птицах. Нерасторопных зевак часто называют воронами. «Проворонил!», «Экая ты ворона!» — говорят иной раз рассеянному человеку. Такое мнение о воронах не совсем справедливо. Очень возможно, что причиной насмешливого отношения к воронам является их неуклюжесть и неловкий полет. Посмотрите, как в ненастный день неловко, боком летают по ветру вороны. В холодные, осенние, дождливые дни вороны кажутся нам смешными. Но ошибается тот, кто думает, что вороны — неловкие просто-

фили. Вороны нередко похищают у зазевавшихся наседок маленьких неоперившихся цыплят, разоряют птичьи гнезда, убивают и поедают маленьких лесных животных, нападают даже на зайцев.

Однажды летом, бродя за грибами, я увидел нескольких ворон, преследовавших большого зайца. Со злым карканьем они взлетали и падали над спиной убегавшего от них русака. Спасаясь, заяц поворачивался иной раз на спину, отбиваясь от нападавших сильными ногами. По-видимому, русак притаился на дневной лёжке, а вороны заметили его и пытались с ним разделаться.

Свои гнезда вороны строят обычно в лесу, подальше от человеческого жилья. Когда подрастут и начнут летать воронята-птены, вороны возвращаются к людным селениям.

Некрасивый вороний голос способен выразить самые разнообразные оттенки: внезапный испуг, тревогу, предупреждение, удовлетворение сытным обедом. По вороньему карканью опытные люди угадывают близкую перемену погоды.

Вряд ли кто знает, что вороны умеют считать. А между тем это так.

Возле одной мусорной ямы стоял небольшой сарайчик с дровами. Кормившиеся на яме вороны каждый раз взлетали на деревья, когда в сарайчик входил человек. Они не спускались к яме, пока человек оставался в сарайчике.

Чтобы испытать смекалку ворон, в сарайчик вошли два человека. Выждав некоторое время, один из них вышел. Вороны не слетали с дерева до тех пор, пока не вышел второй.

На следующий день в сарайчик один за другим вошли четыре человека. Вышел один; обо-

ждав некоторое время, вышел другой. Вороны оставались на дереве. Только когда из сарайчика вышел третий, вороны слетели кормиться на мусорную яму. Четвертого, оставшегося в сарае человека они не досчитали. Этот не раз повторенный опыт доказывал, что вороны умеют считать только до трех. Дальше считать они не умеют.

ВОРОН ПЕТЬКА

Лето мы провели в Беловежской Пуще. Там мне показывали редкостных зубров, живших в обширных загонах. Не раз я видел на воле оленей, спокойно выбегавших на проезжие дороги, охотился на кабанов, разорявших колхозные поля. Наблюдал черных аистов, гнездившихся на высоких деревьях. Но больше всего нам запомнился ручной ворон Петька. С Петькой меня познакомил директор заповедника — мой старый приятель.

В первый день приезда мы вышли на берег реки. На вершине высокого дерева сидел ворон. Директор заповедника посмотрел на меня и улыбнулся

— Хотите познакомиться с нашим Петькой?

Он помахал над головой шапкой и громко сказал:

— Петя, Петенька, лети сюда!

К великому моему изумлению, как бы пони-

мая человечесью речь, ворон снялся с вершины дерева и, распахнув черные крылья, тихо планируя, спокойно уселся на плече хозяина — директора заповедника.

— Познакомься, Петя, с нашим гостем! — сказал хозяин, тихонько сталкивая ворона с плеча.

Взмахнув крыльями, Петька переместился на мое плечо. Это была большая, черная и очень серьезная птица.

Пошарив в карманах, я нашел кусочек сухого печенья. Петька взял печенье в клюв и осторожно спрятал его в подклювный мешок.

В карманах больше не было печенья. Я вынул маленькую десятикопеечную монетку и показал Петьке. Эту монетку он тоже спрятал в подклювный мешок вместе с печеньем, потом слетел на песчаную дорогу и стал делать клювом круглую ямку. Запрятав печенье и монетку в песок, он деловито вырвал клочок травы, воткнул его в песчаный холмик.

В заповеднике я слышал много рассказов о проделках проказника Петьки. Сотрудники заповедника рассказывали, что однажды он утащил из дамской сумочки деньги, а в другой раз, влетев в обеденный час в окно, расшвырял и похитил документы какой-то комиссии, приезжавшей для ревизии в заповедник. Похищенные вещи Петька прятал над крышей в пустом гнезде аистов, которых ухитрился выжить. В этом гнезде не раз находили ножи, ложки, вилки и многие другие предметы. Особенно досаждал Петька проезжим шоферам. Стоит машине остановиться, разложит шофер свои инструменты, отвинченные

от мотора болты и гайки — Петька тут как тут! Схватится шофер, а самой нужной гайки или инструмента нет. Утащил Петька.

Рассказывали, что Петька не любит женщин. Сядет на плечо к завитой, накрашенной девице и давай путать и портить ее праздничную прическу или пребольно ущипнет за ухо. Женщины побаивались Петьки, отмахивались руками. Очень возможно, что эти резкие движения раздражали и сердили Петьку. Рассказывали также, что Петьку не любили дикие вóроны и ворóны, к которым он иногда пытался приближаться. Они били и отгоняли его, как бы не желая прощать измену.

Однажды проказник Петька сотворил такую шутку. Весной на огороде, возле дома, пожилая женщина сажала капустную рассаду. Опрятными рядами она рассаживала на грядках капустные корешки. Увлеченная работой, женщина не замечала, что рядом с нею по грядкам разгуливает Петька. Всю посаженную рассаду он пересаживал на свой лад, разумеется, без всякого порядка...

Не всегда проделки Петьки были безобидны. Летом он стал таскать маленьких цыплят. Петьку все знали и любили, и даже такие недобрые проделки ему прощали.

Директор заповедника пробовал приучать Петьку к охоте. Бродя по опушкам, он брал его вместо гончей собаки. Перелетая с дерева на дерево, Петька видел сверху каждого залегшего в кустах русака, начинал кружиться и каркать. Директор подходил к лёжке и поднимал затаившегося зайца.

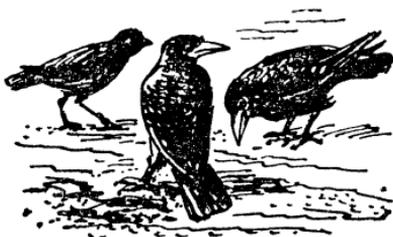
О трагической гибели Петьки мне написали,

когда я вернулся в Ленинград. Один из сотрудников заповедника писал, что осенью к ним в заповедник приехали посторонние люди строить разрушенный мост через реку. Не зная о существовании Петьки и его проделках, кто-то из приезжих людей ловил на удочку рыбу. Сидя на берегу реки, пойманных окуньков и плотичек рыболов клал рядом на землю.

Все примечавший Петька тотчас явился на место ловли, начал таскать пойманных рыбок. Заметив Петькины проделки, незадачливый рыболов схватил палку и убил наповал смиренно сидевшего проказника Петьку.

«Самое удивительное,— писал мне сотрудник заповедника, зоолог,— что после вскрытия трупа трагически погибшего Петьки наш общий любимец оказался не Петькой, а Машкой. По внешнему виду пол вороновых птиц различить невозможно, и долгое время мы ошибочно принимали Машку за Петьку».

ГРАЧИ И ГАЛКИ

Из всех птиц, живущих обычно вблизи человеческих жилищ и селений, всем хорошо известны грачи и галки. Помню времена, когда в Москве над

Пушкинским бульваром в зимние морозные вечера кружили бесчисленные крикливые стаи галок. На фоне вечернего неба стаи галок то поднимались, то опускались, усаживаясь ночевать на

голых ветвях деревьев. Было трудно понять — откуда слетались на бульвар эти бесчисленные галки. Теперь крикливых галок на московских бульварах осталось мало.

В наших среднерусских местах грачи открывают весну. Еще лежит на полях и в лесах нетронутый снег, а на зимних дорогах, у колхозных скотных дворов уже бродят первые вестники русской весны. Важные, черные, ходят они по сельским улицам, дворам и дорогам. Помню, как радовались мы в детстве прилету белоносых грачей. Услышав знакомый крик, радостно возвещали:

— Грачи, грачи прилетели!

Не всегда точно угадывают грачи приход весны. Не раз случалось, что после прилета первых грачей зима зубы показывала: возвращались морозы, кружили над полями снежные метели.

Прилетевшие рано гости отлетали на юг и скоро опять возвращались. На голых деревьях, над крышами сельских домов, в рощах и старых, запущенных парках начинали вить и поправлять свои старые гнезда прилетные грачи. Боже мой! Какой шум поднимался тогда на облюбленных грачами еще голых деревьях! Грачи спорили за каждый свободный сук, на котором можно построить гнездо.

Кто не слышал этого весеннего грачиного крика? Нервных, непривычных людей шумный весенний крик грачей, случается, раздражает. Но я люблю этот с детства знакомый мне шум, отношу его к первым звукам пробудившейся земли. Грачи спорят и ссорятся, но драк и побоищ у них не бывает. Широкие гнезда свои грачи прочно вьют из тонких древесных веток. Прилет

грачей, покрытые гнездами сучья деревьев дополняют весенний русский пейзаж. Каждому вспоминается картина художника Саврасова «Грачи прилетели». На этой известной картине с удивительной точностью изображена старая деревенская церквушка, весенний снег, голые деревья, на которых прилетевшие грачи начинают строить свои гнезда. Что-то необыкновенно русское, печальное видим мы на этой картине.

Удивительна и трогательна дружба грачей и галок, остающихся у нас на зимовку. Радостно встречают весною галки своих друзей. В весенних стаях грачей слышны тонкие галочки голоса. Похожи галки на шустрых бабенок в серых платочках. Вместе с грачами бродят они по дорогам, по проталинам на колхозных полях, ищут корм на задворках скотных дворов. Гнезда свои галки вьют в укромных местечках, под крышами домов на каменных зданиях, иногда в печных трубах.

Кто из вас не видывал галок? Всю зиму они держатся возле жилых домов, собирают корм на мусорных ямах. Пойманную галку легко приручить. Она будет брать корм из рук человека, сама прилетать и улетать из человеческого жилища. Пойманные грачи к человеку приручаются трудно. Поселяясь возле человеческих жилищ, они всегда держатся тесной стаей. Грачи и галки никогда не живут в глухих, темных лесах, обычно они жмутся к человеческому жилью, к обработанным человеком полям, где находят себе корм. Этим они отличаются от своих сородичей — ворон и больших черных вóронов, строящих свои скрытные гнезда в темном лесу, нередко у вершин высоких деревьев. На полях часто можно

видеть, как за распахивающим землю трактором перелетает многочисленная стая грачей, ворон и галок. Взлетая и опускаясь на поднятую плугом землю, они разыскивают насекомых, личинок, дождевых червей. Грачей нужно считать полезной птицей. Они во множестве уничтожают насекомых, вредящих посевам. Но иногда грачи приносят человеку вред. Они выкапывают и поедают посеянные сеялкой размокшие в земле семена. Особенно охотно расправляются они с

посеянной на наших полях кукурузой. Крупные семена кукурузы им особенно нравятся, и волей-неволей на грачей приходилось устраивать охоту, стрелять из ружья, отпугивать громкими выстрелами с полей, засеянных кукурузой и горохом.

Из наших среднерусских мест грачи отлетают поздней осенью, позже всех перелетных птиц. Уже начинает перепархивать легкий снежок, а грачи по-прежнему бродят по засеянным полям, разыскивая корм. Возле моего лесного домика, окруженного высокими темными елями, осенними вечерами грачи слетаются на ночлег. Устраиваясь ночевать на покрытых густой хвоею еловых ветвях, хорошо защищающих их от ветра, они по ночам часто поднимают громкий крик, и от этого крика я каждый раз просыпаюсь.

Во время отлета грачей галки их провожают. Слышны их прощальные тонкие голоса. Всю зиму галки проводят в родных местах, далеко не улетающая. Они близко жмутся к человеческому жилищу. Я очень люблю наблюдать и прикармливать у крыльца смешных галок. Мы бросаем им корки хлеба, кухонные отбросы. Они всегда собираются у крыльца, бесшумно перелетают с сучка на сучок, ждут, когда откроют форточку или дверь.

Вместе с галками к нашему домику прилетают и другие лесные птицы: шустрые синички, сойки и смелый поползень. Последнюю зиму к домику стали подбегать две белочки. Они хватили хлебные корки, быстро взбирались с добычей на дерево, а возмущенные галки старались отнять у них хлеб.

Уже много лет назад, когда я жил в родных смоленских местах, летом галки устроили гнездо

в трубе моей печки. Гнездо было устроено на чугунной вьюшке. Сидя за рабочим столом, я слышал, как они хлопочут, разговаривают, кормят своих птенцов. Случается, осенью печи начинают дымить. Это верный признак того, что галки свили гнездо в трубе: дыму нет выхода, тяга в трубе прекратилась.

Очень хороши веселые голоса галок. Они умеют передразнивать других птиц, а каждый звук их голоса обозначает что-нибудь особенное. Известно, что птицы и звери умеют переговариваться между собою на непонятном человеку птичьем и зверином языке, сообщать друг другу об опасности или добыче. Наблюдатель живой природы должен знать язык птиц и зверей. Знание этого языка, несомненно, доставит ему большое удовольствие.

ПУГАЧ

Летом однажды мне пришлось пробовать новое ружье. Я вышел в лес на глухую поляну, где никто не мог помешать. Повесив на толстой осине мишень и отсчитав шаги, я хорошенько прицелился и выстрелил пулей. Пуля насквозь пробила осину, а после выстрела из дупла вылетела огромная птица с большой круглой головой. Ослепленная дневным светом, птица неуклюже уселась на старой осине.

В необыкновенной птице я узнал филина-пу-

гача, голос которого мы слышали по ночам в лесу. Из рассказов охотников я знал, что в птичьем мире филин слывет самым злым и страшным хищником, которого все птицы боятся и ненавидят. Чтобы приманить хищных птиц, охотники сажают на дерево чучело филина, и тогда со всех сторон слетаются ястребы и вороны чинить расправу над своим лютым врагом.

В самом облике ночной страшной птицы есть нечто зловещее. Филин сидел как копна на осине, и его круглая, с ушами, кошачья голова медленно вращалась, а ослепленные светом большие глаза беспомощно закрывались. По-видимому, филин скрывался днем в дупле старой осины, и пробившая осину пуля его испугала.

Я не торопился убивать редкостную птицу и, спрятавшись за стволом дерева, стал наблюдать. Филин сидел почти неподвижно, только ушастая голова его медленно вращалась, как на шарнире. Головастое чудовище, сидевшее на голой осине, было видно со всех сторон издалека.

С появлением филина на моих глазах в лесу стало совершаться нечто необычайное. Первыми заметили филина неведомо откуда появившиеся сороки-стрекотухи. С особенным, тревожным и злым стрекотанием закружились они над осиной. Они кружились, взлетали и падали, присаживались на сучки и тотчас слетали. Беспокойное их стрекотание как бы возвещало по всему птичьему царству большую тревогу.

«Тра-та-та! Тра-та-та!..» — трещали, слетаясь со всех краев, сороки.

Точно по птичьему радио был передан этот сорочий сигнал тревоги. С реки, с полей, из леса

на сорочье стрекотание торопливо летели вороны и вороны, откуда ни возьмись, появились большие и малые ястребы, тучею кружились галки. Птицы слетались на великий суд над ненавистным разбойником. Они кружились, подсаживались ближе и ближе к филину, угрюмо ворочавшему ушастой головою. Даже самые маленькие птички смело подлетали к нему. Сбитый нападавшими, филин распустил крылья и, преследуемый всей птичьей оравой, неловко переместился на соседнее дерево. Но и здесь птицы не оставляли его, все настойчивее и смелее тербили его и клевали.

Чтобы не дать свершиться жестокому самосуду, я поднял ружье, прицелился. Убитый наповал филин упал с дерева. Напуганные выстрелом птицы еще долго кружились надо мною, но отчаяннее всех суетились и трещали неугомонные сороки...

Много лет спустя довелось мне охотиться в глухой лесной местности на глухарином току. Каждую весну я выезжал в исхоженные мною лесные угодья. Знакомый егерь Егорыч показал мне глухариный ток, и, разумеется, я хорошо запомнил указанное место.

После двухлетнего перерыва довелось мне еще раз побывать на этом глухарином току. Старинный приятель Егорыч встретил меня, с досадою покачивая головою.

— Плохо наше дело,— сказал он.— Наш глухариный ток нынче стал не тот. Дай бог, чтобы на всем току несколько птиц живых осталось.

— Браконьеры, что ли, завелись? — спросил я.

— Какие у нас браконьеры! Будет похуже.

— Да что такое?

— Филин! Филин разбойничает на току.

Я и прежде слыхивал от старых охотников о проказах филина, охотящегося на глухариных токах. По словам этих охотников, где повадится филин — глухариному току конец. Охотится филин так же, как люди, пользуясь беззащитностью токующих птиц.

— Что же, совсем, что ли, птицы не стало? — с грустью спросил я Егорыча.

— Есть птица, да ток теперь стал не тот,— ответил мне старый приятель.

Под вечер я один отправился в лес на знакомое место. Уже на подслухе (обычно охотники приходят на ток перед закатом солнца, чтобы заранее услышать, где усаживаются вечером на деревьях слетающиеся птицы) я заметил перемену.

Глухари слетались лениво и рассаживались осторожно по краям токовища.

Возвращаясь с подслуха, я натолкнулся в темноте на черный предмет. Нагнувшись, я рассмотрел мертвого глухаря. Голова и крылья были целы. С груди и спины мясо было ошипано, торчали голые кости скелета. Я знал, что звери — лисицы, норки, хорьки, — поймав крупную птицу, обычно съедают голову. Осмотрев глухаря, я решил, что его убил хищник пернатый. «Наверное, — подумал я, — это проделки филина, расстроившего мне охоту и уничтожившего глухариный ток».

С большим негодованием на лесного разбойника устраивался я на ночлег. Сидя у костра, я вспоминал прежние удачные охоты. «Только бы мне попался этот разбойник!» — злорадно думал я, и рука тянулась к ружью.

Ранним утром, еще до рассвета, я затоптал костер и, оправив свое охотничье снаряжение, отправился на ток. Я шел тихо, прислушиваясь к звукам, наполнявшим просыпавшийся лес. Иногда я останавливался, думал: «Только, только бы встретить лесного разбойника!»

Я долго бродил по токовищу. Пели всего две-три птицы. Глухарь пролетел над моей головой. Я не вытерпел, выстрелил влет, и огромная птица, ломая ветви, грузно упала на землю.

Я поднял птицу, спрятал в мешок и, присев на пенек, закурил трубочку.

Странный, очень громкий, как бы наполнявший весь лес звук поразил мой слух. Я услышал шум близкой борьбы, громкое хлопанье крыльев. Схватив ружье, я со всех ног бросился бежать. «Филин, это филин поймал и убивает глухаря!» — думал я, продираясь сквозь густую чащобу. Задетая сучком шапка слетела с меня. Не обратив внимания на потерю, я бежал на прекращавшийся звук борьбы. Я был уверен, что увижу филина. Ружье я держал на изготовку.

На краю раскрывшейся перед глазами лесной зеленой поляны я остановился. То, что я увидел, не соответствовало ожиданиям. Вместо разбойника филина, приканчивающего свою добычу, я увидел дерущихся самцов-глухарей. Это был настоящий рыцарский турнир. Одетые в бронзовые латы лесные рыцари бились на покрытой бархатным мохом арене, а их прекрасные дамы, поквохтывая и ободряя бойцов, сидели вокруг на березах.

Пораженный чудесным зрелищем, едва переводя дух, я остановился. Боясь двинуться, я стоял за стволом дерева, и передо мною продолжался лесной турнир. Я близко видел надувшиеся шеи и красные брови. Громкое хлопанье раскатами наполняло лес.

Не знаю, долго ли продолжался поединок. Лесные рыцари то расходились, следя друг за другом, то вновь сшибались своим оружием. Затаив дыхание, я следил за невиданным турниром. Вдруг один лесной рыцарь не выдержал — я не мог понять причины его поражения — и, опустив

голову, пустился наутек. Я видел, как за деревьями мелькает черная его шея. Не переставая рассыпать песню за песней, его преследовал торжествующий победитель.

С большим трудом я нашел в чащобе потерянную шапку и вернулся к своему костру. Разбойника-филина увидеть не удалось. От Егорыча, приехавшего летом в город, я узнал о судьбе знаменитого глухариного тока. Начав разбойничать, филин перевел на току всех глухарей, и богатое токовище совсем запустело.

Однажды, бродя по лесу, Егорыч нашел гнездо филина. Огромная птица взлетела с земли, и, подойдя ближе, Егорыч увидел два больших яйца, лежавших на голой земле под сосною. За поимку и отстрел хищников охотникам полагается награда, и, найдя гнездо филина, любивший выпить Егорыч начал заранее подсчитывать будущие доходы.

«Вот хорошенько примечу сосну и гнездо, подожду, когда выведут детей, тогда прикончу всех,— думал он, рассчитывая побольше заработать.— Будет мне премия тройная. А если доведется всех взять живьем, пожалуй, в десять раз больше заплатят».

В надежде на большую премию и предстоящую выпивку весело возвращался Егорыч домой. Через неделю он решил проведать замеченное гнездо. К его величайшему изумлению, под сосною не оказалось ни филина, ни яиц. Яичной скорлупы тоже не было. Несомненно, почуяв опасность, разумные птицы перенесли на новое место свои яйца, и рассчитывавший на хорошую выпивку Егорыч остался с носом.

Кто из охотников, проходя в поздний час лесом, не слышал странных звуков, некогда так пугавших робкого человека, наивно верившего в таинственные

недобрые силы природы. Лесным таинственным существам, колдунам, лешим приписывались страшные ночные звуки. Дьявольский хохот филина, зловещее уханье сов раздаются в темном лесу. Даже видалому человеку становится порой в полуночный час жутковато. Воображению представляются сказочные лесные чудовища, пугавшие наших предков. Нередко над головою запоздавшего охотника в ночной темноте бесшумно промелькнет и тотчас исчезнет крылатая легкая тень.

Много огромных ушастых филинов, малых и больших сов обитает в наших лесах. Совы и сычи живут в подгородных парках, в садах и старых усадьбах со старыми, дуплистыми липами и дубами. Нередко совы-неясыти поселяются в больших, многолюдных городах, живут в старых каменных зданиях, на пустующих колокольнях.

Днем редко можно увидеть сову. Застигнутая в своем темном убежище, она неохотно вылетает на солнечный свет. Неуклюже усевшись, взъерошив свои легкие перья, ослепленная дневным светом, ночная птица сидит неподвижно. Не выносят яркого света ее огромные, круглые, беспомощно закрывающиеся глаза. Странно, точно на

шарнире, во все стороны поворачивается круглая кошачья голова. При появлении человека птица грозно щелкает клювом, перья на ней шевелятся.

Ночные совы приносят людям большую пользу. Они уничтожают грызунов, причиняющих вред сельскому и лесному хозяйству. Но есть хищные совы, которые убивают ночью сонных птиц и даже охотятся на глухариних и тетеревиных токах. Самым злым разбойником среди крупных сов справедливо считается ушастый филин-пугач. Недаром так ненавидят филина дневные птицы. Стоит страшному ночному разбойнику вылететь днем при солнечном свете, как со всех сторон по какому-то неведомому сигналу слетаются большие и малые птицы судить и наказывать своего лютого врага.

Ночной полет сов так тих и беззвучен, что даже самые чуткие животные его не примечают. О присутствии сов можно узнать по громкому гугуканью, по уханью и хохоту страшного филина-пугача, раздающемуся в полуночный час в темном, глухом лесу.

В прошлые времена мы ловили живых сов в пустых деревенских овинах, где они скрывались от зимней стужи, охотясь на мышей, гнездившихся в обмолоченной ржаной и овсяной соломе. Днем совы прятались в закопченных темных «евнях» и «садках», где сушат зимою снопы. Чтобы поймать сову, мы протягивали в овине пеньковые вожжи или длинную возовую веревку. Усевшись на протянутую веревку, выгнанная из своего темного убежища сова так судорожно-крепко вцеплялась кривыми длинными когтями, что ее можно было брать голыми руками.

Помню, деревенские ребяташки однажды мне принесли пойманную в овине сову. Я смастерил для нее клетку в холодных сенях нашего дома, и скоро она привыкла к новому жилью. В самом начале весны она стала вести себя беспокойно, громко кричала по ночам. Непокойное ее поведение мешало спать людям, и мне пришлось выпустить ее на волю.

Дня через два или три сова сама вернулась в свою клетку. Она по-прежнему сидела на жердочке и смотрела на меня круглыми глазами. Я угостил ее кусочком сырой говядины. С тех пор она неизменно прилетала в свою клетку. В нашем и соседних домах она ловила мышей, добросовестно выполняя обязанности кошки.

Несколько лет назад мне пришлось путешествовать по Кавказскому заповеднику. Некоторое время мы жили в горах, в глухом, окруженном лесом поселке. Сотрудники заповедника — молодые зоологи — устроили маленький зверинец. Кроме живших на свободе ручных оленят и смешного медвежонка Буки, воровавшего у нас со стола сахар, в клетках жили злые лесные коты и другие мелкие звери.

В большой, обтянутой железной сеткой вольере помещались четыре совы. Днем они неподвижно сидели на ветвях сухого деревца, находившегося в самой вольере, и, поворачивая круглые головы, смотрели на проходивших мимо людей.

За этими совами ухаживал сын наблюдателя-лесника, наш четырнадцатилетний приятель Ваня. Он охотился на соек (других птиц в горном лесу водилось мало) и своей скромной добычей

кормил сов. Добытые Ваней сойки были единственной их пищей.

Как-то кормилец сов Ваня захворал, долго не мог ходить на охоту. Несколько дней совы оставались без всякой пищи. Голодные птицы все так же неподвижно сидели на ветвях дерева, казалось не проявляя ни малейшего беспокойства.

Рано утром, сойдя с крыльца и остановившись у вольеры, однажды я с удивлением увидел, что в ней осталось три совы. Четвертая сова исчезла бесследно. Я очень внимательно осмотрел вольеру. Кроме старых «сохшихся» «погадок», в ней ничего не было. Никаких отверстий, куда могла вылететь ночью исчезнувшая сова, я не обнаружил.

Еще через две ночи в клетке остались лишь две совы. Несомненно, голодные совы в ночной темноте убивали и съедали своих подружек. Трудно представить, что происходило ночью в вольере. Никаких следов борьбы не было заметно, на земле не осталось и одного перышка (известно, что, в отличие от дневных хищных птиц, совы съедают добычу вместе с перьями и мелкими костями, которые отрыгивают потом в виде круглых комочков — погадок). Живые преступницы сидели спокойно, не шевелясь.

Чтобы прекратить безобразное «самоедство», я посоветовал выпустить птиц на волю.

По моему совету дверь в вольеру на ночь оставили открытой. Утром голодных птиц в вольере не оказалось — они улетели на охоту в лес.

Каково было наше удивление, когда на третий или четвертый день мы обнаружили выпущенных

на волю птиц на прежнем месте — в открытой вольере.

Они спокойно сидели на ветвях сухого дерева и так же смотрели на нас круглыми глазами.

С тех пор вольеру мы не запирали, и каждое утро находили в ней сов.

Трудно понять, почему так упорно возвращались птицы в свою тюрьму, где им пришлось пережить жестокую голодовку.

СЫЧ-ВОРОБЕЙ

Ранней весной я возвращался с охоты. Я шел по лесу знакомой дорожкой, и в ночной темноте над моею головою послышался странный негромкий звук. Этот странный звук перемещался — было похоже, что меня настойчиво преследует какая-то ночная неведомая птица. Чтобы приманить птицу, я стал подражать странному звуку. Невидимый провожатый охотно стал откликаться.

В темном лесу мне не удалось разглядеть таинственного провожатого, и, выйдя на лесную опушку, я остановился. На фоне звездного неба рисовались черные ветви деревьев. Здесь, на краю леса, я надеялся увидеть незнакомую птицу.

Я стоял под деревьями, продолжая тихо манить. Небольшая тень пролетела над самой головою, бесшумно уселась на ветке. В ночной темноте трудно точно прицелиться. Я зарядил

ружье мелкой дробью и, не видя на ружье мушки, выстрелил наудачу.

После выстрела лес примолкает. Я зажег спичку, стал смотреть под деревьями. На засыпанном опавшей хвоей снегу, раскинувши крылья, лежала маленькая серая птичка с круглой совиной головкой. В подстреленной птичке я признал сыча-воробья. В наших лесах эта птичка встречается редко, а днем ее трудно увидеть. Обычно она прячется в дуплах деревьев, а по ночам вылетает на охоту.

Дома я внимательно рассмотрел редкостную добычу. Сыч-воробей был немного больше обыкновенного воробья. Круглой головой, ушами, острым крючковатым клювом он напоминал своего большого собрата — обыкновенного лесного сыча.

Из шкурки сыча-воробья я решил сделать чучело для своего кабинета, в котором хранится множество добытых мною охотничьих трофеев.

Через несколько лет мне пришлось проходить тем же лесом зимою. На краю вырубки, возле только что срубленной и распиленной на дрова толстой осины, теплился огонек: грелись и отдыхали знакомые колхозники-лесорубы.

— Погляди-ка,— сказали они, прикурив от моей трубочки,— и разгадай нашу лесную загадку...

В верхней части лежавшей на снегу распиленной и расколотой осины лесорубы показали выдолбленное дятлом жилое дупло. Узкое круглое отверстие дупла, как крышей, было прикрыто большим грибом-наростом. В глубине этого покинутого дятлом дупла оказался склад продо-

вольствия. Вытряхнув на снег содержимое, я насчитал шесть мертвых клестов и одиннадцать замороженных мышей. Я хорошо знал, что многие животные — птицы и звери — бережливо прячут свои запасы. Не раз в дуплах и под корнями деревьев мы находили наполненные отборными орехами лесные кладовые белок и бурндуков; сороки и сойки на моих глазах прятали в укромных уголках свою добычу. В подземных кладовых мышей хранятся многолетние запасы старательно высушенного сена и зерна. Обнаруженная лесорубами кладовая принадлежала какому-то запасливому хищнику, быть может имевшему в лесу много таких складов.

Редкая находка очень меня заинтересовала. Кто мог убить и спрятать в птичьем дупле этих мертвых клестов и мышей? Злейший лесной хищник — куница не могла пролезть в узкое отверстие дупла. Маленькая ласка, промышляющая на земле под корнями, вряд ли решится забраться под вершину высокой гладкой осины.

Крепко задумавшись над трудной лесной задачей, я направился через лес к дому. Недалеко от поваленной осины слышались тревожные голоса птиц. Я узнал стрекотание сорок и хлопотливый крик соек. К поднятому этими птицами шуму примешивался тревожный свист синиц.

Чтобы узнать о причине переполоха, я свернул с дороги и осторожно приблизился к лесной маленькой полянке. На острой еловой макушке сидел сыч-воробей. Множество лесных птиц его осаждало. На дневном свете он казался беспомощным, круглая совиная головка его хохлилась и медленно вращалась. Наверное, ослепленному

дневным светом маленькому ночному разбойнику пришлось бы совсем плохо, но он вдруг расправил крылья и, тихо и бесшумно планируя, нырнул под нижние сучки густой елки, почти у моих ног.

«Так вот кто жил в дупле, вот кто охотился и прятал свою добычу!» — подумал я, заглядывая под накрытую снежною нависью густую зеленую елку.

Не сходя с места, я хорошенько высмотрел плотно прижавшегося к стволу елки сыча-воробья и, осторожно протянув руку, быстро накрыл его шапкой.

Пойманного мною живого сыча-воробья, несомненно, выгнали на дневной свет валившие осину лесорубы, и занимавшая меня лесная загадка разрешилась сама собою. Обитавший в дупле маленький разбойник приносил и хозяйственно складывал свои продовольственные запасы. На клестов и мышей он охотился ночью, хватал спящих птичек на ветвях деревьев и убивал их. Разумеется, птицы знали его и ненавидели. Как все хищные совы, он отрывал у пойманных птичек головы и выщипывал крупные перья.

Дома я выпустил маленького разбойника в комнату и стал приручать. Он охотно брал застреленных воробьев, а ночью, вылетая из убежища, сам ловил домашних мышей. Днем он обычно сидел под кроватью, забравшись в голенище старого валенка, которое ему заменяло дупло, а вечером неизменно выбирался из своего убежища. Придерживаясь клювом, он, как попугай, лазил по моим книжным полкам и бесшумно летал по комнате. Иногда он присаживался на

письменный стол и при свете лампы делал самые уморительные гримасы.

Весною сыч-воробей стал издавать те самые звуки, которые я некогда услышал в лесу. Звуки эти будили меня, но я скоро привык к ним, как мы привыкаем к обычным шумам и голосам. С наступлением весенней охоты эти звуки для меня стали необходимостью. Сыч-воробей будил меня, как верный будильник, и за всю весну я ни единого раза не проспал глухариного тока.

ЗВЕРИ В ЛЕСУ

ЛОСИ

Из всех зверей, обитающих в наших русских лесах, самый крупный и самый сильный — лось. Есть что-то допотопное, древнее в облике этого крупного зверя. Кто знает — возможно, лоси бродили в лесах еще в те далекие времена, когда жили на земле давно вымершие мамонты. Недвижно стоящего в лесу лося трудно увидеть — так сливается окраска его бурой шерсти с окраской окружающих его древесных стволов.

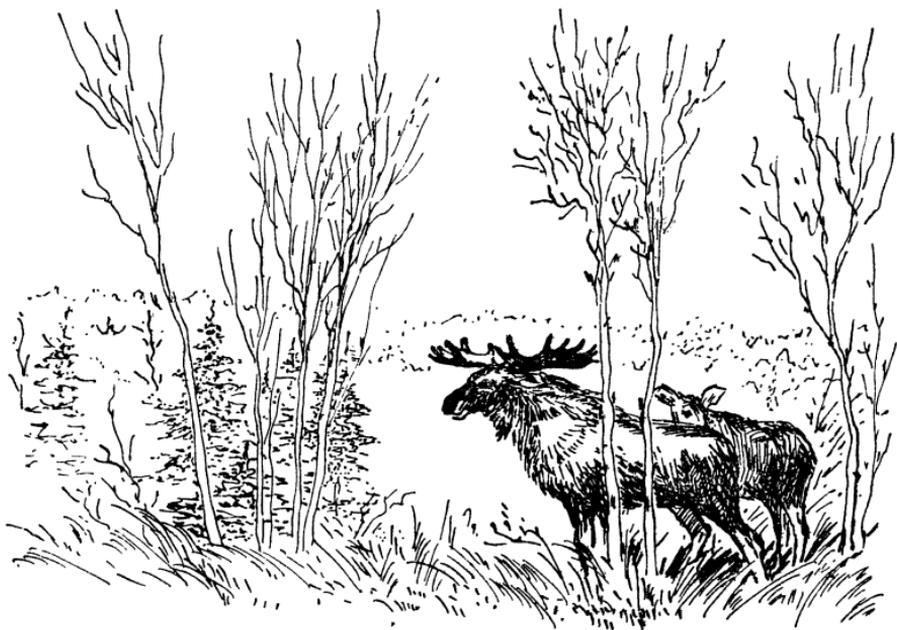
В дореволюционные времена лоси в нашей стране были уничтожены почти поголовно. Лишь в очень немногих, самых глухих местах, уцелели эти редкие звери. При Советской власти охота на лосей была строго запрещена. За десятки лет запрета лоси расплодилось почти повсеместно. Теперь они безбоязненно подходят к людным

селениям и шумным большим городам. Совсем недавно в центре Ленинграда, на Каменном острове, отправлявшиеся в школу ребята увидели утром двух бродивших под деревьями лосей. По-видимому, эти лоси забрели в город в ночное тихое время, заблудились на городских улицах.

Вблизи городов и селений лоси чувствуют себя в большей безопасности, чем в глухих местах, где их преследуют охотники-браконьеры. Они не боятся переходить широкие асфальтовые дороги, по которым непрерывным потоком движутся грузовые и легковые машины. Нередко они останавливаются у самой дороги, и проезжающие в машинах люди свободно могут их наблюдать.

Лось — очень сильное, сторожкое и умное животное. Отловленные лоси быстро привыкают к людям. Зимой их можно запрягать в сани, как запрягают на Севере домашних оленей. Только в осеннюю пору спаривания самцы лосей становятся опасны. Вооруженные тяжелыми ветвистыми рогами, они громко и грозно режут, устраивают рыцарские поединки.

В городке Гатчине я знал старого опытного охотника, служившего некогда егерем в царской охоте. Этот старый охотник умел манить-вабить лосей, подражая их реву. Желая отогнать соперника, лось близко подходил к спрятавшемуся за стволом дерева охотнику, и режущего рогатого лося было легко застрелить. Теперь такая «на реву» охота забыта. Современные охотники устраивают на лосей облавы. Окружив зимой в лесу лосей, загоняют их на цепь стрелков. Доверчивые звери выходят на вооруженного стрелка. Жалко видеть убитого или раненого лося, лежащего на

окровавленном снегу. В зимнее время обойти лосей нетрудно. Обычно они держатся в мелком осиннике, где обглаживают горькую кору молодых осин. Следы лосей в глубоком снегу видны далеко.

Зимой на лосей нередко охотятся волки. Они стараются отбить от стада молодого лося и, загнав его в чащобу, быстро с ним расправляются.

В приуральских лесах я не раз находил места такой волчьей жестокой расправы. В годы войны в тех же приуральских лесах люди ставили на лосей сплетенные из проволоки или тонкого стального троса петли. Кормившиеся лоси попадали в такие петли головой или ногами. Два раза я видел запутавшихся в петле лосей. Знакомый лесник повел нас показывать пойманного петлею

лося. Возле ствола высокой ели, к которой была прикреплена проволочная петля, не двигаясь стояла безрогая лосиха. Снег вокруг ели был обтопан. По-видимому, лосиха несколько дней томилась в петле. Мы подошли близко к недвижно стоявшей лосихе. Кто-то из нетерпеливых и жадных охотников выстрелил, и она упала, кровавая снег. На меня это убийство, помню, произвело самое тяжелое впечатление.

Второй раз мы нашли лося, запутавшегося задней ногою в проволочной петле. Он так же покорно и недвижно стоял, смотрел на нас. С нами был двенадцатилетний сын моего приятеля, лесного объездчика. Отец дал ему топор и сказал, чтобы он тихонько и незаметно подошел сзади к дереву, к которому была прикреплена петля, и перерубил проволоку. Подходить близко к лосю было опасно. Врагов своих лоси бьют не только рогами, но и острыми копытами передних и задних ног. Мы старались привлечь на себя внимание лося, а Ваня тихонько подбирался с топором к дереву. Ему удалось перерубить проволоку, но попавшийся в петлю лось по-прежнему не двигался с места. Мы стали хлопать в ладоши, кричать и махать шапками. Унося затянутую на задней ноге проволочную петлю, лось убежал в лес.

Однажды в лесу у водополя, куда приходили ночами лоси, я увидел обглоданный лисицами скелет погибшего в петле лося. Человек, поставивший здесь на лосей петлю, по-видимому, уехал и не приходил проверять расставленные ловчие петли.

Охотились зимой на лосей и с подхода. Для

такой охоты одиночка-охотник выбирал метельный ветреный день. Тихо идя на лыжах по лосиному следу, вплотную подходил к залегшим в лесу лосям.

Мне не раз приходилось встречать в лесу лосей. Прячась за укрытием, я любовался красотой сильных зверей, легкими их движениями, ветвистыми развесистыми рогами самцов. Каждый год самцы лосей меняют свои тяжелые ветвистые рога. Сбрасывая старые рога, они трутся о стволы и сучья деревьев. В лесу нередко люди находят сброшенные рога лосей. Всякий год на рогах самца-лося прибавляется лишний отросток, и по количеству отростков можно узнать возраст лоса.

Незаконная охота на лосей теперь строго карается. К сожалению, несмотря на строгий запрет, разбойники-браконьеры нередко убивают в глухих местах лосей. Там, где я теперь провожу лето, недавно произошел такой трагический случай. В лесу обнаружили труп убитого лоса, а рядом лежал труп застреленного человека, оказавшегося бригадиром местного колхоза. По-видимому, услышав стрельбу, бригадир подошел к браконьерам, свежавшим убитого лоса, и между браконьерами и бригадиром произошел разговор. Не желая платить высокий штраф за убитого лоса, разбойники-браконьеры застрелили колхозного бригадира, накинув на плечи ружья и бросив свою добычу, укатили по железной дороге.

В летнее время лоси ходят очень широко. Я знал случай, когда два лоса в ночное время зашли в ворота городского кладбища. Утром сто-

рож кладбища увидел их среди могил, стал пугать и кричать. Лоси кинулись к железной ограде, окружавшей кладбище. Одному лосю удалось благополучно перепрыгнуть через железные острые пики ограды. Другой, молодой лось на этих пиках повис, распорол себе брюхо. На зов сторожа сбежались люди, добились бедного лося, сняв шкуру, разделили мясо.

Другой печальный случай произошел совсем недавно, нынешним летом, рядом с нашим лесным домиком, возле которого на берегу Волги теперь построен большой каменный дом. Однажды ранним утром сторож увидел умирающего лося, лежащего у подъезда дома. Из распоротой груди лося текла кровь. По-видимому, переплыв Волгу, лось пытался перепрыгнуть через железную ограду, напоролся на острые пики, дополз до подъезда дома и упал. О лосе все скоро забыли, но меня долго мучила смерть лося, погибшего недалеко от нашего лесного домика.

Лоси любят воду, нередко переплывают широкие реки. Переплывающих реку лосей можно догнать на легкой лодке. Над водой видны их горбоносые головы, широкие ветвистые рога. Бродя с ружьем и собакой по лесной вырубке вблизи реки Камы, однажды я увидел лося, «принимавшего ванну» в небольшом открытом болотце. По-видимому, лось спасался от осаждавших его злых оводов и слепней. Я подошел близко к стоявшему в болотной воде лосю, но выскочившая из кустов моя легавая собака его испугала. Лось вышел из болота и не торопясь скрылся в густом лесу.

Самое удивительное, что тяжелые лоси могут

переходить самые топкие трясинные болота, по которым не может ходить человек. Для меня это служит доказательством тому, что лоси жили еще в те давние времена, когда отступали покрывавшие землю ледники, оставляя за собою обширные топкие болота.

МЕДВЕДИ

Еще в раннем детстве моем я слышал много рассказов о медведях, которые когда-то водились в наших смоленских лесах. Отец рассказывал мне, что на его памяти по деревням, по сельским ярмаркам цыгане водили на цепи ученых медведей. Собравшиеся люди смотрели на медвежьи проделки.

— Как деревенские ребята горох воруют? — говорил медведю цыган.— Как бабы в бане венниками парятся?

Послушный медведь выполнял приказания своего хозяина, на великую потеху зрителям. Водить медведей запретила полиция. Их пугались лошади, и происходили нередко несчастья.

Я только два раза видел ученых медведей. Такого медведя один раз видел далеко от России. Я плывал матросом на пароходе «Королева Ольга». Мы заходили в турецкие, сирийские, греческие и египетские порты. В Бейруте, помню, я сидел в дешевом уличном кафе. В это кафе цыгане привели ученого медведя, расстелили на земле ковер, и он стал показывать разные смешные штуки. В последний раз я увидел ручного медведя в Петрограде, на Невском проспекте,

недалеко от пассажа и Садовой улицы. Цыгане вели его на цепи, продетой в ноздри. Бедный медведь тыкался носом в каждое углубление, стараясь спрятаться от людей. Это было в самом начале нэпа, когда в России воскресали забытые обычаи и развлечения.

Деревенские рассказы о медведях, которые я слышал в детстве, были смешные. Рассказывали, помню, о мужике, в ночное время ходившем в лес искать заблудившихся лошадей. Идя по лесной тропинке, он услышал лошадиный топот, забрался на сук дерева в надежде спрыгнуть на спину задней лошади и пригнать лошадей в деревню. Вместо лошади он угодил на спину медведя, гнавшегося за лошадьми. И медведь и мужик очень испугались. С ними приключилась медвежья болезнь.

Еще я слышал рассказ о некоем попе, который объезжал на лошади свой приход. В лесу на попову лошадь набросился из кустов медведь, лошадь дернула, неуклюжий мишка промахнулся и попал в телегу, в которой сидел поп. Перепуганный поп свалился с телеги, а лошадь понесла оставшегося в ней медведя через большое деревенское кладбище. Стараясь удержаться, медведь хватался за могильные кресты. Ему удалось вырвать из земли один старый крест. Медведя, державшего в лапах крест, лошадь вынесла на деревенскую улицу. Видя медведя с крестом, бабы набожно со страхом крестились.

Разумеется, таким рассказам нельзя верить. Но мне рассказывали, что повадившихся на лесные пчелиные пасеки медведей ловили таким образом: хозяин пасеки ставил возле ульев корыто,

наливал в него четвертную водки (известно, что медведи очень любят водку). Появившийся на пасеке медведь выпивал всю водку из корыта и пьяный возле него засыпал. Утром из деревни приходили мужики и связывали пьяного медведя. Не знаю, верить или не верить такому рассказу, но он немного похож на правду.

Говаривали, помню, о «Сморгонской академии», находившейся где-то в белорусских лесах под Сморгонью. Пойманных медведей учили там ходить на задних лапах. Для этого задние лапы медведя обували в лыковые лапти, ставили его на горячую печь. Обжигая передние, необутое лапы, медведь волей-неволей стоял прямо, по-человечьи. О неловких, неуклюжих людях, помню, бывало, говаривали так: «Сморгонскую академию окончил».

Охотиться на медведей мне пришлось несколько раз. Двух медведей я застрелил под Ленинградом в Кингисеппском районе.

Уже после войны мне еще раз довелось побывать на медвежьей охоте в том же Кингисеппском районе. Нас было много стрелков, и на жеребьевке мне достался лучший номер на медвежьей пяте, на его входном следу. В загон пошли неопытные люди, не вовремя стронули медведя, он вышел на край охотничьей цепи на совсем неопытного стрелка — моего зятя. Я услышал пять выстрелов, сделанных из автоматического ружья. Выждав время, я сошел с номера и направился к месту, откуда слышались выстрелы. Меня радостно встретил зять, одетый в солдатский полушубок. Признаться, я не поверил, что это он убил лежавшего в снегу медведя. Зять

никогда не бывал ни на какой охоте, и это была его первая добыча. С этим убитым медведем уже в Ленинграде произошла занятная история. По правилам общественной охоты, стрелку, убившему зверя, предоставляется право выбирать лучший кусок мяса. Неопытный в охоте зять подошел ко мне и стал спрашивать, какую часть медвежьего мяса ему надо брать. Я сказал, что нужно взять заднюю ногу. Разумеется, я имел в виду медвежий окорок, но мой зять вместо окорока взял облупленную заднюю лапу медведя, очень похожую на человеческую ногу. Приехав в Ленинград, мы не знали, что делать с медвежьей ногой. Жена положила лапу в продуктовую сумку и отправилась в мясную лавку, просить знакомого мясника разрубить твердую кость. Кто-то в очереди заметил в сумке жены лапу медведя, подошел к ней и сказал, что позовет милицию, чтобы проверить, откуда она взяла человеческую ободранную ногу. Над слишком дотошливым человеком посмеялись, и жена благополучно вернулась домой.

Кроме медведей, убитых из-под собаки, мне приходилось охотиться на медведей на овсах. Эта охота производится летом в таких местах, где медведь выходит в вечерний час есть поспевающий в поле овес. Обычно это бывает на небольших лесных, засеянных овсом вырубках. Выходящих на овес медведей охотники поджидают, сидя на устроенном подле овса на высоком дереве лабазе. Вечером я сидел на таком лабазе и слышал подходивших близко к овсу медведей. Удачной охоте помешал громкий храп моего спутника Васи, заснувшего на другом краю овсяного

поля на копне сена. Заслышав человеческий храп, медведи притихли, и я не слышал, как они ушли.

Охотятся на медведей еще на задранной медведем скотине. Возле туши скотины на дереве устраивают лабаз, и охотник караулит медведя. На такой охоте мне никогда не приходилось бывать.

Как-то из знакомых лесных мест Смоленской области зимой пришла короткая телеграмма: «Нашли медведя Приезжай». Несмотря на дальнее расстояние, не теряя времени, я быстро собрался, отправился в путь. Медведицу с маленьким медвежонком подняли из берлоги ходившие на охоту по белкам ребята. Они увидели, как выскочила из берлоги медведица и убежала в лес. В берлоге остался маленький, только что родившийся медвежонок. Люди, ходившие проверять берлогу, увидели по следам, что медведица воз-

вращалась к покинутому, замерзшему медвежонку, перенесла его на другое место и трогательно похоронила в глубоком снегу. Мы долго гонялись за этой медведицей, уходившей от нас по лесным дорогам, но так и не могли ее обложить.

Медведи редко нападают на человека, и только раненый зверь бывает опасен. Летом, случается, медведи нападают на коров и лошадей. Однажды мне довелось видеть раненую медведем сильную лошадь. Медведь лапой разодрал ей спину, повредил легкие, и было видно, как из гноившейся раны, из поврежденного легкого пузырьками вырывается воздух.

На Кольском полуострове, где долго лежит в лесу снег, голодные медведи рано поднимаются из зимних берлог. Они разрывают под снегом муравьиные кучи, охотятся на лосей, загоняя их по крепкому весеннему насту. В Лапландском заповеднике я знал случай, когда спрятавшийся в речной полынье убитого им лося, охранявший свою добычу медведь набросился на проходившего по льду на лыжах сотрудирика заповедника и сильно его поранил. Там наблюдались и другие случаи нападений медведя на человека.

Смирными считают камчатских крупных медведей. Они совсем не нападают на человека, занимаются ловлей рыбы, большими массами поднимающейся на нерест из моря по рекам. Рассказывали о медведе, который, устроившись на маленьком островке, ловил лапою крупную рыбу, бросал через голову добычу. Рыба падала в воду, уплывала, рыболов оглядывался и, не видя своей добычи, сердито ворчал, подозревая, что добычу его кто-то ворует.

Маленькие медвежата быстро привыкают к людям, но, подрастая, становятся иной раз опасными. В цирке медведей учат ходить по канатам, ездить на машине. Здесь они наглядно показывают свой ум и смекалку.

Еще я охотился на медведей в нетронутых заонежских лесах. Я путешествовал там в осеннее раннее время, когда поспевала брусника. С легоньким ружьем на плече долго бродил по лесным тропинкам, видел много медвежьего помета, очень похожего на пироги с черникой, но медведя так и не пришлось видеть. Из Заонежья я привез шкуру убитого местными охотниками медведя, которая долго лежала у меня на полу.

Кроме бурых медведей, мне приходилось охотиться на медведей белых у островов Земли

Франца-Иосифа и у открытых нами восточных берегов Северной Земли, куда много лет назад ходили мы на ледоколе «Георгий Седов». В те времена охота на белых медведей была еще разрешена. Непуганые белые медведи иногда подходили к самому борту ледокола, и охота на них не доставляла никакого удовольствия. Мы убивали их, поднимали на палубу, где промышленник Журавлев снимал с них шкуры и свеживал. Мясо белого медведя не назовешь вкусным. Оно пахнет тюленьим жиром, а печень белого медведя считается ядовитой. Разумеется, в тяжелые голодные дни арктические путешественники не брезговали мясом белого медведя. Белый медведь значительно крупнее медведя бурого и не совсем на него похож. Белые медведи обычно питаются тюленями, терпеливо выжидая их у лунок. Покойный приятель мой, художник Николай Васильевич Пинегин, некогда путешествовавший с Седовым к Северному полюсу, рассказывал мне, как однажды, увлекшись писанием этюда, заметил подползавшего к нему медведя. По-видимому, этот медведь принял художника за тюленя. Художник оставил мольберт, взялся за винтовку и застрелил подкрадывающегося медведя.

О бурых и белых медведях рассказать можно очень много. Я рассказываю только о том, что мне самому пришлось увидеть и услышать от моих друзей. Белые медведи очень любопытны. Нередко они забираются в жилища зимовщиков. В бухте Тихой тогдашний начальник зимовки П. Я. Илляшевич застрелил медведя, забравшегося к нему в баню. Путешествуя по островам Земли Франца-Иосифа, мы оставляли запасы

для лыжных зимних экскурсий. На другой год мы увидели разоренными устроенные нами склады. Ими пользовались белые медведи.

У острова Альджер, к которому мы подходили, произошла такая история: голодный медведь подошел к самому борту ледокола. Его тут же застрелили и лебедкой подняли наверх. Свежевавший медведя промышленник Журавлев обнаружил, что желудок его был набит... китайским чаем. Загадка разрешилась скоро. На острове Альджер мы обнаружили склады американской экспедиции Циглера, которая некогда готовилась отсюда отправиться на Северный полюс. Экспедиция эта была неудачна, и американцы уехали несолоно хлебавши, побросав все свои запасы. На плоском берегу острова мы увидели два круглых, покрытых льдом склада. Крыши складов были взломаны недавно побывавшими здесь норвежцами. На земле лежали разбитые ящики с продуктами. В одном из таких ящиков, по-видимому, хранился китайский чай. Известно, что голодные белые медведи иногда питаются водорослями, которые выбрасывают волны на берег моря. По-видимому, убитый нами медведь принял китайский чай за морские водоросли.

Уже в другое время на островах Шпицбергена, где мне довелось зимовать и где осталось мало белых медведей, зимою произошел такой случай. Из стоявшего у пристани корабля выгружали продукты, привезенные для рабочих советского угольного городка. Среди продуктов были ящики со свежими яблоками. Несколько таких ящиков во время разгрузки были разбиты, и яблоки рассыпались по пристани. Женщин заста-

вили собирать эти яблоки. Во время разгрузки заметили бродившего по пристани белого медведя. Он подбирал и ел яблоки. Разумеется, все люди разбежались, и медведь свободно гулял по пристани. Кто-то принес ружье, и этого медведя застрелили.

Теперь белых медведей строго запрещено стрелять. Их убивают лишь в исключительных случаях, когда у зимовщиков кончается продовольствие. Да и медведей осталось мало, мало осталось и тюленей и моржей.

В заключение хочу вспомнить случай, происшедший на Новой Земле у промыслового становища, к которому подошел наш ледокол. На ледоколе мы везли из Архангельска ручного бурого медвежонка. В промысловом поселке жил подраставший белый медвежонок. Нам захотелось познакомить медвежат, и мы вывели на берег бурого медвежонка. К величайшему нашему удивлению, увидев бурого своего собрата, белый медвежонок пустился наутек, и мы долго над ним смеялись.

МЕДВЕДЬ-ПРОВОЖАТЫЙ

Рассказ этот слышал я от сельской учительницы, на пароходе. Мы плыли по Онежскому озеру из Петрозаводска в Повенец, где теперь начинается знаменитый канал, соединивший Балтийское и Белое моря.

Край тот недавно был лесовой, дикий,— стояли над лесом пятисотлетние, заросшие корою и мохом, деревья-деды. А деревеньки там не-

большие, редкие, проезжих дорог было мало: летом мужики ездили в лес на санях, а в город ходили верст за сто, с берестяными котомками за плечами.

Однажды учительница шла в Повенец получать жалованье. Шла лесом, узкой тропинкой. На полдороге слышалось ей, что кто-то идет по лесу рядом. Учительница оглянулась: в десяти шагах, за деревьями, спокойно стоял и смотрел на нее большущий медведь. Учительница закричала, кинулась бежать. Она бежала, пока хватило силы, и все время слышала, как, ее догоняя, сзади хрюпал в лесу медведь.

Учительница отдышалась, пошла тише. Она не думала остаться живой. Она шла, боясь оглянуться, а за нею, не отставая, шел медведь. Так они путешествовали весь день до самого города. Около городского моста медведь остановился, учительница вошла в город. В городе она всем рассказала о медведе, любезно ее провожавшем в диком, глухом лесу.

БОЛЬНОЙ

Это было по лету. С рабочими-колхозниками ходил по большому лесу таксатор-лесничий. На просеке, заросшей густым орешником, рабочие видели, что в большом гнилом пне роется какой-то зверь. Снаружи был виден зад зверя, засыпанный землею и гнилушками. Над пнем тучею гудели потревоженные осы.

Зверь так занялся своим делом (гнездивших-

ся в гнилом пне ос он, по-видимому, принимал за пчел, искал мед), что совсем не слышал, как подошли люди. Лесничий взял у рабочего топор, ударил зверя по заду. Раненый медвежонок заревел, выскочил из разломанного пня и убежал в лес.

Зимой приезжали охотники. Они убили на берлоге двух медведей: медведицу и зимовавшего с ней пестуна. Когда медведи были убиты и, стоя у самой берлоги, охотники закурили, из снега показалась голова второго медвежонка. Охотники побросали в снег папиросы, схватились за ружья. Медвежонок был очень худой и легкий. Его убили, стали рассматривать и увидели на спине большой, плохо заживший рубец. Наверно, это был тот самый медвежонок, которого ранил по лету лесничий.

Опытные охотники говорят, что медведица с осени берет в берлогу только одного сына-пестуна, а другого выгоняет из своей берлоги. На этот раз пестунов было два. Должно быть, мать взяла с собой обоих своих сыновей, пожалев бросить больного.

СЛАДКОЕЖКИ

Это было в Барсуковском колхозе. Два охотника пошли порошею тропить белок. День был мягкий, туманный, охотничий. Охотники шли по лесу, искали белок и попали негаданно на медвежьи следы. Один след был крупный, как лапоть, а рядом два маленьких, точно напечатанных на мокром снегу. Это

прошла медведица с двумя медвежатами-лончками.

Охотникам хотелось выследить берлогу, и они пошли по следу. Скоро маленькие следы пропали, а крупный уходил в лес. Охотники стали оглядываться, осматривать ближние деревья. На одной густой елке, вытянувшись по сучьям и затаившись, сидели два медвежонка. Один охотник прислонил ружье и, подтянув пояс, полез на елку.

Медвежата зашевелились и, продираясь по сучьям, забрались от охотника под самую макушку. Одного медвежонка охотник схватил за заднюю лапу, стал отдирать от елки. Медвеженок кусался, отчаянно скулил. Охотнику было трудно поворачиваться на дереве, он отодрал медвежонка и бросил вниз.

Другого медвежонка охотник с большим трудом снял с дерева. Обоих медвежат охотники положили в мешок и принесли на деревню.

Вокруг медвежат собралась вся деревня — малые и большие.

Медвежата были косматые, очень смешные. Около них толпились колхозные ребята и смеялись.

— Надо их привязать под елкой и караулить, — сказали охотникам на деревне. — Медведица обязательно к ним вернется.

— Это верно, — сказали охотники, — мать обязательно должна воротиться к своему дитю...

Вечером охотники пошли в лес. По следам было видно, что медведица ходила кругами, но к самой елке не приближалась.

Охотники сделали на елке из кольев «сизу»

и привязали под елкой медвежат. Ночь была темная. Медвежата рвались вниз, жалобно скулили. Всю ночь охотники слышали, как вокруг ходила медведица, подзывала своих медвежат. Под утро она подошла под дерево и стала кормить; на дереве было слышно, как сосут и чмокают внизу медвежата.

Охотники не решились стрелять и просидели на дереве до самого света, а когда рассвело, увидели, что медведицы уже нет, а под елкой спокойно спят медвежата. Они тихо спустились, положили сонных медвежат в мешок и пошли на деревню. Сытые медвежата все время крепко спали в мешке и не шевелились.

Целый год после того они жили на колхозной мельнице, и колхозники иногда угощали их молоком и медом. Они брали в лапы медовые соты, опрокидывались на спину и сосали, как сосут грудные ребята соску. Молоко и мед им очень понравились, и их прозвали на мельнице сладкожежками.

ВОЛКИ

В зимнюю морозную ночь под самыми окнами нашего дома прошли волки. Утром я стал на лыжи, пошел тропить. Волчий след тянулся вдоль изгороди, спускавшейся к берегу пруда. Волки ступали след в след по глубокому рыхлому снегу, и даже самый опытный глаз не мог определить количество волков в их зимней стае.

Только у старого пня, на берегу пруда, волки

ненадолго разделились. Так же как собаки-кобели, самцы помочились на старый пенёк, и следы волков вновь слились в единую цепочку.

Спустившись на пруд, я шел по волчьему следу, извивавшемуся стройной цепочкой. По крутому берегу пруда волки вышли на снежное поле. Там, среди кустов ивы, ложились обычно на днёвку русаки. Я увидел ночной след жировавшего русака. Напав на свежий след русака, волки широкой цепью рассыпались по снежному полю. Только теперь я мог сосчитать количество волков в их охотничьей стае. В ней было не меньше семи или восьми волчьих голов.

Разглядывая следы волков, я отчетливо представил картину ночной охоты. Волки кольцом окружили бедного растерявшегося русака, метавшегося в их смертном круге. На том месте, где волки поймали свою добычу, на белом снегу было видно лишь несколько капелек алой заячьей крови и приставшие к снегу шерстинки. Зайца они разорвали на ходу — на расправу понадобилось несколько мгновений.

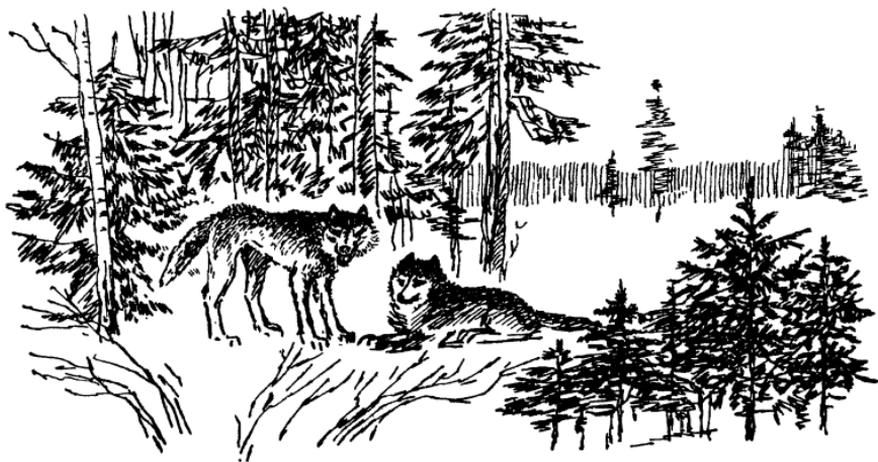
Продолжая тропить волков, после расправы над русаком опять сомкнувшись в стройную стаю, я увидел на другом берегу пруда бежавшего на махах одного отставшего волка. Низко держа голову, волк бежал вдоль лесной темной опушки. Увязавшаяся за мной гончая собака догнала меня и убежала в лес, в котором скрылся отставший волк. Подойдя на лыжах к лесной опушке, я услышал гонный лай собаки, поднявшей в лесу зайца. Преследуя зайца, собака делала круг, и лай ее удалялся. Стоя за молодой елочкой, прислушиваясь к гону собаки, я неожиданно увидел

за редкими деревьями волка, преследовавшего мою собаку. Волк иногда останавливался, так же, как я, прислушиваясь к удалявшемуся гонному лаю. Не сходя с места, я поднял ружье и на большом расстоянии заячьей дробью стал стрелять в волка. Боже мой, какие прыжки стал делать испуганный волк, которого поцарапала моя дробь! Подойдя к волчьему следу, я убедился в необычайной длине волчьих прыжков.

В нашем глухом лесном краю в те времена водилось много волков. Летом волки держались у большого, почти непроходимого болота, где каждый год подрастал молодой волчий выводок. Из окружных деревень волки таскали в свое логово овец, гусей и поросят. У самой ближней к логову лесной маленькой знакомой мне деревеньки они никогда не трогали домашней скотины. Так поступают многие хищные звери, не желая выдать место своего пребывания.

Некогда, еще до революции и первой мировой войны, в глухие наши смоленские места иногда приезжали из Москвы на волчьи охоты богатые охотники. Они присылали наемных окладчиков, егерей-псковичей, клавших на краю леса приваду. Волки ходили на приваду, и сытых волков обложить было легко. По рассказам старых деревенских людей, после удачной облавной охоты богатые наезжие гости пировали в маленьких лесных деревушках, поили коньяком и заставляли петь, плясать деревенских баб-молодух.

В двадцатых годах, когда мы жили в смоленской деревне, я много охотился на волков. Мы сами устраивали летние и зимние облавные охоты. Летом в лесу у глухого Бездона окладывали

и убивали волчат. Старые волки от летних облав обычно уходили. Хорошо помню места, где жили и гнездились каждое лето волки. Это был мелкий и редкий сосонник вблизи самого края болота. Множество выбеленных солнцем костей валялось возле старого волчьего логова, от которого расходились протоптанные зверями тропы. Летом молодые волки-нынешники и годовалые волчатопереярки из логова не выходили. Пищу им приносили их родители-старика, таскавшие по утрам овец и гусей, ловившие зайцев и зазевавшихся птиц. Мы подходили тихонько к волчьему логову и, сняв шапки, начинали в них подвывать. Боже мой, какой шум и визг поднимали прятавшиеся за мелкими соснами молодые волки! Иногда за деревьями нам удавалось видеть их серые мелькавшие спины. Чтобы не напугать старых волков, мы примолкали и терпеливо ждали, пока успокоятся молодые.

На летних и зимних охотах обычно устра-

ивали мы многолюдные, шумные облавы. Нередко удавалось уничтожить почти весь выводок волков. И тогда долго слышался в лесу вой старых волков, скликавших свой потерянный выводок.

Особенно интересны были зимние облавы. Зимой голодные семьи волков в поисках пищи широко разбредались, заходили по ночам в деревни, выманивая доверчивых собак, забирались иногда в плохо закрытые овчарни. В холодные вьюжные зимние ночи мы часто слышали голодный волчий вой.

Как-то однажды волки похитили и мою охотничью собаку. В ту ночь меня не было дома. В доме с собаками осталась жена. Ночью собаки стали проситься. Жена выпустила их на крыльцо, и одна собака не хотела возвращаться. Жена поленилась подождать ее и вернулась в дом. Наутро я приехал из соседней деревни. По следам было видно, что волки схватили нашу собаку почти у самого крыльца и, оттащив на лед мельничного пруда, быстро ее растерзали. От погибшей собаки на снегу остался лишь кожаный ошейник, точно острым ножом наискосок перерезанный волчьими зубами, немного собачьей шерсти и крови.

Выйдя однажды утром на крыльцо, я услышал, как на мельнице воет и причитает мельничиха. Так в наших смоленских глухих местах в прошлые времена выли и причитали женщины, когда в семье умирал человек. Я подумал, что умер наш толстый мельник Емельяныч. Быстро одевшись, я пошел на мельницу, где под колесами в мельничном буковище темнела широкая неза-

мерзшая полынья. Оказалось, что ночью у мельницы побывали волки. Они охотились на мельниковых уток, неосторожно оставленных ночевать в буковище на открытой воде. Мельничиха выла по своим погибшим уткам. На снегу отчетливо можно было прочесть, как охотились волки. Два волка спустились в холодную воду, где плавали утки, и заставляли их подняться на крыло. Плохо летавшие домашние утки падали близко в снег, и с ними безжалостно расправлялась стая волков.

Я побежал домой, захватил ружье и лыжи, направился тропить сытых волков, уничтоживших около сорока мельниковых уток. Оказалось, что волки залегли недалеко в поле, в ольховых кустах, но проезжавшие близко подводы их испугали. В мелких кустах я нашел свежие лёжки, с которых бежали волки. Этих волков нам удалось нагнать только на второй день. Они залегли в молодом лесу, недалеко от открытого поля и протекавшей за полем реки. Мы осторожно сделали круг, обошли лежавших в мелком лесу зверей, вернулись в ближнюю деревню скликать мужиков, баб и ребятишек на облаву. Эта облава была особенно удачна. По праву главного охотника я стоял на входном надежном следу. Тихо ступая, загонщики широким кругом рассыпались по лесу. По данному моим помощником Васей сигналу они начали кричать, стучать обухами топоров по стволам деревьев. Стоя на своем номере, скоро увидел я большого гривастого волка, с опущенной головой бежавшего между деревьями прямо на меня. С ветвей молодых елей на его спину сыпался легкий снег. Напустив

волка, я выстрелил, и он лег в снег, но его хвост продолжал судорожно шевелиться.

За первым головным старым волком оказался другой. Увидев лежавшего подстреленного волка, его мотавшийся хвост, он остановился. Я поднял ружье, выстрелил и, не зная результата, соблюдая правила облавной охоты, не сходил с места. Справа и слева слышались редкие выстрелы стрелков, приглашенных мною на охоту. Ближе и ближе звучали голоса загонщиков, круг которых медленно смыкался. Два перепуганных молодых волка пробежали вдоль стрелковой цепи, и я застрелил еще одного. Последний уцелевший волк, ошалевший от страха, с разинутой пастью и высунутым языком, пробежал в трех шагах от меня. Я попытался стрелять в него, но ружье сделало осечку: в автоматическом пятазарядном ружье, с которым тогда я ходил на волчьи охоты, застрял в магазине патрон. Я ничего не мог сделать, и единственный уцелевший от стаи волк благополучно скрылся.

Вырубив колья, связав убитым волкам ноги, веселые загонщики на плечах отнесли добычу к проезжей дороге, где нас ожидали подводы. Почуяв звериный дух, лошади начали фыркать, прядать ушами и рваться. Мы уложили нашу добычу в широкие розвальни. В деревне убитых волков освеживали, сняли волчьи теплые шкуры, которые долго висели потом в моем охотничьем кабинете. Эта охота на волков была, пожалуй, самой удачной в моей охотничьей жизни.

В более поздние времена мне не раз приходилось участвовать в волчьих охотах. С другим моим, известным охотником и охотничьим писателем, знатоком волчьих охот Н. А. Зворыкиным охотились мы в воронежском заповеднике, где степные волки обижали сохранившихся там благородных оленей. Побывали и в горном Кавказском заповеднике, где борьба с серыми разбойниками оказалась очень трудной.

В годы войны я жил в Пермской области у берегов реки Камы. Возле небольшого, глухого в те времена городка Осы водилось множество волков. Ночами волки бродили по улицам спавшего, погруженного в темноту городка. Зачуяв волков, городские дворовые собаки поднимали особенный тревожный лай. Моя собака, породистый английский сеттер Ринка-Малинка, спавшая у меня под кроватью, заслышав лай осинских собак, отвечала им таким же тревожным лаем. Чистокровная англичанка хорошо понимала язык своих сородичей — простых уральских дворняжек, и я долго не мог ее успокоить.

В глухих осинских лесах жили лоси, и волки устраивали на них охоту. Обычно они отбивали от стада молодого лося, загоняли его в чащобу, где он не мог от них отбиваться, набрасывались целой стаей и расправлялись с загнанным лосем. Бродя на лыжах по глухим осинским лесам, я не раз находил места, где пировали волки, деля свою добычу. На глубоком снегу отчетливо было видно, что каждый волк оттаскивал в сторону доставшийся ему кус мяса и там его пожирал. От растерзанного лося оставались лишь клочья окровавленной шкуры да вываленная на снег тре-

буха. Через несколько дней стая волков непременно возвращалась на место своей охоты доедать остатки уцелевшего лосиного мяса. После звериного пира сытые волки устраивали на снегу веселые игры, о чем свидетельствовали многочисленные их следы.

В осинских лесах за отсутствием людей не было возможности устраивать облавные охоты. Осинский приятель мой, старый охотник Матвей Васильич, ставил на волков капканы и нередко возвращался с добычей, за которую получал в городе законную премию. Зайдя однажды ночевать ко мне, он уселся за стол, вместе с бутылкой мутной самогонки вынул из сумки завернутый в холстину кусок вареного мяса, стал меня угощать. Выпив самогонки, я отведал довольно вкусного мяса. Подмигнув хитро глазом, Матвей Васильевич сказал:

— Ну как, полюбилась тебе волчатинка?

Признаться, я был неприятно удивлен: впервые пришлось мне отведать волчьего мяса. Время было голодное, шла война, и мясо добытых капканом волков Матвей Васильевич употреблял в пищу.

Уже в иные времена в разных краях обширной нашей страны доводилось мне наблюдать волков. В камышовых зарослях Кызыл-Агачского залива, на берегах южного Каспия, где собираются на зимовку миллионы пролетных птиц, я часто видел следы камышовых волков, слушал по ночам их вой.

На берегах Таймырского озера, в полярной голой тундре, не раз видел северных волков, преследовавших табунки кочующих северных оле-

ней. Не видевшие человека северные волки вели себя иной раз дерзко. Преследуя диких оленей, они догоняли больных, ослабевших животных. Так выполняли волки возложенную на них природой жестокою, но подчас и полезную роль. Известно, что находящиеся под охраной человека домашние олени часто заболевают заразной копытной болезнью и погибают. У диких оленей копытной болезни не наблюдали: преследовавшие оленей волки уничтожали заболевших животных и заразная болезнь сама собою прекращалась.

О волках ходило и ходит много выдуманных рассказов. Говорят о нападениях волков на людей, о растерзанных одиноких путниках на зимних пустынных дорогах. Страшные эти рассказы выдуманы досужими людьми. Как и огромное большинство зверей, волки смертельно боятся человека — самого грозного и всесильного на земле живого существа. Разумеется, опасен человеку бешеный волк, так же как опасны бешеные собаки. После войны белорусские охотники, впрочем, рассказывали мне о волке-людоеде. Этот страшный волк похищал в лесной деревне маленьких детей. Во время войны он, по-видимому, питался трупами убитых людей и стал людоедом. На страшного волка была устроена охота, и минские охотники убили его.

В нашей стране теперь осталось мало волков. Их истребили многочисленные охотники. В степных открытых местах охотятся на волков даже с маленьких самолетов.

Зимой ветры, жесткие и колючие, гуляли в голых макушках, и лес стонал. С еловых лап падали наземь снеговые шапки, снег под елями лежал ноздрясто. В мороз медленно осыпался с берез иней, блестело на снегу холодное солнце, от которого у зверей и птиц рябило в глазах, по лиловым шишкам прыгали краснозобые надувшиеся снегири и вертелись синички.

Вдоль леса пролежала большая дорога, от лесной сторожки к сплавной реке. От большой дороги уходили в лес лесные стежки и тропы: от стежек разбежался звериный след, разгонистый заячий, строченый лисичий и волчий, крупный, как человекья широкая ладонь. Волки избегали проложенных человеком дорог, зимою они держались кучно от страха перед лунными ночами, — глядели светящимися глазами на холодное и темное небо, жались задами и, не вынося лунной тоски, начинали выть. На вой отзывались в деревне собаки. Дрожа, волки поднимались, трусили между деревьев, стряхивая с кустов себе на спины серебряный иней, и, выбежав на опушку, шли гуськом через поле к овинам. От деревни пахло дымом и овцами, жалобно замирая, брехали собаки.

Каждую ночь волки подходили ближе, садились на снег, нюхали сладкий воздух и вызывали собак. Однажды замороженная месяцем пестренькая деревенская собачонка не помня себя выско-

чила из деревни на огороды, где на кольях трепалась прошлогодняя конопля, и завывала. Тотчас вся стая, взметая пушистый снег, ринулась через изгородь. Завороженная собачонка не успела взвизгнуть, ее затоптали в снег, и, впившись в ее тощую глотку жадными челюстями, высокий худой волк взвалил ее себе на костлявую спину.

Покончили с пестренькой собачонкой в березняке на опушке, молчаливо и скоро.

Горячими языками начисто вылизали закровившийся снег, почесались, скалясь, и гуськом медленно пошли в лес, через дорогу, к болоту, где в самой чаще было избранное на зимовье место — заросший березняком и ольхою Найденев луг.

II

В стае ту зиму ходила не успевшая поседеть молодая волчица, не позабывшая ребячьих своих забав. Днем, когда волки, свернувшись в клубки, неподвижно дремали в снегу, она вскакивала на ноги, кружилась, утапывая снег, будила стариков. Волки нехотя поднимались из снега, тыкались в нее холодными носами, а она шуточно грызлась и кусала их за ноги. Старые волчихи, свернувшись и не поднимая голов, искоса поглядывали на молодую проказницу. Однажды ночью, когда взошел месяц и осветил снега, молодая волчица поднялась и побежала в холодное поле, а за нею, высунув языки, затряслись старики, — волчихи лежали долго, потом им стало страшно, и они побежали вслед.

Волки бежали гуськом по дороге, а за волками скользили, ломаясь на снегу, тени. Снег блестел алмазно. От деревни послышался звон бубенцов, точно далеко зазвенели, покотившись по дороге, упавшие с неба звезды. Волки быстро сметнулись, завязая по брюхо, перекидываясь, отошли в поле и легли, повернувшись мордами на деревню.

По дороге катился обоз — пять подвод, одна за другою. Лошади, учуяв стаю, сбились и захрапели. У волков на хребтах поднялась шерсть. Они лежали в снегу, дрожа, светясь глазами и нюхая воздух, раздражительно запахший лошадиным потом. На дороге зашумели слабые человеческие голоса, вспыхнул на задних санях зажженный пук соломы. Волки медленно поднялись и, поджав между ног хвосты, пошли в поле. Перед лесом они вышли на дорогу, жадно обнюхали лошадиный парной помёт и нерешительно

остановились. Молодая волчица села в снег, подняв голову, и первый раз в жизни завывала жалобно и тонко, не спуская глаз с месяца. Вой ее слушали волки, и в сердцах их, холодея на спинах шерсть, просыпались чувства злой тоски, голода и бесприютности. Волчица пела свою песню, высоко задрав голову и глядя на месяц; заслышав ее, зайцы, вышедшие на поле откапывать зеленую озимь, испуганно поднялись на пятки и поставили уши, ухнула по лесу сова, и жалобным воем отозвались в деревне собаки. Волкам было невыразимо, по-волчьи тоскливо, они стояли замороженно, глядели мерцающими глазами на снег, на длинные тени придорожных кустов и на высокие звезды.

III

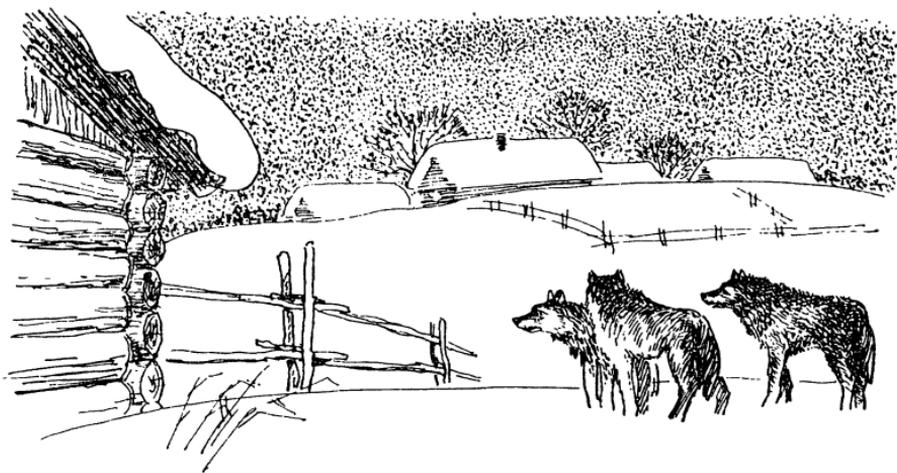
Целую неделю волчица водила за собою стаю. Целую неделю волки почти не ели, если не считать двух зайцев, которых случайно загнали волчихи. Когда прошла неделя и ущербился на небе месяц, а по ночам гуще высыпало на небе звезд, волчица стала уединяться, ложилась в снег, свернувшись клубком, и подолгу лежала, думая о еде.

Все силы и чувства молодой волчицы влились в одно желание — во что бы ни стало добыть пищу. К другим волкам она относилась теперь почти враждебно и скрытно, тайком уходила вынюхивать зайцев. И однажды, подняв большого серого русака, гонялась за ним до утра, сберегая силы, и когда русак от усталости стал западать,

настигла его одним прыжком и, затоптав в снег, впилась клыками в мягкое, теплое брюхо. Съела она его тут же, поспешно, глотая большие куски, с костями и шерстью, боясь, что ее могут застать другие волки, слизала вместе со снегом кровь и улеглась, свернувшись клубком, с обмерзшей на усах розовой пеной и раздувшимся животом. Теперь все ее существо было устремлено к тому, что начинало жить в ней, но чего она не могла осязать. Из веселого и глупого подростка она сразу стала умным и хитрым животным, умеющим беречь свои силы, когда нужно — притворяться, по целым суткам лежать неподвижно, сберегая теплоту своего тела и переваривая драгоценную пищу. Даже вылазки на деревенские огороды, где так соблазнительно пахло овечиной и где волки успели уже выманить другую глупую собачонку, стали для нее незаняты.

IV

Иногда волки не ели неделями, завывала над лесом и полями пурга, засыпала становище, засекала глаза. Волки друг на друга глядели жадно. Стая разбилась — ходили парами и в одиночку, за много верст, кто куда, тоскуя и ища пищи. В поисках пищи стая уходила далеко, за реку, подходила к лесной сторожке, к самым окнам, и слушала, как за стеною плачет человеческий детеныш. Людей волки видели редко, почти никогда, но присутствие их всегда ощущали, — человека ненавидели и боялись. В эти жестокие дни, далеко от становища, за рекою, волки напали в лесу на лошадиный труп. Около падла

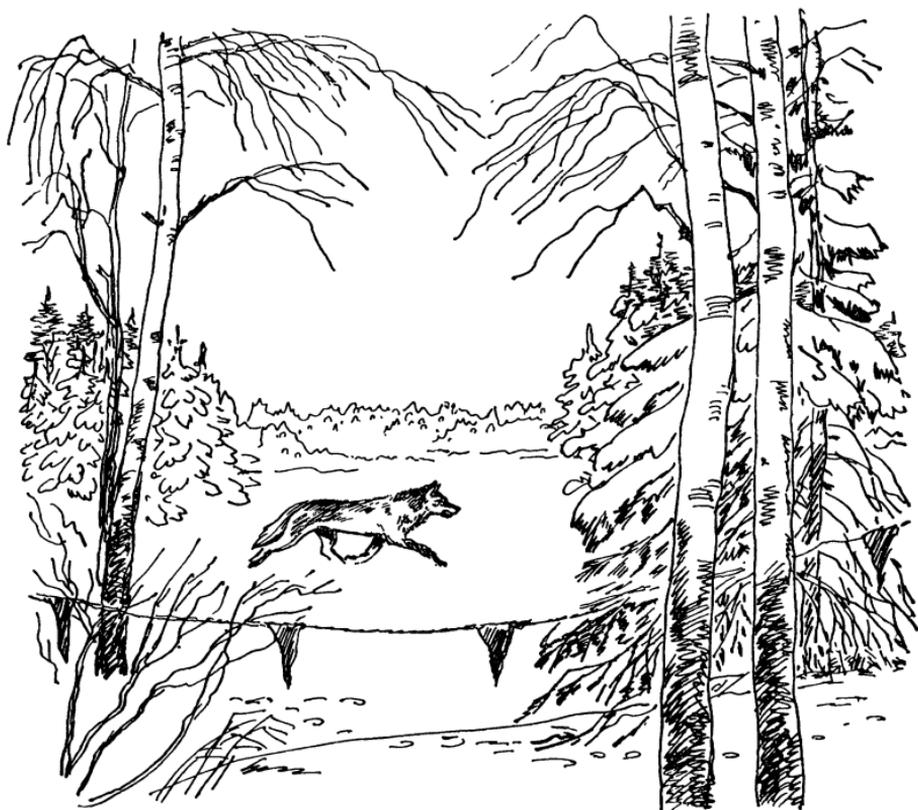

разворачивался санный след, пахло человеком. Сперва боялись брать, облизывались, сидя на поджатых хвостах, потом молодые, не выдержав, кинулись рвать — вывалили на снег синюю требуху, быстро оголили желтые ребра. Целую ночь, упиравшись лапами и тряся головами, рвали мерзлое мясо и, давясь, глотали нежеванные куски, а когда животы раздулись и отяжелели, отошли недалеко в лес и зарылись. В следующую ночь стая вернулась на мясо. Ели не так жадно. Оторвав кусок, отходили поодаль, ложились на брюхо, удерживая мясо в передних лапах, не спеша грызли. Под утро, когда стая ушла на становище, из лесу из-под нависших еловых лап выбежала рыжая лисица, остановилась, поджав переднюю ногу, и мелкой трусцой, неся над снегом хвост, побежала к вольчьим объедкам, долго копалась в обмерзшей синей требухе, под обглоданными ребрами. В полдень пришли на лыжах люди в овчинных куртках и валяных сапогах, и лисица быстро сметнулась в лес под елки. Люди осмот-

рели волчьи следы и растащенные по поляне кости; сняв рукавицы, закурили и, подтянув на куртках пояса, разошлись в обход волчьему следу. На другой день те же люди еще привезли на санях мертвую лошадь и свалили в снег на поляне. Волки две ночи не выходили на мясо, вылеживались, забравшись в ельник. Однажды утром стая поднялась тревожно: по лесу катились незнакомые звуки, приближаясь и отдаляясь, и внезапно наполнили лес. Напрягши слух и нюхая воздух, дрожа коленками задних ног, волки сбились в кучу. Старый волк, хорошо знавший, что сулят незнакомые звуки, поднял шерсть и, прижав уши, скрылся в лес. Стая поняла, что идет большая опасность и то, что старик покинул стаю, значит: каждый заботься о себе!

V

Молодая волчица переживала то, что переживал каждый волк: страх, от которого сжималась и теснила на лбу и на спине кожа, и острое желание жить. Звериным умом своим она понимала, что нельзя бежать прямо, по старому следу, и свернула в сторону наперерез голосам. Она шла нешибко, прижав к затылку уши, нюхая ветер. Деревья стояли тихо, придавленные снегом. Валились с макуш, цепляясь по сучьям, сбитые белкой снежные шапки, и волчица пугливо приседала в рыхлый снег. Там, где кончался лес и выступал кустарник, она увидела над снегом красный болтающийся язык. Не решаясь подойти близко, она свернула вправо, но и

там — но и там трепался такой же язык, красный и длинный. Красные языки висели один за другим под деревьями.

Волчица пошла вдоль притуло и осторожно. Так она вышла в поросшую ольхой лощину, на занесенную снегом лесную речку и остановилась.

Выбежал из лесу, завязая в снегу, заяц. И тут она, впервые в жизни, увидела человека. Он стоял в снегу, прикрытый стволом старой елки, и глядел на зайца.

Волчица присела, поджала ноги и, оттолкнув-

шись со всей силой, осыпая иней, прыгнула в кусты и побежала. Человек схватился, волчица услышала резкий звук, почувствовала удар по ноге и, кровавая снег, из всех сил пошла вприпрыжку кустами вдоль речки. За нею еще раз хлестнуло, драли по спине и бокам сучья, а она бежала, нескладно вскидывая зад. Она бежала вдоль речки, куда хватило сил, потом пристала, остановилась и села. Вдали шелкнуло раз за разом, потом еще и еще. Волчица тихо, выбирая чашу погуще, пошла туда, где, по ее соображению, был Найденов луг, на котором она родилась и росла.

VI

Волчица не знала, что только одна она уцелела из стаи. Она долго ждала и искала, выходила по ночам к реке, потом помалу привыкла к новой, одинокой жизни. Логовом себе она выбрала дикий кустарник у болота. Здесь волчица дожидалась весны.

Весною из-под снега вышли мокрые кочки и прошлогодний лист, прохоркал зарею над молодняком вальдшнеп. С вечера тяжело перелетали глухари на токовище, садились на деревья. Еще с февраля звери пошли рыскать, кричали на лядях залиvisto зайцы, хрюкал в лесу хорь. Заспанные барсуки выходили на волю. Птицами наполнился лес.

Волчица отяжелела, носила щенят. Для гнезда она выбрала место — широкую, сокрытую мхом сухую кочку. Разгребла лапами хворост, утоптала мох. Однажды утром, когда всходило

над лесом солнце и заиграл в небе первый баранчик-бекас, у нее родились один за другим девять слепых большеголовых детенышей. Мокрые щенята копошились, неумело тыкались слепыми мордами в соски. Целый день и ночь волчица лежала с ними, обогревая их, испытывая сладкую боль в сосках. Утром уходила на добычу, ловить на лядах зайцев.

Так повелось ежедневно: по утрам волчица уходила, оставляя волчат. Они, тихонько взвизгивая, залезали друг под друга, свертывались в один теплый клубок. Когда возвращалась мать, они тянулись к ней на слабых ногах. Она внимательно и строго оглядывала гнездо, обнюхивала вокруг землю, поправляла подстилку и ложилась на бок, вытянув лапы и протянув голову. Щенята присасывались к ее груди, спеша и повизгивая, теребили лапами черное вымя. Волчица в эти дни изменилась: похудела и вытянулась, стала выше на ногах и стройнее, в глазах ее появилось новое: глаза потемнели, в них светилась звериная, жестокая и отреченная, любовь.

ЛИСИЦЫ

Прошлым летом у нашего лесного домика произошло чрезвычайное происшествие. Ранним утром жена покликнула меня на крыльцо, в голосе ее слышалась тревога. Я вышел за дверь и у ступеней крыльца увидел лисичку. Она стояла, спокойно смотрела

на нас и как будто ожидала угощения. Мне еще никогда не приходилось видеть, чтобы осторожные, пугливые лисицы подходили близко к человеку. Обычно они прячутся в лесу, и живую лисицу даже опытному охотнику трудно близко увидеть. Наша лисичка стояла совершенно спокойно, доверчиво глядя на нас. Красивый пушистый хвост ее был вытянут, изящные тонкие лапки не двигались. Я с удивлением смотрел на нежданную гостью, сказал жене:

— А ну-ка, брось ей кусочек мяса!

Жена принесла из кухни небольшой кусок сырого мяса и бросила лисичке под ноги. Лисичка спокойно взяла и съела мясо. Ничего не понимая, я сказал жене:

— Попробуй бросить ей кусочек сахара.

Белый кусочек сахара лисичка съела так же спокойно. Я долго не мог понять — откуда взялась у нашего домика необыкновенная гостья, и наконец догадался.

За лесом, в двух или трех километрах, недавно построили большой пионерский лагерь. Летом в этом лагере отдыхают приезжие из Москвы пионеры. Как-то я был в лагере, читал ребятам мои рассказы. Они показали мне обнесенный железной сеткой маленький уголок юного натуралиста. Там в небольших клетках жили ручные белки и птицы, жила и рыжая лисичка, которую ребята кормили из рук. По-видимому, уезжая в город, пионеры выпустили на волю привезенную из московского зоопарка лисичку. Не привыкшая к свободе лисичка отправилась разыскивать человека. Наш лесной домик оказался первым на ее пути. Лисичка несколько дней жила у нашего

домика. Днем она пропадала — быть может, забиралась в подполье или пряталась в пустую собачью конуру возле сарая. По утрам и вечерам она выходила на волю, и мы ее кормили. К нашему рыжему коту она относилась дружески, и нередко они ели из одной чашки. Иногда лисичка ночевала на маленькой террасе возле моей комнаты. Однажды жена оставила на столе террасы кастрюльку холодного супа. Лисичка открыла крышку и съела ночью весь суп.

Судьба лисички была печальна. Она стала похаживать к большому дому отдыха, где отдыхающие люди, дивясь ручной лисичке, старались ее подкармливать.

Напрасно я уговаривал построить для госты-лисички небольшую теплую конуру, где она могла бы провести холодную зиму. Лисичка есть лисичка. Поселившись возле дома отдыха, однажды она утащила у сестры-хозяйки четырех кур. Потом исчез и петушок. За эти проделки ее, разумеется, пристрелили.

О лисицах рассказано много всяческих басен и небылиц. В народных сказках лисицу обычно изображают хитрым зверем, обманывающим доверчивых птиц и зверей.

Сомнения нет, что живущие на воле лисицы нередко ловят зазевавшихся крупных птиц, изредка таскают домашних уток и кур, ловят зайцев — беляков и русаков. Как многие звери, лисицы устраивают кладовые. Пойманного зайца лисицы не могут съесть в один прием и старательно зарывают оставшееся мясо в снег. Лисицы помнят свои кладовые и, когда нет добычи, доедают спрятанное про запас мясо. Они разоряют

гнезда птиц, свитые на земле, ловят подростков-птенцов, не умеющих хорошо летать. Но самая обычная пища лисиц — это лесные и полевые мыши. Зайцами и мышами питаются они зимою, когда лежит глубокий снег. Даже днем можно увидеть в открытом поле мышкующую лисицу. Неся над снегом пушистый свой хвост, пробегает лисица по снежным полям и сугробам, прислушиваясь к каждому звуку. Слух и чутье у нее изумительны. Под глубоким сугробом она слышит писк мышей и безошибочно добывает их.

На мышкующих лисиц опытные охотники устраивали охоту с легким щитом, обтянутым белым коленкором. В середине такого щита делали отверстие, через которое можно смотреть и стрелять. Прикрываясь щитом, охотник на лыжах потихоньку приближался к мышкующей лисице. Остановившись на месте, присев на снег, он по-свистывал в маленький пищик, издававший звук, похожий на мышиный писк. Услышав такой писк, лисица начинала приближаться к спрятавшемуся за белым щитом охотнику, подходила на верный выстрел, и охотник убивал ее.

Зимою на лисиц охотятся обычно с гончими собаками-лисогонами. Как всякий зверь, лисица делает по лесу круги и попадает под выстрел спрятавшегося охотника. Если ей удастся заметить человека, она уходит далеко напрямую, и тогда ее трудно убить.

Мне редко приходилось охотиться на лисиц, но хитрые их повадки мне хорошо известны. Не раз я находил в лесу норы лисиц. Нередко они селятся в норах хозяйственных барсуков, которых настойчиво выживают. Лисицы и сами роют глу-

бокие норы, обычно в песчаных откосах, прикрытых деревьями и кустами. У жилых лисьих нор всегда можно видеть много костей птиц и зверьков, которыми взрослые лисицы кормят подрастающих лисенят. Спрятавшись в кустах, можно увидеть играющих у норы подростков-лисенок. Гостя как-то на водяной мельнице, стоявшей на берегу лесной реки, каждое утро я видел, как молодая собака мельника играет на лугу с вышедшим из лесу рыжим лисенком. Никаких ссор между ними не происходило.

Пойманные молодые лисицы очень быстро привыкают к человеку. Их можно водить по городу на цепочке, как водят домашних собак. Опытные люди уверяли меня, что даже в большом городе после выпавшей свежей пороши, среди кошачьих и собачьих следов на бульварах можно увидеть и лисьи следы. Не знаю, можно ли верить таким рассказам, но вполне допускаю, что выпущенная в городе на волю лисица может себя прокормить.

Охотятся зимой на лисиц окладом с красными ситцевыми флажками, пришитыми к тонкому длинному шнуру. Тихо обойдя залегшую в лесу лисицу, охотники обносили длинным шнуром широкий круг и вешали его на ветках кустов. Там, где стоял охотник, оставляли открытый проход. Лисицы боялись развешанных красных флажков, пахнущих кумачом и керосином, и близко к ним не подходили. Самые хитрые лисицы иногда подкапывались в снег под флажки и уходили от ожидавшего их стрелка.

Как-то в гатчинском лесу мне довелось охотиться на обложенную моим приятелем, старым

охотником, лисицу. Я услышал громкий стрекот. Это стрекотали над убегавшей лисицей чуткие и осторожные сороки, отчетливо показывая ее путь. Я застрелил эту лисицу. Она была первой моей добычей в гатчинском лесу, где некогда устраивались царские охоты.

БЕЛКИ

Кто из вас, кому приходилось бывать в лесу, не видел этого легкого и проворного зверька? Идешь по лесной тропинке, собираешь в кузовок грибы и вдруг услышишь резкий, чекочущий громкий звук. Это играют, резвятся на дереве веселые проворные белки. Можно долго любоваться, как гоняются они друг за дружкой, носясь по сучьям и по стволу дерева, иногда вниз головою.

Белки никому не причиняют вреда. Зимой и летом живут белки в хвойных лесах. На зиму они заботливо запасают в дуплах корм. Летом и осенью сушат шляпки грибов, ловко нанизывая их на голые ветки деревьев. Я не раз находил в лесу грибные хранилища белок. Сидя под деревом в глухом лесу, я увидел однажды скакавшую по земле рыжую белку. В зубах она несла большую тяжелую гроздь лесных спелых орехов. Белки умеют выбирать самые спелые орехи. Они прячут их в глубоких дуплах и зимой безошибочно находят свои запасы.

Обычная пища белок — семена хвойных де-

ревьев. В лесу на снегу под деревьями можно видеть зимою шелуху разгрызенных белками еловых и сосновых шишек. Сидя высоко на сучке дерева, держа шишку в передних лапках, белки быстро-быстро выгрызают из нее семена, роняя вертящиеся в воздухе чешуйки, бросают на снег обгрызенный смолистый стержень.

В зависимости от урожая сосновых и еловых шишек белки кочуют на большие расстояния. В пути они переплывают широкие реки, ночами пробегают через многолюдные города и поселки. Плывущие по воде белки высоко задирают пушистые хвосты. Их можно увидеть издали.

Путешествуя некогда по Северному Уралу, я узнал, что переплывающих широкие реки белок иногда ловят и проглатывают крупные щуки. Я познакомился с любителем-рыболовом, который ловил таких крупных щук на чучело белки. Насаженное на проволочный каркас чучело он тащил за лодкой на длинном крепком шнуре, совершенно так, как наши рыболовы таскают за лодкой обыкновенную блесну. На чучело белки с прикрепленным к нему крепким тройным крючком попадались самые крупные, пудовые щуки.

В урожайные годы, когда на елках много шишек, в наших среднерусских лесах скопляется много белок. Еще в недавние времена зимою на белок усиленно охотились промысловики-охотники, добывая ценные беличьи шкурки. Городские модницы носили дорогие беличьи шубки. На каждую шубку требовалось больше сотни маленьких шкурок. Вряд ли модницы думали и догадывались — как, когда и где добывались дра-

гоценные беличьи шкурки и сколько загублено для их прихотей веселых милых лесных зверьков.

Белок можно легко приручить и держать в неволе. Некогда у меня был приятель, археолог и книголюб. В его большой комнате жила проворная веселая белка. Она доставляла много забот и хлопот хозяину-книголюбу. Без устали носилась она по книжным полкам, случалось, грызла переплеты дорогих книг. Пришлось посадить белку в проволочную клетку с широким вращавшимся колесом. По этому проволочному колесу белка носилась неумоимо. Белкам нужно постоянное движение, к которому они привыкли в лесу. Без такого постоянного движения, живя в неволе, белки болеют и умирают.

Осенью и весной белки линяют. На лето они одеваются в легкую рыжую шубку, поздней осенью эта рыжая шубка становится серой, густой и теплой. Белки строят уютные, теплые и прочные гнезда, похожие на сплетенные из тонких ветвей закрытые домики. Домики эти обычно строятся в развалинах густых и высоких хвойных деревьев, с земли их трудно увидеть. Внутри домик белки покрыт мягкой подстилкой. Там белки выводят и выкармливают маленьких своих бельчат. Самым грозным врагом белки, кроме человека, который на них охотится, является куница. Сильные и злые куницы беспощадно преследуют белок, ловят их и поедают, разоряют гнезда.

Охота на белок в России велась с давних пор, особенно на севере, в больших лесах, где много водилось белок. В старину охотники уходили в лес с тяжелыми винтовками, заряжавшимися

с дула крошечной свинцовой пулькой. Эти охотники держали бельчатниц-лаек. Умные чуткие лайки находили и облаивали белок, затаившихся в высоких вершинах деревьев. Охотник подходил к лаявшей собаке, стучал обухом топора по стволу. Испуганная белка выскакивала из своего убежища. Положив ствол тяжелого ружья на россошки, охотник стрелял из винтовки в сидевшую на сучке белку. Чтобы не испортить ценной шкурки, охотник старался попасть в глаз зверька, тут же снимал шкурку с убитой белки.

В Лондоне, в центре огромного многолюдного города, в Ридженс-парке, на городском бульваре, заросшем высокими деревьями, я некогда видел белок, совсем не пугавшихся человека. Входя в парк, посетители покупали у сторожей немного земляных орешков, положенных в бумажные мешочки. Увидев человека, идущего по парку с орешками в руках, белки соскакивали с деревьев и смело подбегали к нему. Человек протягивал зонтик или палку, белки легкими прыжками взбирались к нему на плечо и лакомились вкусными орехами. Я часто наблюдал в Ридженс-парке, как рядом с людьми, сидевшими на скамейках, прыгают и играют ручные белки. Там их никто не трогал и не обижал.

В некоторых наших подгородных парках теперь тоже можно наблюдать ручных белок, которые людей почти не боятся.

Совсем недавно, прошлой зимою, у окна нашего лесного домика каждый день появлялись две белки. Мы выбрасывали в форточку на снег небольшие кусочки черного хлеба. Белки подхватывали их и взбирались на росшую под окном

густую темную елку. Усевшись на сучок, держа в передних лапках кусочек хлеба, они быстро съедали его. С нашими белками часто ссорились сероголовые галки, всякий день прилетающие под окно нашего домика, чтобы полакомиться приготовленным для них угощением. Проходя однажды тропинкой в лесу, жена увидела знакомую белку с хлебной коркой во рту. Она удирала от двух настойчиво преследующих ее галок, старавшихся отнять хлеб.

Удивительно красивы следы белок в лесу на только что выпавшем чистом снегу. От дерева к дереву четким и легким пушистым узором тянутся эти следы. Белки то перебегают от дерева к дереву, то взбираются на вершины, покрытые тяжелыми гроздьями шишек. Распушив легкий хвост, они, стряхивая снежную навесь, легко перемахивают с ветки на ветку соседних деревьев.

В сибирских лесах иногда встречаются белки-летяги. У этих маленьких лесных зверьков между передними и задними ногами есть легкая перепонка. Они легко перескакивают, как бы перелетают с дерева на дерево. Мне только однажды удалось видеть белок-летяг в наших смоленских лесах. Они жили в глубоком дупле старого дерева. Там я случайно их обнаружил.

БАРСУКИ

Недалеко от нашего домика, в лесу у тропинки, есть старые барсучьи норы. Прежде здесь жили барсуки. Вокруг в те времена

возвышался старинный сосновый бор. У барсуков был целый подземный городок. Днем они скрывались в своих глубоких норах, по вечерам выходили на промысел. Теперь барсуков в нашем лесу уже нет. Их норы давно раскопали, барсуков изловили, а в оставшихся опустевших норах поселились лисицы. Но и лисиц теперь почти не стало. Приехав на лето в наш карачаровский лесной домик, я, как всегда, пошел посмотреть на барсучьи старые норы. Оказалось, кто-то раскопал и последние уцелевшие норы, добывая молодых лисят.

Когда-то барсуков много водилось в наших русских лесах. Обычно они селились в глухих местах, возле болот, рек, ручьев. Для своих нор барсуки выбирали высокие, сухие, песчаные места, которые не заливали внешние воды. Барсуки рыли глубокие норы. Над их норами росли высокие деревья. Из нор было несколько выходов и входов. Барсуки очень опрятные и умные звери. Зимой они, так же как ежи и медведи, впадают в спячку и выходят из нор только весной.

Помню, еще в детстве отец водил меня смотреть жилые барсучьи норы. Вечером мы прятались за стволами деревьев, и нам удавалось видеть, как выходят на промысел старые коротконогие барсуки, как у самых нор играют и возятся малые барсучата. Отец рассказывал мне, будто хитрые лисицы выживают из нор чисто плотных барсуков. Лисица забиралась в барсучью нору и пачкала ее. Опрятные барсуки старательно убрали и закапывали лисий помет. Лисица настойчиво продолжала посещать барсучьи норы. Барсукам это надоедало, и они иногда покидали

свои норы. В оставленных норах поселялись нечистоплотные лисицы.

В лесу по утрам мне не раз приходилось встречать барсуков. Я смотрел, как осторожно пробирается барсук у стволов деревьев, обнюхивает землю, разыскивая насекомых, мышей, ящериц, червяков и другой мясной и растительный корм. Барсуки не боятся ядовитых змей, ловят их и поедают. Барсуки не уходят далеко от нор. Они пасутся, охотятся вблизи подземного жилища, не надеясь на свои короткие ноги. Барсук по земле ходит тихо, и не всегда удается услышать его шаги.

Барсук безобидное и очень полезное животное. К сожалению, в наших лесах барсуков теперь почти не стало. Редко где в глухом лесу сохранились населенные барсучьи норы. Барсук умный лесной зверь. Он никому не причиняет вреда. К неволе барсук привыкает трудно, и в зоопарках днем барсуки обычно спят в своих темных конурах.

Очень интересно, найдя норы, следить за жизнью их обитателей.

Охотиться на барсуков нетрудно. В их норы запускали небольших коротконогих собачек — такс. Прислушиваясь к подземному лаю, охотники разрывали нору и доставали живых барсуков. Иногда барсуков выкуривали из нор дымом. Зажигали у нескольких входов небольшие костры, норы наполнялись едким дымом, и барсуки волей-неволей появлялись наружу. Здесь их хватали и прятали в мешки. Однажды я встретил в лесу знакомого человека, несшего на плече двух пойманных молодых барсучат. Довольный своей до-

бычей, он весело рассказал мне, что пробовал выкуривать из нор барсуков. У него не было мешка, и он придумал запрятать добычу в две штанины собственных снятых штанов. Штанины были завязаны снизу узлами, и в каждой штанине сидело по живому барсуку. У веселого охотника, шагавшего по лесной тропинке без штанов, был весьма забавный вид. Штаны с шевелившимися барсучатами были перекинута через плечо. Мы постояли, пошутили, покурили. Счастливый зверолов направился в деревню, чтобы похвастаться добычей.

Я никогда не охотился на миролюбивых барсуков, но иногда находил их лесные жилища. Живых барсуков редко приходилось видеть. Идешь, бывало, с глухариного тока, встает над лесом солнце. Остановишься, чтобы, присев на пенек, хорошенько послушать и посмотреть. Увидишь барсука, осторожно пробирающегося у стволов деревьев и обнюхивающего каждую пядь земли. Лапы барсука похожи на маленькие крепкие лопаты. В случае опасности барсук может быстро зарыться в землю. Когда барсуки роют свои норы, они выгребают землю передними ногами, задними — выталкивают ее наружу. Быстро, как машины, роют они норы.

Если вам придется найти в лесу жилые барсучьи норы — не трогайте их, не разоряйте и не убивайте полезных и добродушных зверей. Барсук стал в наших лесах очень редким животным. Совсем уничтожить этого зверя нетрудно.

Кто не знает и не слышал об этом красивом зверьке, еще в самые недавние времена обитавшем в нашей стране почти повсеместно, от Крайнего Севера до далекого юга? Когда-то мех горностая был в большой моде. В давние времена в мантиях из белоснежных горностаевых шкурок короли восседали на золоченых тронах. Из дорогих шкурок горностая богатые модницы носили красивые накидки.

Горностай очень подвижный хищный зверек. Днем горностая трудно увидеть. В зимнее время на чистом снегу отчетливо видны его парные легкие следы. Скрываются горностаи в подземных норах под корнями старых деревьев, обычно по берегам рек и ручьев, в заросших лесом оврагах.

Случается, живут горностаи и вблизи селений, прячутся под амбарами и жилыми домами. Ночью нередко забираются в курятники, устраивают там жестокую расправу над спящими курами и петухами. После войны в окрестностях Ленинграда и в самом городе я видел на снегу много следов горностаев, прятавшихся в выбоинах и глубоких ямах, оставшихся после разрывов мин и снарядов.

На далеком севере храбрые горностаи человека почти не страшатся. Уже много лет назад довелось мне побывать в Лапландском заповеднике. Ранней весной я жил на берегу лесной речки

Верхняя Чуна, впадавшей в глубокое озеро, еще покрытое толстым льдом. Я жил совсем один в маленьком домике, срубленном руками сотруди-ников заповедника. Вместо печки в углу домика был из камней сложен широкий очаг, в котором я разводил огонь. Я спал на бревенчатых жестких нарах, в спальном мешке, сшитом из оленьих теплых шкур.

В устье реки, на которой жили бобры, образовалась к весне небольшая полынья с быстро текущей прозрачной водою. В этой полынье я ловил на блесну серебристых хариусов, в великом множестве собиравшихся у песчаного чистого дна. С пойманной рыбой я возвращался к домику, возле которого лежала куча больших камней, и принимался чистить рыбу. Всякий раз из кучи камней выскакивал легкий и быстрый горностай. Я бросал на снег потроха вычищенной рыбы, и он проворно таскал их в свое убежище под камнями. Так я познакомился и подружился с соседом моим горностаем. Через некоторое время он стал сам приходить в мой домик, где я варил на огне вкусную уху, лакомился костями и головами сваренной мною рыбы. Однажды ночью он забрался в мой спальный мешок, и мы мирно с ним спали.

Живя в маленьком домике, я наблюдал, как наступает в северном краю весна, наблюдал за бобрами, зимовавшими в своих покрытых сугробами хатках, следил за разбойницей-росомахой, иногда, в поисках пищи, подходившей к моему окну.

Ранней весной на озеро прилетели лебеди. Красиво изогнув длинные шеи, они плавали в от-

крытой полынье, иногда выходили на лед. Привыкший ко мне горноста́й скрашивал мое одинокое житье.

Уже в другие времена, путешествуя по Таймырскому полуострову, не раз приходилось мне наблюдать дерзких горностаев. Они смело переплывали широкое Таймырское озеро, где их иногда глотали крупные рыбы гольцы, похожие на семгу. Вскрывая пойманных в сети гольцов, в их желудках мы находили проглоченных горностаев. Горностаи очень ловко увертывались от наших ездовых собак, и даже самой быстрой и ловкой собаке редко удавалось поймать горноста́я. В детстве я не раз наблюдал горностаев, живших в подполье и в хозяйственных деревенских пристройках. Увидев человека, они быстро и незаметно исчезали.

ЕЖИ

Приходилось ли вам слышать, как разговаривают между собою ежи? Наверное, никто не слышал.

А вот я слышал.

Расскажу по порядку. Зимой и летом мы живем в Карачарове на берегу реки, в маленьком домике, со всех сторон окруженном лесом. Мы ходим в лес наблюдать и слушать, как живут и поют птицы, как расцветают лесные цветы, летают и ползают насекомые.

Выходя по ночам на крыльцо полюбоваться на звездное небо, послушать ночные звуки и го-

лоса, я часто слышал, как кто-то пробегает в высокой траве под сиренью. Я зажигал электрический фонарик и видел убежавшего большого ежа. Ежей мы нередко видели по вечерам, когда закатывалось солнце: в поисках пищи они безбоязненно бродили вокруг нашего домика, подбирали крошки и то, что мы для них оставляли. Нередко ежи подходили к большой чашке с едою, из которой мы кормили наших собак — добродушного черного Жука и хитрую Белку. Обычно Белка начинала обидчиво и яростно лаять, а ее флегматичный сын Жук отходил в сторонку и терпеливо молчал. Ежи забирались передними лапами в собачью чашку и, тихо пофыркивая, спокойно ели. Несколько раз я ловил ежей и приносил в дом. Они ничуть не боялись людей, спокойно бегали по комнатам и не пытались свертываться в клубочек. Я выпускал их на волю, и они продолжали кормиться возле нашего домика, раздражая собак.

Однажды в темную летнюю ночь я сидел в моей комнате за письменным столом. Ночь была тихая, лишь иногда с реки доносились легкие отдаленные звуки. В полной ночной тишине под полом вдруг послышались очень тихие незнакомые и приятные голоса. Голоса эти были похожи то ли на тихий разговор, то ли на шепот пробудившихся в гнезде птенцов. Но какие же птенцы могли быть в подполье?.. И на мышинный писк, на злобный визг крыс не были похожи эти ласковые подпольные голоса. Я долго не мог понять, кто разговаривает у меня под полом. Через некоторое время я вновь услышал в подполье уже знакомый ласковый разговор. Там как

бы беседовали между собою два загадочных, мне незнакомых существа.

— Каково спят наши детки? — говорил один ласковый голос.

— Спасибо, детки наши спят спокойно, — отвечал другой ласковый голос.

И загадочные голоса замолкали.

Я долго думал, кто так ласково разговаривает под моим письменным столом в подполье? «Наверное, там живут ежи, — подумал я. — Старый еж приходит к своей ежихе и спрашивает у нее о маленьких ежатах». Каждую ночь я слышал в подполье ежиные голоса и улыбался: так дружно разговаривали еж и ежиха!

Однажды вечером, когда за рекой закатывалось солнце, в открытое окно меня кликнул внук.

— Дедушка, дедушка, — кричал он, — выходи скорее!

Я вышел на крыльцо. Внук показал мне на спокойно прогуливавшееся по утоптанной дорожке целое семейство ежей. Впереди шел старый большой еж, за ним шла ежиха и маленькими комочками катились крохотные ежата. По-видимому, родители в первый раз вывели их из гнезда на прогулку. С тех пор каждый вечер старые ежи и ежата выходили гулять на дорожку. Мы оставляли для них в блюде молоко. Ежата спокойно пили молоко вместе с котенком, который у нас жил и подрастал.

Так продолжалось несколько дней. Потом ежи ушли в лес, и мы их видели редко. По ночам они по-прежнему приходили к нашему домику, пили молоко и ели из собачьей чашки, но больше

я не слышал в подполье ежиных ласковых голосов.

Все видели и знают ежей. Это очень смиренные и кроткие звери. Они никому не причиняют вреда и никого не боятся. Днем они спят, а ночью выходят на охоту. Они уничтожают вредных насекомых, воюют с крысами и мышами, загрызают ядовитых змей. На зиму они устраивают для себя под корнями деревьев маленькие удобные берлоги. На своих колючках они таскают в берлоги мягкий мох и сухие листья. На всю зиму ежи засыпают. Их маленькие сокрытые берлоги покрывают глубокие снежные сугробы, и ежи спокойно спят всю зиму. Просыпаются они ранней весной, когда в лесу сходит снег, выходят на охоту.

Ежи скоро привыкают к людям и делаются ручными. В соседнем пионерлагере развелось целое стадо ежей. Каждую ночь они приходят из леса к пионерской столовой и лакомятся едою, которую оставляют для них пионеры. Там, где живут ежи, нет ни мышей, ни крыс.

Когда-то и у меня жил ручной еж. Днем он забирался в голенище валяного старого сапога, а ночью выходил на добычу. Я часто просыпался от мелкого топота и шума, который производил по ночам еж. Два или три раза мне удалось наблюдать, как он ловит мышей. С необыкновенной быстротою еж бросался на показавшегося в углу комнаты мышонка и немедленно с ним расправлялся. Признаться, он причинял мне много беспокойства, мешал по ночам спать и вел себя нечистоплотно. Несмотря на все неприятности, мы очень подружились. Мне и моим гостям очень

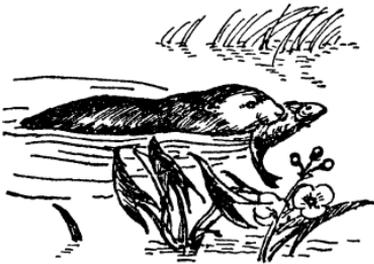
нравились некоторые ежиные смешные ухватки. Выходя из ночного убежища, он старательно обнюхивал и оглядывал каждую щелку, подбирая на полу мелкие крошки. Было что-то уморительно смешное в его движениях, походке, в его маленькой мордочке, покрытой серыми волосами, в его маленьких черных и умных глазках.

Иногда я клал его на стол и громко хлопал по доске ладонью. Еж почти мгновенно свертывался в колючий серый клубок. Долго оставался он неподвижным. Потом начинал медленно, тихо развертываться. Из острых серых колючек показывалась маленькая смешная и недовольная мордочка. Он обнюхивался и оглядывался. На мордочке появлялось выражение прежнего добродушного спокойствия.

О ежах написано и рассказано много. Рассказывают, как на ежей охотятся хитрые лисицы. Свернувшегося в колючий клубок ежа лисица тихонько скатывает с крутого берега в воду, где еж быстро развертывается и лисица легко расправляется с ним. То же самое проделывают с ежами некоторые умные собаки.

Ежи не любят табачного дыма. Стоило показать моему ежу дымящуюся папиросу, он со всех ног пускался от ненавистного дыма наутек. Мой еж очень любил вино. Вылизав блюдечко, в которое ему наливали две или три чайных ложечки вина, он, смешно пошатываясь, отправлялся в свое дневное убежище и надолго там оставался.

ВЫДРЫ И НОРКИ

Ранним утром я проходил берегом знакомой тихой реки. Уже взошло солнце, стояла полная беззвучная тишина. На берегу широкой и тихой заводи я остановился, прилег на луг и закурил трубочку. В кустах пересвистывались и перелетали веселые птички. По всей заводи густо цвели белые лилии и желтые кувшинки. Широкие круглые листья плавали на поверхности недвижной воды. Над кувшинками летали и присаживались легкие стрекозы, в небе кружили ласточки. Высоко, высоко, чуть не под самыми белыми облаками, распластав крылья, парил ястреб-канюк. Пахло цветами, скошенным сеном, береговой высокой осокой.

Вдруг что-то шлепнуло раз и другой посреди тихой заводи, и я увидел голову вынырнувшей выдры, плывущей к берегу меж недвижных кувшинок. С живой пойманной рыбой во рту выдра плыла к густому кустарнику, которым был покрыт берег. Я сидел не шевелясь, видел, как выдра выбралась из воды и исчезла под кустами. Мне еще не приходилось наблюдать на свободе живую скрытную выдру. Иногда только я видел на мокром береговом песке следы осторожной хищницы.

Выдры живут обычно у глухих и тихих лесных речек, где водится много рыбы. Они питаются исключительно рыбой, очень хорошо умеют нырять, подолгу остаются под водой. Выдра

очень красивое животное. Теплый и легкий мех выдры дорого ценится.

Пойманную молодую выдру легко приручить. Еще в раннем детстве я знал человека — лесного объездчика, служившего у хозяина моего отца. У этого человека жила ручная выдра. Он брал ее с собою на охоту, и она бежала за ним, как обыкновенная собака. Иногда он посылал ручную выдру в воду. На глазах наших она ныряла и выносила на берег к ногам хозяина живую пойманную рыбу.

Выдры уцелели только в самых глухих и нетронутых местах. Живут выдры очень скрытно, их трудно увидеть и поймать.

Подобно выдрам, у глухих лесных ручьев и речек водятся небольшие проворные зверьки — норки. Они также умеют хорошо нырять, по ночам ловят мелкую рыбешку. Норки — хищные и прожорливые зверьки. Они разоряют птичьи гнезда по берегам лесных рек и, подобно хорькам, не стесняются нападать на крупных птиц. По ночам забираются даже в курятники, расположенные недалеко от берега реки.

Возвращаясь однажды с глухариного тока, я нашел спрятанную в лесном ручье, под корнями росших на берегу ольховых кустов, мертвую, еще теплую глухарку с отгрызенной головой. На месте преступления валялась кучка окровавленных перьев. Перышки убитой глухарки плыли по течению лесного ручья. По-видимому, большую и сильную птицу злая, проворная норка загрызла в то время, когда глухарка, чтобы напиться, неосторожно подошла к ручью. Лесной разбойницы-норки я так и не видел.

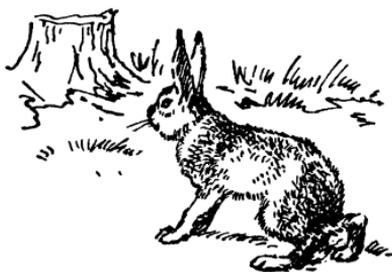

В самом конце лета, охотясь на берегах реки Камы, я жил у приятеля моего, лесника, в глухом прикамском лесу. Сидя у открытого окна, я увидел, как в лесниковом небольшом огороде, почти рядом с окном, сам собою колышется тяжелый цвет дозревающего подсолнуха. На подсолнухе сидел маленький красивый зверек. Он хлопотливо выдергивал из гнезд зерна спелого подсолнуха и набивал ими защечные мешки.

Это был бурундук, проворный и ловкий зверек, похожий на маленькую белку. Живут бурундуки под деревьями, в земляных неглубоких норах. В этих норах они устраивают вместительные кладовые, где прячут обильные зимние запасы: кедровые орехи, подсолнухи, хлебные семена. Быстрый бурундук всегда находится в движении. Он бегаёт по сучьям деревьев, по кучам хвороста, сложенного в лесу. Живого, очень любопытного зверька нетрудно поймать. Я видел, как ловят бурундуков в лесу деревенские ребята. В руках они держат легкую палочку с привязанной на конце волосяной петлею. Стоит пошвыстать в берестяную или ивовую дудочку, и любопытный бурундук выбегает из своей норы. На шею ему нетрудно накинуть легкую петельку. В неволе веселые бурундуки приживаются быстро. Их можно держать в большой клетке, кормить орехами, семенами. Они очень весело гоняются друг за дружкой по клетке, и на их веселые игры и схватки приятно любоваться.

У бурндуков в лесу много лютых врагов. Их уничтожают хищные птицы, ловят домашние кошки, а кладовые бурндуков находят и разоряют в лесу медведи.

Мне очень приятно вспоминать маленьких бурндуков. Я помню глухой таежный лес, освещенные солнцем, окруженные высокими деревьями зеленые поляны и маленьких зверьков, оживлявших таежную глушь и тишину.

ЗАЯЦ

Это было много лет назад. Ранним утром я возвращался с дальнего глухариного тока. С трудом перебравшись через горелое топкое болото, я выбрал удобное место, присел отдохнуть у большого зеленого пня, очень похожего на мягкое кресло.

В лесу было тихо, солнце взошло. Я раскурил трубочку и, развалившись у пня, положив на колени ружье, стал прислушиваться к звукам. Было слышно, как шумят на болоте журавли, токуют в позолоченном небе бекасы. Где-то поблизости прогремел и засвистел рябчик.

Весной я никогда не стрелял рябчиков, но с костяным старым пищиком из пожелтевшей заячьей кости никогда не расставался. Мне нравилось пересвистываться с рябчиками, близко смотреть на подлетающих на свист задорных петушков, с распущенными крылышками и хвостами шустро бегавших по колодам и кочкам почти у моих ног.

Покуривая трубочку, пересвистывая с подлетавшим рябчиком, я вдруг увидел за стволами деревьев тихо ковылявшего прямо на меня зайца-беяка. Усталый, он возвращался на лёжку после веселых ночных походов. Коротенькими прыжками он тихо ковылял по моховым рыжеватым кочкам. На его мокрых ляжках смешно болтались клочки вылинявших зимних порточков.

Я сидел не двигаясь, не шевеля пальцем, сливаясь с высоким зеленым пнем. Когда заяц подбежал совсем близко, почти в колени, я немного пошевелился и тихо сказал:

— Ага, попался, Косой!

Боже мой, что стало с зайцем, как подхватился он, как замелькали между кочками его порточки, коротенький хвостик! Громко смеясь, я крикнул зайцу вдогонку:

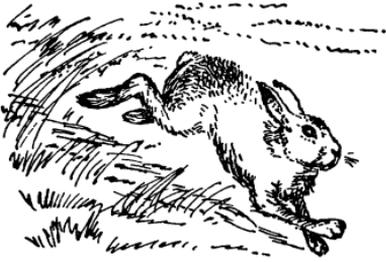
— Улепетывай, Косой, поскорее!

У каждого охотника в запасе много воспоминаний о неожиданных встречах и происшествиях в лесу. Обычно такие охотники рассказывают о своих удачных выстрелах, о застреленной и добытой дичи, о работе умных собак. На охотничьем долгом веку я много перестрелял крупной и мелкой дичи, не раз охотился на волков и медведей, но — странное дело — простая встреча с забулдыгой-зайчишкой запомнилась больше, чем самые удачные и добычливые охоты.

Я как бы и теперь вижу лес, тихое утро, слышу свист рябчиков, отчетливо вижу зайчишку-беяка, мокрые его порточки.

Улепетывай, брат Косой, на доброе здоровье!

ПОСЛЕДНИЙ РУСАК

Лет десять — пятнадцать назад в лесу, подле нашего карачаровского домика, еще водилось много всяческой дичи. Отойдя несколько десятков шагов от крыльца, я поднимал выводки рябчиков. У ближнего болотца, где на кочках растет много брусники, гнездились тетерева. Несколько раз в лесу я видел глухарей и глухарок. Особенно много было зайцев-русаков. На зиму нам приходилось обвязывать колючим еловым лапником молодые яблони, чтобы их не испортили зайцы, каждую ночь бродившие вокруг нашего домика. Зимой, проходя по полю после пороши, я не раз любовался чудесной грамотой звериных и птичьих следов. На чистом белом снегу отчетливо были отпечатаны ночные следы кормившихся русаков, валялись орешки заячьего помета. Тонкой и ровной цепочкой тянулись лисьи следы. Возле кустов в поле я не раз поднимал стайку серых куропаток.

Ни заячьих, ни лисьих, ни птичьих следов теперь мы не видим. Трудно объяснить причину убыли лесной и полевой дичи. Несомненно, в истреблении дичи повинны недобрые охотники, не желающие соблюдать правил и сроков охоты. Очень возможно, что некоторые звери и птицы погибают по другим причинам, еще недостаточно изученным людьми. С каждым годом все меньше и меньше встречаешь в лесу птиц и зверей. Давно не вижу рябчиков, не поднимаю у знакомого болотца старых и молодых тетеревов. Обеднела

вальдшнепиная тяга, мало осталось водяной и болотной дичи.

Года три назад к нашему домику еще приходил один уцелевший заяц-русак. Зимой на огороде я видел иногда его робкие следы. Осенью однажды на утренней зорьке меня разбудил далекий лай гончих собак. Лай приближался к нашему домику. Я отчетливо слышал голоса гончих. «Наверное, собаки подняли и гонят последнего нашего русака!» — подумал я с тревогой.

Лай собак слышался ближе и ближе. Почти у самого дома собаки вдруг замолчали. И только через несколько минут я вновь услышал гонный лай. Теперь собаки гнались за зайцем по открытому полю, отделявшему наш домик от большого поселка. Я слушал удалявшийся лай и с тревогой ждал конца. Скоро послышались два ружейных выстрела, и лай прекратился.

Утром жена рассказала, что выходила на зорьке на огород посмотреть прополотую, приготовленную к зимовке клубнику. Нежданно-негаданно к ней в ноги прикатил и заяц-русак. От неожиданности жена присела. Присел и заяц-русак. Так несколько секунд они смотрели друг на дружку. Потом заяц схватился, прижал к спине уши и пустился наутек в открытое поле, где его опять подхватили гончие собаки.

Наверное, это был тот самый русак, следы которого я видел зимой вблизи нашего домика. В это осеннее утро, уходя от наседавших собак, он прибежал спастись на наш огород. Теперь возле нашего домика я не вижу заячьих следов. Было очень жалко последнего русака. Захотелось в память о нем написать этот короткий рассказ.

Из всех диких зверей, которых мне доводилось видеть и наблюдать, самые диковинные и умные звери, несомненно, бобры. Уже много лет назад по-

бывал я в Лапландском заповеднике — на далеком севере нашей страны. В те времена на Кольском полуострове еще не было хороших проезжих дорог. В заповедник нужно было пробираться на парусной лодке по пустынному и дикому озеру, носившему сказочное имя Имандра. Пустынные берега Имандры были покрыты глухими безлюдными лесами. Мы перетаскивали нашу лодку через каменистые пороги реки Нижняя Чуна, плыли по еще более пустынному озеру, богатому редкостной рыбой.

Я увидел лесной нетронутый край непуганых птиц, непуганого зверя. По заповеднику запросто бродили медведи, паслись стада диких оленей, почти у самых ног путешественника смело бегали белые куропатки. По озеру плавали дикие лебеди, по лесным трущобам скитались хитрые росомахи, с шумом взлетали тяжелые глухари, свистели и перепархивали рябчики.

Я поселился в маленьком домике, возле которого впадала в озеро река Верхняя Чуна. В эту реку сотрудники заповедника недавно выпустили бобров, привезенных в клетках из воронежского бобрового заповедника. Бобры быстро освоились и прижились на новых местах, со свойственным им трудолюбием начали устраивать на берегах

реки свои жилища. Бродя по берегам реки Верхняя Чуна, мы находили много свежих бобровых погрызов, поваленные деревья, которые бобры у самого корня подгрызали своими острыми, крепкими зубами. Из обглоданных огрызков молодых деревьев бобры строили у воды свои высокие, скрепленные илом хатки с подземным выходом в бегучую воду. На реке Верхней Чуне мне не удалось увидеть живых бобров. Я видел лишь их следы, новые хатки и поваленные ими деревья.

Уже много позднее побывал я в воронежском бобровом заповеднике, где преданные своему делу люди охраняли и разводили редкостных зверей. Бобры жили там на воле, в лесной реке и на ее притоках. Отловленных бобров сотrudники заповедника держали в просторных проводочных вольерах. Привыкнув к ухаживавшим за ними людям, бобры не страшились выходить днем из построенных для них деревянных хаток. Усевшись на задние лапы, держа в передних обрубки ивовых ветвей и стволов, они на глазах наших быстро, как на токарном станке, сгрызали с них зеленоватую кору.

В отдельном помещении, с устроенными у стен клетушками-загонами, жили ручные бобры. За ними ухаживали женщины, кормили их и поили. Некоторых бобров, отличавшихся кротким нравом, можно было брать в руки. Они становились совсем ручными, ходили, как собаки за своими хозяйками, называвшими бобров ласковыми именами.

Из воронежского заповедника бобров расселяют по всей нашей стране, по глухим, удобным для их поселения рекам. Сами бобры широко

расселились из воронежского заповедника по окрестным местам. Нору бобров однажды нашли под насыпью железной дороги, по которой проносились скорые и товарные поезда. Парочка бобров жила под мостом, гремевшим и сотрясавшимся от проезжавших тяжелых машин.

Бобры когда-то жили почти повсеместно. Красивый и теплый мех бобров ценился дорого еще в далекие времена. Шкурки бобров в старину заменяли деньги. Бобровыми шкурками люди расплачивались за купленные товары, выплачивали дань. Из бобровых шкурок богатые люди шили себе шапки, красивые и пышные воротники. Особенно ценилась в давние времена «бобровая струя» — густая пахучая жидкость, выделявшаяся из подхвостных желез бобров. Драгоценной «бобровой струей» лечили в старину многие тяжелые болезни. Высоко ценилось и вкусное мясо бобров. Мясо бобров в старину считалось лакомством. Любители вкусных блюд особенно ценили широкий хвост бобра, покрытый чешуйчатой кожей. Католические монахи, любившие полакомиться вкусным мясом бобра, причисляли бобров к рыбам, ели бобровое мясо в постные дни, когда обыкновенное мясо монахам есть запрещалось.

В течение многих столетий люди беспощадно охотились на бобров. Они ловили их в ловушки, ставили хитроумные капканы, стреляли из луков и ружей. Страхась людей, оставшиеся в живых бобры стали очень пугливы и осторожны. Они скрывались в малодоступных лесных тущобах возле самых глухих рек. Но и там их продолжали преследовать и истреблять. Бобров уничтожали

не только в России, но и в Америке и в Канаде, где на них велась жестокая охота.

Перед революцией в России осталось очень мало бобров. Немного бобров сохранилось в глухих лесах Белоруссии. Случайно уцелели бобры под Воронежем, где устроен теперь большой заповедник. В последние годы количество бобров в нашей стране значительно увеличилось. Места, где обитают бобры, охраняются от браконьеров.

Наверное, многим из вас известно, что умные бобры умеют строить на реках высокие плотины. Они поднимают воду в реке, возводят на берегах целые поселки. В высоких, почти в рост человека, хатках ютятся семьи бобров. В каждой бобровой хатке два этажа. В верхнем этаже, на мягкой подстилке, живут бобры и их дети. Съестные

припасы хранятся в нижнем этаже. Выход из хатки скрыт глубоко под водою. В воронежском заповеднике я видел устроенную бобрами на небольшой лесной реке высокую плотину. Слепленная из речного ила, огрызков дерева и небольших бревен, плотина эта была полукруглой формы. По ее гребню, через который струилась запруженная вода, легко можно было ходить. Я изумлялся инженерному мастерству и уму бобров, построивших эту высокую плотину. Строительством плотины бобры занимались ночами. Пугаясь людей, днем они сидели в своих закрытых хатках и глубоких норах. Строительный материал для плотины они сплавляли по воде тоже ночами. У поваленного на берегу дерева они отгрызали сучья и ветви, разгрызали ствол дерева на небольшие обрубки и скатывали в воду. По-видимому, строительная дружная работа производилась всем обществом бобров. Я не сомневаюсь, что умные и трудолюбивые бобры, как и многие другие дикие животные, могли бы стать доверчивым и близким другом человека. К сожалению, в течение столетий люди беспощадно уничтожали безобидных бобров. Страх к своему врагу — человеку сделал бобров пугливыми и осторожными.

Питаются бобры исключительно растительной пищей: болотными и луговыми растениями, водорослями, осокой, корою деревьев — ив, осин и берез, растущих по берегам рек. Приготовленный на зиму корм бобры трудолюбиво сплавляют к своему жилищу. Кроме человека, у бобров мало опасных врагов. Ходят рассказы, что хищные выдры иногда посещают жилища бобров, пожи-

рают там пойманную рыбу, грязнят и пачкают жилище, похищают маленьких бобрят.

Совсем недавно мой друг Олег Измайлович Семенов-Тян-Шанский, внук знаменитого географа и путешественника, много лет проживший в Лапландском заповеднике, рассказал мне такую забавную историю. Недалеко от заповедника теперь пролегает большая проезжая дорога, по которой то и дело ходят автобусы и грузовые машины. Возвращавшиеся из школы ребята увидели однажды переползавшего через дорогу бобра. Они погнались за ним, и бобер спрятался в наполненной водою глубокой придорожной канаве. Дети остановили проезжавшего мотоциклиста, просили его известить людей об их находке. Скоро из ближнего поселка пришла грузовая машина. Спрятавшегося в придорожной канаве бобра изловили, посадили в деревянный ящик и привезли в поселок. Там его некоторое время держали, пытались кормить, потом решили отправить в заповедник. В заповеднике бобра узнали: на его ухе была прикреплена металлическая бляшка. По-видимому, этот бобер пытался бежать из заповедника в поисках нового для себя места. Олег Измайлович решил выпустить бобра в знакомое озерко, где уже жил один-единственный бобер. Он думал так: если живший в озерке бобер окажется самкой, то знакомство бобров произойдет мирно. Если же в озерке живет самец, то между бобрами неизбежно произойдет драка. Через некоторое время Олег Измайлович вместе со своей собакой лайкой пришел навестить знакомое озерко. Нежданно-негаданно из воды вынырнул бобер. Голова и спина его были за-

метно потрепаны. Очевидно, в озерке недавно происходила драка. Увидев плававшего бобра, собака с лаем бросилась в воду. Бобер как бы хотел над ней подшутить. Он сильно шлепнул по воде своим плоским хвостом, обдал брызгами голову подплывавшей собаки, нырнул и опять показался над водою. Собака вновь поплыла к бобру, и он повторил свою шутку. Эта игра с плававшей собакой продолжалась долго, и Олег Измайлович, стоя на берегу, смеялся над затеянной веселым бобром игрою.

МУРАВЬИ

В нашем лесу очень много муравьиных куч, но один муравейник особенно высок, больше моего шестилетнего внучонка Саши.

Гуляя по лесу, мы заходим к нему понаблюдать за жизнью муравьев. Тихий ровный шорох исходит в погожий день от муравейника. Сотни тысяч насекомых копошатся на поверхности его купола, тащат куда-то веточки, затыкают и откупоривают свои многочисленные ходы, вытаскивают погреться на солнышке белые яички-личинки.

Саша срывает былинку и сует ее в муравейник. Тотчас на нее набрасываются недовольные, раздраженные муравьи. Они выталкивают былинку и, изогнувшись, обстреливают ее едкой кислотой. Если после этого былинку лизнуть, на губах остается вкус резко пахнущей муравьиной кислоты, похожей на кислоту лимона.

Десятки узеньких тропок разбегаются от муравьиного города. Непрерывным потоком деловито бегут по ним в высокой траве муравьи. Одна из тропок привела нас на самый берег нашей реки. Там над обрывом росло небольшое деревце. Его ветви и листья были облеплены муравьями.

Мы внимательно осмотрели деревце. На нем оказалось множество зеленоватых тлей, плотной массой неподвижно сидевших на нижней стороне листьев и у основания черенков. Муравьи щекотали тлей своими усиками и пили сладкий сок, который тли выпускали. Это было «дойное» стадо муравьев.

Известно, насколько разнообразны виды муравьев. Крупные рыжие лесные муравьи очень сильно отличаются от маленьких черных муравьишек-сладкоежек, частенько забирающихся в сахарницу в лесном нашем домике. Ученые насчитывают на земле тысячи видов муравьев. Все они живут многочисленными обществами. Самые крупные из муравьев достигают размера трех сантиметров.

Вернувшись домой, Саша просит почитать ему про муравьев в книгах. Мы узнаем об удивительных африканских муравьях-портных, сооружающих себе гнезда из листьев, склеенных по краям особым клейким веществом, выпускаемым муравьиными личинками, о бродячих муравьях-охотниках, кочующих миллионными армиями, состоящими из муравьев-добытчиков, муравьев-рабочих и муравьев-солдат. Мы узнаем, что есть муравьи-рабовладельцы, захватывающие себе в рабство других муравьев, есть муравьи-пастухи,

выращивающие у себя в гнездах «дойных» тлей, есть муравьи-земледельцы...

Некоторые из муравьев, обитающих в жарких странах, иногда приносят вред, обрезая листву деревьев.

Наши лесные муравьи очень полезны. Они разрыхляют почву, уничтожают вредителей леса и производят большую санитарную работу, убирая останки умерших животных и птиц.

Нет, пожалуй, таких людей, которые не видели бы муравьев. Но в их сложной общественной жизни далеко не все еще известно. Ученые-мирмекологи, изучающие муравьев, до сих пор не знают, каким образом сговариваются между со-

бой муравьи, слаженно перетаскивающие тяжелые, во много раз превосходящие их собственный вес, предметы, как удается им сохранять постоянную температуру внутри муравейника. Много тайн еще не раскрыто в жизни муравьиных колоний.

Очень давно, когда отец впервые стал брать меня на охоту, произошел такой редкий случай. Мы ехали по лесу на дрожках. Было раннее утро, на деревьях и на траве сверкала обильная роса. Пахло грибами, сосновой хвоею.

У большого дерева отец остановил лошадь.

— Посмотри-ка,— сказал он, показывая на огромную муравьиную кучу, возвышавшуюся над зарослями папоротника.— Там лежит «муравейное масло».

Почти на вершине кучи лежал небольшой кусок какого-то светло-желтого вещества, очень похожего на обыкновенное сливочное масло. Мы сошли с дрожек и стали рассматривать загадочное вещество, по которому бегали муравьи. Поверхность «масла» была матовой от множества следов муравьев.

Отец рассказал мне, что ему приходилось находить на муравьиных кучах такое «муравейное масло», но увидеть его редко кому удается.

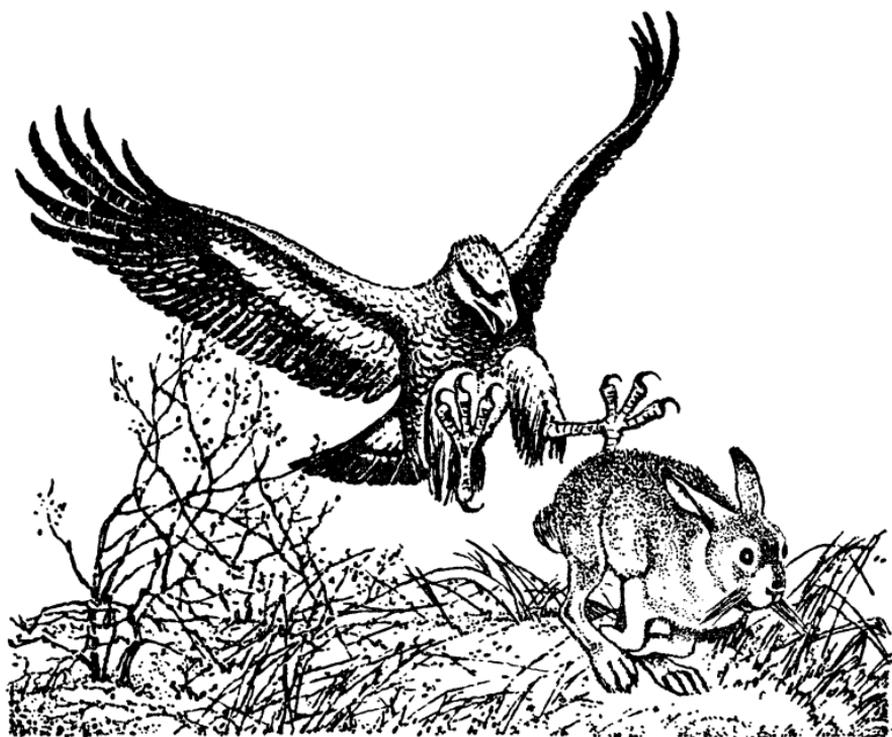
Мы положили кусок «масла» в кружку, которую брали с собой на охоту, обвязали бумагой и спрятали под деревом. На обратном пути мы собирались взять «муравейное масло».

Вечером мы возвращались с охоты. Отец вынул из-под дерева кружку и снял бумагу. «Масла» в кружке осталось совсем немного — оно улетучилось.

Остаток «муравейного масла» мы привезли домой. В теплой комнате оно растаяло, стало жидким и прозрачным. От него резко пахло муравьиным спиртом.

Этим «маслом» растирала поясницу жившая у нас бабушка и все уверяла, что лесное лекарство очень помогает от мучившего ее «прострела».

За всю долгую жизнь мне не приходилось потом находить загадочное «муравейное масло». Я расспрашивал опытных людей и знакомых зоологов, заглядывал в книги, но «муравейное масло», которое в детстве я видел своими глазами, так и осталось загадкой.

РАССКАЗЫ
СТАРОГО ОХОТНИКА

ЛОВЧИЕ ПТИЦЫ

Из всех охот на земле самой древней охотой была, пожалуй, охота с ловчими птицами — соколами, орлами и ястребами. Еще в далекие, уже незапамятные времена азиатские деспоты-владыки держали большие соколиные охоты. Сохранились сказания о том, как древний владыка с многочисленной свитой выезжал на охоту на разукрашенном слоне. Его окружали любимцы охотники-соколятники. Такая охота сопровождалась громким шумом, криками, трубными звуками, барабанным боем. Объезжая обильные всяческой дичью места, соколятники выпускали обученных ловчих птиц. Лучших кречетов выпускал сидевший на слоне владыка. Обученные ловчие птицы кидались на испуганных шумом и криком диких птиц и зверей.

Соколиные охоты существовали и у нас на Руси. Отец Петра I, царь Алексей Михайлович,

держал в Москве большую соколиную охоту. От тех времен сохранились названия некоторых подмосковных мест. Сокольниками называют москвичи сосновый подгородный бор. Страстный любитель соколиной охоты царь Алексей Михайлович сам написал книгу об охоте и воспитании ловчих птиц. Особенно ценились в те времена белые кречеты-альбиносы, неизменно попадавшие в царскую охоту. Воспитанием ловчих птиц занимались опытные люди, которых называли сокольничими. Они носили особые, сшитые из алого сукна, кафтаны. На груди и на спине кафтанов были вышиты белые соколы. Почетное звание сокольничих сохранялось долгое время. Царские шумные охоты устраивались поздним летом, когда подрастала дичь. Обученные ловчие птицы догоняли мелких зверей, убивали в воздухе уток и тетеревов. К потехе знатных охотников стрелою падал сокол на стаю летящих над рекою или болотом птиц. Кувыркаясь в воздухе, роняя перья, падала на воду или на землю сшибленная соколом добыча. Охота с ловчими птицами была большим праздником. После такой охоты устраивались большие царские пиры, на которых подавались различные, ныне забытые блюда. Гости пили из чаш шипучий мед и вино, шумно беседовали о недавней охоте.

Соколиной охотой занимались в те времена и мелкие люди — владельцы поместий. Воспитанием ловчих птиц заведовали опытные люди. Они находили гнезда хищных птиц, отлавливали подрастающих слётков-птенцов, терпеливо их приручали. Обучение ловчих птиц требует большого терпения и знания повадок. Пойманных молодых

хищных птиц долго морили голодом, не давали им спать, пока они не возьмут корм из рук своего хозяина. После этого вольные птицы становились рабами хозяина-человека. Держа на привязи, их учили ловить и убивать голубей, натравливали на чучела зверей, глазные впадины которых набивали мясом. Чучело зверя, зайца или лисицы волочила по земле лошадь. Голодный сокол кидался на добычу, выклевывал спрятанное в глазницах мясо. Впоследствии обученный сокол так же кидался на живых зверей, выклевывал им глаза, а подскакивавшие на лошадях охотники подбирали добычу. Не все обучаемые ловчие птицы были одинаково способны к охоте. Лучших птиц отбирали в царскую охоту.

Богатые и шумные охоты с ловчими птицами давно забыты. Но и теперь в некоторых местах нашей страны сохранились отдельные любители ловчих птиц. Такую охоту с небольшими ястребами-перепелятниками довелось мне некогда наблюдать на перепелиных высыпках в обширной, еще не застроенной Адлерской долине на берегу Черного моря. Я ходил там на охоту с молодым местным охотником, державшим у себя ловчих ястребков. Таких ястребков перед осенним пролетом перепелов ловили охотники в сети на приманку, которой служила живая, привязанная к колышку птичка. Ястребки-перепелятники быстро привыкают к своему хозяину, который их кормит и обучает несложной охоте.

Обычно охотник с ястребом берет с собой легавую собаку. Он выпускает ястреба, когда из-под стойки собаки вылетает и низко летит над травой жирный перепел. Выпущенный ястреб го-

нится за перепелом, который, спасаясь, прячется в высокую траву. Чтобы найти в густой траве ястреба и его добычу, к груди ловчей птицы привязывают колокольчик или бубенчик. Охотник все утро ходит по знакомым местам, вешая пойманную добычу себе на пояс. Чтобы поддержать у голодного ястреба охотничью страсть, охотник иногда угощает его мозгом пойманной птицы.

Более интересную охоту с ловчими птицами я наблюдал в высоких горах Тянь-Шаня. Там и до сих пор живут охотники-беркутчи, державшие у себя огромных ловчих птиц — беркутов. Гнездятся беркуты на почти неприступных скалах. Всякий день они вылетают с гнезда за добычей. Нужен зоркий, опытный глаз, чтобы выследить, где и в каком месте находится гнездо беркута. Не всякий человек решится взбираться на высокие отвесные скалы, разыскивать орлиные гнезда. Этим обычно занимаются местные жители — киргизы. Поймав беркута-слётка, они принимают за его воспитание. Грозную птицу долго не кормят и не поят, не дают ей спать. Не спит и сам хозяин, которому посчастливилось поймать беркута. На засыпающую птицу он брызгает изо рта водой. Нужно добиться, чтобы гордый орел взял из рук человека кусок мяса. С этого начинается полное подчинение грозного орла человеку. У любителей охоты с беркутами орлы живут вместе с людьми в их доме по многу лет.

На берегу озера Иссык-Куль мне довелось гостить у охотника-беркутчи. Угол его дома был завален шкурами лисиц и волков, пойманных ловчею птицей. Сама птица, привязанная цепоч-

кой, сидела на деревянном столбике, вкопанном в земляной пол посредине комнаты. Ее кормили мясом зайца и бараниной. Раза два или три мы выезжали в степь на охоту. Обычно на такую охоту собирается несколько человек. Верхом на лошадях они цепью едут по заросшей высокой травой степи. Ловчие птицы сидят на левой руке хозяина, на которую надета сшитая из сыромятной толстой кожи длинная, до плеча, перчатка. Чтобы выдержать тяжесть большой птицы, рука беркутчи опирается на деревянную подставку, вставленную в луку седла. На голову беркута надета кожаная шапочка, закрывающая глаза. Когда из-под ног лошади выскакивает заяц, лисица или волк — хозяин беркута снимает с головы птицы шапочку. Взмахнув могучими крыльями, беркут взлетает и, поднявшись в воздух, бросается на добычу. С мелким зверем беркут расправляется быстро. На голову крупного волка он бросается с высоты, крепко сжимает когтями морду и затылок, выклеывает волку глаза. К беркуту и его добыче подскакивают на лошадях охотники, добивают волка.

Самое замечательное, что сильный и грозный орел покорно подчиняется своему хозяину-человеку. Взвившись высоко в воздух, паря в поднебесье, он покорно спускается на руку человека, когда хозяин, вынув из голенища сапога вабило — заячью кость с остатком присохшего мяса, помахает этой костью над своей головой. Орел кругами спускается все ниже и ниже, покорно садится на свое место, а хозяин надевает ему на голову кожаный колпачок.

Судя по количеству кож, которые были сло-

жены в доме приютившего меня охотника-беркутчи, можно было понять, как обильна была его охота с беркутом. Любуясь беркутом, восседавшим посреди хижины своего хозяина на деревянном пеньке, я обратил внимание, что вокруг деревянного столбика был обтопан правильный круг. Круг этот равнялся длине цепи, за которую был привязан беркут. Домашние кошки никогда не вступали в этот смертный круг, хорошо зная, чем кончится для них такая неосторожность.

ГЛУХАРИ

Только немногим охотникам доводилось охотиться весной на глухариных токах. Помню, Михаил Михайлович Пришвин рассказывал мне, что ему так и не удалось никогда побывать на глухарином току. Мне в этом отношении повезло. Я много охотился на глухарей, знал обильные тока. Такие тока видел я под Ленинградом, в Кингисеппском районе. Видел и слушал их в Приуралье и на Кольском полуострове. Я начал охотиться на глухарей еще в юношеском возрасте. В давнем рассказе моем «Глушаки» описана первая моя охота. Учителем и проводником моим был деревенский охотник Тит. Утром, после ночлега в лесу, он подвел меня к певшему глухарю. Первый раз я выстрелил по колебавшейся под тяжестью глухаря еловой ветке. Тит погрозил мне пальцем и из своего ружьишка подстрелил певшего в темноте глухаря. С тех пор я много охотился на глухариных токах

и с радостью встречал каждую весну, готовясь к интересной охоте, заранее набивал патроны. Жадным охотником я никогда не бывал и даже на самых обильных токах не убивал больше двух птиц. Когда я переставал стрелять, лесная природа приближалась ко мне. Я любил бывать на глухариных токах в полном одиночестве. Лишний охотник здесь только мешает. Я один ночевал у костра в лесу, слушал ночные тихие звуки. Эти лесные ночлеги были для меня самой высокой моей радостью. Хорошо запомнилась мне одна такая охота. Кто-то рассказал мне, что у дальней деревни, в которой я еще никогда не бывал, есть хорошие глухариные места. Весною, когда лежал снег, я отправился в эту деревню. Было нужно пройти много верст. Я остановился и отдохнул в деревне, стал спрашивать мужиков о глухариных местах. Охотников в той деревне тогда не было. Мне рассказали, что видели глухарей в большом лесу, и показали дорогу. Помню, как под вечер я пошел в лес. На краю деревни плотники-мужики заканчивали какую-то постройку. С топорами в руках они сидели верхом на бревнах, с удивлением смотрели на незнакомого человека. Скоро я вошел в лес. Помню высокую, стоявшую на краю леса елку, похожую на зеленую колокольню. Я шел по зимней, проложенной дровосеками дороге. Дошел до широкой просеки. Никаких признаков глухариного тока не обнаружил. На широкой просеке я остановился ночевать. Срубив топором два сухих дерева, я сделал из них нодью¹. Не торопясь устроил из еловых

¹ Нодьей охотники называют костер, сложенный из двух длинных бревен, положенных одно на другое.

веток на снегу постель. Всю ночь я слышал знакомый вой волков, раздававшийся за просекой на болоте. Утром я перешел большое выгоревшее болото. Нужно было не раз перелезть через стволы деревьев, поваленных пожаром. Перейдя болото, в сосновом лесу я обнаружил признаки глухариного тока. Под некоторыми соснами лежал на снегу глухариный мелкий «игровой» помет. Ознакомившись с местом, я остался до вечера на подслух ожидать глухарей. Сидя под сосною, в вечерних сумерках я слышал, как слетаются на ток глухари. Недалеко от меня на сосну сел глухарь. Под его тяжестью закачался зеленый сук. Дождавшись ночи, я тихо отошел в сторону и, переночевав у костра, перед рассветом вернулся на ток, застрелил одного певшего глухаря. Под вечер на следующий день пошел мел-

кий весенний дождь, и мне пришлось уходить с тока. Я пошел через широкое поле, надеясь найти дорогу в деревню. Помню, в темноте я заблудился, набрел на густой можжевелевый куст. Не снимая ружья и охотничьей сумки, повалился на него, как на мягкую пружинную кровать. Боже мой, какие блаженные снились мне сны! Я видел мой письменный стол, керосиновую лампу под зеленым абажуром, мою деревенскую уютную комнату с бревенчатыми стенами и натопленной печкой. Я что-то читал и писал, и на душе у меня было спокойно.

Впоследствии я знал много глухариных токов. Случалось, я близко подходил к токующим глухарям. С друзьями, деревенскими охотниками, не раз ночевал в лесу и слышался много рассказов. Глухари пели на соснах и на высоких голых

осинах. Нужно умение слушать и подходить к поющему глухарю. Его песня не похожа ни на один звук в природе. Она начинается тихим и редким шелканьем, переходит в мелкую дробь и кончается странным, таинственным скрежетанием. Кто знает, может быть, такие таинственные звуки раздавались в те времена, когда не было на земле человека. Несомненно, глухарь — одна из древнейших птиц на земле. Об этом свидетельствует образ его жизни и внешний его вид. Живут глухари обычно в глухих сосновых лесах и болотах. Зимой они кормятся жесткой сосновой хвоей. По-видимому, они жили в те далекие времена, когда не было на земле лиственных лесов.

Готовясь к зиме, глухари вылетают на берега рек и озер, набивают зобы небольшими круглыми камешками. Эти камешки помогают глухарям перемалывать в зобах жесткую сосновую хвою. Я заметил, что не со всякой сосны склевывают глухари хвою. Они выбирают отдельные почему-то понравившиеся им сосны. Сосна, на которую вылетают кормиться зимой глухари, кажется совсем голой. Насколько известно мне, сосновая хвоя является единственной пищей глухарей в зимнее время. Ток глухарей начинается самой ранней весной. Еще лежат в лесу глубокие сугробы, на которых начинающие токовать глухари распушенными крыльями чертят затейливые узоры. Услышав весной песню глухаря, никогда ее не забудешь. Впрочем, не всякий охотник умеет слышать глухариную песню. Я знал городских охотников, которые не умели охотиться на глухариных токах. Один из таких охотников, помню, соорудил себе из картона широкие «уши». Но

и эти «уши» не помогли ему услышать песню глухаря. Помню, мы попросили его нацепить картонные «уши» и долго смеялись над ним.

Глухари необыкновенно чутки к перемене погоды. Они предчувствуют туман и дождь. Слетевшись вечером на токовище, в дурную погоду утром они совсем не поют. Не раз мне приходилось наблюдать поединки самцов-глухарей. Они дерутся на земле под деревьями, хлопая крыльями и грозно наскакивая друг на дружку. Далеко слышится хлопанье их могучих крыльев, их хриплые голоса. Наблюдая драку глухарей, я никогда не мог понять, почему один глухарь пускался наутек, а другой, преследуя его, продолжал щелкать и скрежетать. Случалось, токующий глухарь пробегал у самых моих ног. Для этого нужно было стоять совсем неподвижно, прижавшись к стволу дерева.

На глухариных токах мне случалось подходить совсем близко к токующим птицам. Иногда они сидели на нижних сучьях деревьев, и мне приходило в голову поймать живого токующего глухаря, привязав к палке волосяную или проволочную петлю, которую можно надеть ему на вытянутую шею. Такой охотой я не удосужился заняться, но каждая охота на глухарином току доставляла мне большое и радостное удовольствие. Я близко наблюдал редкостных птиц, слушал их пение и как бы сам сливался с окружающей меня лесной природой.

Под Ленинградом, в Кингисеппском районе, я некогда знал богатые глухариные тока и каждую весну на много дней выезжал туда на охоту. Там я много ходил, наблюдал и слушал. Хорошо

проводить ночи в весеннем пробуждавшемся лесу. Таинственные слышатся звуки. На одном из глухариных токов стоял маленький домик. Домик этот некогда поставил богатый помещик, любитель глухариной охоты. Мне рассказывали, что он иногда приезжал на ток, выходил на крылечко, пил кофе и слушал пение глухарей. Старый разваливавшийся домик этот поправил мой большой приятель Сергей Николаевич, заведовавший охотничьим хозяйством. На дальний глухариный ток городские охотники, кроме меня, не приезжали. В лесном домике я был полным и всевластным хозяином. Днем я спал на нарах, а ночи проводил у стола, вынесенного из домика под деревья. Здесь я пил вскипяченный на костре чай, слушал лесные таинственные голоса. Иногда весенние ночи были так тихи, что пламя свечи, стоявшей на столике, почти не колебалось. Напившись чаю, перед рассветом я выходил на охоту. Однажды со мною произошло загадочное приключение. Выходя на ток, я оставил на столе пустую кружку. Я долго ходил по токовищу, слушал пение глухарей и вернулся вдоль наполненной бегучей водой канавы в избушку, когда над лесом поднималось солнце. К величайшему удивлению моему, я увидел, что кружка, из которой я ночью пил чай, стояла наполненная водой. Я долго не мог разрешить загадку.

Однажды с приятелем моим Сергеем Николаевичем мы остановились на ночлег в лесной сторожке на берегу реки. Обязанности лесника выполняла молодая женщина. Она поставила для нас самовар. Мы выпили по чарочке водки, и я рассказал о загадочном случае, происшедшем

со мной на глухарином току, о пустой кружке, неведомо кем наполненной ключевой водою. Слушая мой рассказ, молодая женщина улыбалась. Потом призналась нам, что тем утром делала обход своего лесного участка и набрела на избушку.

«Подошла к домику,— рассказывала она,— вижу, висят убитые глухари, сумка. Значит, живет здесь охотничек. Я увидела стол, пустую кружку, напилась воды и задумала над ним пошутить. Наполнила доверху кружку водою, поставила на стол».

Так разрешилась долго занимавшая меня загадка.

ТЕТЕРЕВ

Из множества русских наиболее привлекательных и поэтичных охот, связывающих внимательного человека с родной природой, самая разнообразная и увлекательная для ружейного охотника — охота по тетереву. Тетерев, несомненно, одна из красивейших охотничьих птиц, которую знают и видели не только охотники, но и многие люди, жившие среди природы. Есть что-то сказочное, русское в самом облике этой красивой и сильной птицы. Недаром в народных сказках тетерева ласково называли Терентием.

— Терентий, Терентий, я в городе была! — говорит лиса, желая обмануть сидящего высоко на березе краснобрового тетерева-косача.

— Бу-бу, бу-бу-бу, была так была...— отвечает хитрой лисице с березы недоверчивый косач.

Зимой и весной чудесен наряд тетерева-косача. Как бы в черные, бронзовые с зеленоватым отливом латы одет храбрый боец. На алые лепестки диковинных цветков похожи налитые кровью брови. Шумен взлет затаившегося в высокой траве, в густом низком кустарнике старого косача. На черную лиру похож его хвост.

В центральной, лесной части нашей страны тетерев был распространен широко. Жизнь тетерева тесно связана с березой. Обычно тетеревиные выводки держатся по закрайкам березовых перелесков, у обработанных и засеянных озимых и яровых полей. Недаром тетеревов иногда называли полевиками. Живут и гнездятся тетерева и на лесных вырубках, заросших высоким папоротником и иван-чаем, и в зеленых нескошенных лугах, на краю небольших болот и глубоких оврагов, где растет земляника. Тетерев — птица строго оседлая. Осенью и зимой он не совершает длительных, опасных перелетов. Лето и зиму проводит в излюбленных местах.

Всю долгую зиму тетерева кормятся смолистыми березовыми почками, большими стаями перелетают и садятся на голые сучья деревьев. Стаю кормящихся на березах тетеревов можно увидеть издали. Точно тяжелые черные и серые груши, висят они на ветвях берез. Кроме почек берез кормятся тетерева можжевельниковыми ягодами, всю зиму висящими на пышных зеленых кустах можжевельника. Там, где растет можжевельник, всегда можно увидеть на свежем снегу цепочки тетеревиных следов, похожих на неболь-

шие крестики. Следы тянутся от куста к кусту, сходятся и расходятся, сплетаются в затейливый узор.

В зимние ясные морозные дни иногда можно наблюдать, как сидящие на березах тетерева один за другим начинают бесшумно падать с деревьев, зарываются в снег, в глубокие лунки, в которых они отдыхают. Не раз, бывало, идешь на лыжах — и вдруг из-под ног, в алмазной снежной пыли, одна за другой начинают вырываться из снега прятавшиеся птицы. Я не помню более сильного впечатления, как встреча с тетеревами на лунках в зимнем спящем лесу.

Поздней осенью и ранней зимою было принято охотиться на тетеревов загоном. Под березами, где кормятся и перелетают тетерева, охотники устраивали из еловых густых лапок удобные

шалаша, а на ближнем дереве, прикрепив к длинным шестам, ставили набитые соломой суконные чучела птиц. Один из охотников, пешком или верхом на лошади, отправлялся разыскивать и подгонять стаю. Нет ничего легче застрелить подсевшую к чучелам птицу. Один за другим подсаживались к нехитрой приманке тетерева, и обычно охотники возвращались домой с обильной добычей.

По неглубокому снегу в начале зимы не раз доводилось мне охотиться на тетеревов «с подъезда». Для такой охоты нужна очень смиренная и спокойная лошадь, не боящаяся ружейных выстрелов. С приятелем моим, деревенским пастухом Прокопом, мы ездили на простых узеньких саночках-лисичках. Заметив кормящихся на берегах тетеревов, мы осторожно, стороною подъезжали к ним. В местах, где есть проезжие зимние дороги, тетерева не страшатся проезжающих близко подвод. Они спокойно продолжают кормиться. Видно, как они склевывают мерзлые почки, как осыпается с ветвей легкий иней. Круг за кругом мы подъезжали к тетеревам на выстрел. Прокоп останавливал лошадь, нужно быстро и метко стрелять. Такая охота, разумеется, не могла быть очень добычливой, но неизменно доставляла большое удовольствие.

В конце зимы, в ясное и чистое утро, можно услышать первое весеннее токование косачей. Еще лежит глубокий снег, синие тени тянутся от деревьев по сугробам, не вскрылась река. А далеко за рекою слышно гулкое токование косачей, готовящихся к большому весеннему праздничному току.

Кто из настоящих охотников не бывал на весенних тетеревиных токах! Уже сошел снег, еще не оделись листвою деревья, но оживший лес уже полнится голосами прилетных птиц. Вечерами поют на вершинах деревьев дрозды, воркуют витютни, пролетают над лесом, тихо хоркая, длинноносые вальдшнепы, а на кочковатой, окруженной березовым и смешанным лесом поляне по утрам на рассвете собирается тетеревиный ток.

Заранее нужно поставить в центре тока шалаш, сплетенный из зеленых еловых веток. Токующие птицы должны к нему приглядеться. На ток приходиться нужно рано, еще в темноте, когда лес спит. Заберешься, бывало, в шалаш, пахнувший свежей смолистой хвоею, удобно расположишься и ждешь. Слушаешь, как наступает утро в лесу, как загорается на востоке ранняя зорька.

Еще до рассвета послышится в воздухе легкое шуршание крыльев. Это прилетел на ток первый косач-токовик. Он долго молчит. Вдруг раздается сильный и грозный боевой клич: «Чуффшш!»

Помолчит, помолчит немного и еще: «Чуффшш! Чуффшш!»

На первый боевой клич один за другим слетаются тетерева на свой ток. В полутьме рассвета можно разглядеть собравшихся на токовище бойцов. Распустив веерами хвосты, украшенные по бокам красивыми косицами (от этих перьев-косиц пошло название самцам-тетеревам, стали называть их косачами), волоча по земле широко распушенные крылья, вытянув шеи, пригнув к земле головы с налитыми кровью бровями, тетерева заводят знакомую охотникам песню. На что похожа эта весенняя песня? Быть может, на жур-

чанье лесного весеннего, скрытого под снегом ручья?

Ярче и ярче над опушкой голого леса разгорается рассвет. Сидя в шалаше, раздвинув руками еловые колючие ветки, охотник наблюдает чудесное театральное представление. Он видит расхаживающих по токовищу актеров-птиц. Они то сходятся, то расходятся, издавая воинственные звуки, то вдруг схватываются в яростной драке. Слышно хлопанье сильных крыльев. Бормотанье многих птиц сливается в единый громкий гул. Вот пролетела над током и захвохтала самка-тетерка. И тотчас усиливается бормотанье, все чаще и чаще слышится грозный клич: «Чуффшш! Чуффшш!! Чуффшш!»

Настоящему чуткому и наблюдательному охотнику весенняя охота на тетеревиных токах доставляет поэтическое незабываемое наслаждение. Забыв о ружье, слушает и смотрит охотник. Выше и выше поднимается над деревьями солнце. Все жарче и страстнее поют тетерева. Чаще и чаще слышится призывное квохтанье тетерок. Случается, тетерева подлетают к самому шалашу, и тогда совсем близко можно увидеть чудесных красавцев, их черное с зеленоватым отливом брачное оперение, их пышные брови, похожие на распутившиеся алые цветки.

В приуральских местах мне доводилось наблюдать большие тетеревиные тока, на которые слеталось больше сотни птиц. Гудом гудит такой многочисленный ток. Приходит минута, и весь ток, как бы по мановению невидимого дирижера, вдруг замолкает. Такое молчание продолжается несколько минут. После недолгого перерыва пти-

цы начинают петь еще громче, еще страстней. До позднего утра длится ток, и уже когда начинает пригревать солнце, один за другим певцы разлетаются со своего токовища.

Тетеревиные тока продолжаются, когда уже оденется в зеленые одежды лес. Но все реже и реже прилетают и квочут тетерки, построившие себе скрытные гнезда. С прекращением тока косачи уединяются в глухих заросших болотах, где в скрытных местах они меняют свой брачный весенний наряд, проводят летнюю линьку. Косачи-тетерева не участвуют в воспитании своих детей. Матки-тетерки одиноко сидят на своих гнездах, высиживают птенцов.

В начале лета из яиц вылупляются маленькие шустрые и бойкие тетеревята.

В природе у тетеревов множество врагов. Их

подкарауливает зоркий и скрытный ястреб-тетеревятник, охотится на тетеревов хитрая лисица.

Когда-то я много охотился на тетеревов. Еще до открытия сезона осенней охоты я разыскивал выводки, натаскивал молодых легавых собак. Приятно находить новые выводки, любоваться на работу умной и послушной легавой собаки. Трогательна любовь матери-тетерки к своим маленьким неопытным птенцам. Взлетев из-под стойки, тетерка старается отвести в сторону собаку. Она низко летит над землей, то падает, то опять взлетает.

Тетеревята разбегаются, прячутся в высокой траве. Случалось, я шапкой накрывал затаившегося в траве тетеревенка, брал в руки, чувствуя, как бьется его живое маленькое сердце, осторожно выпускал на волю.

Настоящая охота на тетеревов с легавой начинается под осень, когда у подросших самцов-тетеревят показываются на спине черные перышки и отрастают на хвосте косицы.

Идешь с умной собакой по опушке березового леса или по краю мохового болота, приглядываешься к траве и кустам. Обычно подросшие выводки тетеревов держатся по краям неубранных овсяных полей, по лесным и болотным ягодникам.

Особенно интересна и трудна охота с легавой на вылинявших взрослых тетеревов-косачей. По косачиному следу долго и осторожно, припадая к земле, ведет охотника его любимая собака. Трудно угадать, где затаился, спрятался хитрый косач. Вот она останавливается, подняв переднюю ногу, замирает в мертвой стойке. Охотник осторожно обходит можжевельный куст, посылает

собаку вперед. С треском, блеснув белизною подкрыльев, вылетает из куста затаившийся косач.

Из русских летних охот охота на тетеревов с послушной легавой собакой доставляет охотнику наибольшее удовольствие. Он любит работу любимой собаки, радуется удачному выстрелу. Счастливый и бодрый возвращается с такой охоты.

ВАЛЬДШНЕПЫ

Еще в недавние времена весенняя охота на тяге и осенняя на вальдшнепиных высыпках с умной и чуткой легавой собакой была у русских охотников самой любимой и поэтической. О весенней охоте на тяге мне уже приходилось писать. Но есть интересная осенняя охота на вальдшнепиных высыпках.

Чуть-чуть тронулся, пожелтел на деревьях лист. В первом осеннем золоте стоят березы. По-прежнему густо зелены ольховые кусты на берегу реки. Идешь с умной собакой, приглядываешься. Вот, припадая к земле, верхним чутьем повела собака. Изредка она оглядывается на охотника, поспешно приготовившего к выстрелу ружье. Подойдя к густому кусту, в мертвой недвижимой стойке замерла собака. Чуть-чуть дрожит ее хвост, приподнята передняя лапа, вытянута шея с красивой ушастой головой. Охотник подходит к кусту, тихо командует:

— Вперед, Ринушка, вперед!

Шумно вылетает из куста длинноносая птица, быстро летит меж стволами деревьев. Умелому стрелку нетрудно застрелить вальдшнепа. Возьмешь в руки подстреленную, еще теплую птицу. Капельки крови видны на ее перьях, открыты черные, прекрасные, уже мертвые глаза. Разинут длинный клюв. Чудесно осеннее оперение вальдшнепа, так сливающееся с окраской земли, покрытой опавшими пожелтевшими листьями. Подвернув под крыло голову застреленной птицы, кладешь добычу в ягдташ. Дальше пускаешь разгоряченную собаку.

В жизни моей я знал обильные осенние вальдшнепиные высыпки. Идешь, бывало, — то и дело замирает на стойке собака. Я никогда не был слишком жадным охотником. Несколько удачных выстрелов вполне меня удовлетворяли. Вальдшнепы вылетали почти у самых ног, и я любовался полетом исчезавшей за деревьями птицы.

Особенно была распространена такая осенняя охота в Крыму и на Кавказском побережье. Множество охотников, подчас с плохими, но хорошо натасканными собаками, на весь день уходили на охоту. Со всех сторон слышалась пальба, крики и визг наказываемых собак. Раза два или три мне довелось побывать на такой охоте, и, сознаюсь откровенно, она не доставила мне большого удовольствия. Птиц было много, но еще больше было охотников, вооруженных самыми разнообразными ружьями, с большими и маленькими собаками, похожими на простых дворняжек.

Есть еще одна осенняя охота на вальдшнепов — на грязи. Там, где много скопляется этой

дичи, на лесных малоезженных дорогах, возле осенних луж, можно увидеть на грязи следы птиц и частые небольшие дырочки. Здесь точно кто-то тыкал в грязь гвоздем или заостренной палочкой. Сюда, на грязь, по вечерам слетались кормиться вальдшнепы. Своими длинными клювами прокалывая грязь, добывали они личинок и червяков. Охотник усаживался вблизи посещаемой вальдшнепами грязи. Спрятавшись за укрытием, он ждал вечера, когда вальдшнепы тихо подсаживались у своих вечерних кормежек. Стрельба в сидящего на грязи неподвижного вальдшнепа не доставляла мне удовольствия, и я никогда не занимался этой охотой.

На птичьих зимовках у южных берегов Каспийского моря я наблюдал «немую тягу» вальдшнепов. Каждый вечер вальдшнепы летели на кормежку на вспаханные поля. Здесь вальдшнепы не издавали обычных весенних звуков — хорконья, цвирканья, хорошо знакомых каждому русскому охотнику. Они летели молча, быстро и деловито. На вспаханных полях ночью их ловили местные жители-талыши. Я видел, как по полю движутся огоньки фонарей, с которыми бродили по пашне ловцы птиц. У одного из ловцов в руке был фонарь, другой держал в руках круглую сетку, похожую на рыболовную снасть. Ночью вальдшнепы вплотную подпускали к себе людей с зажженными фонарями, их за просто накрывали сетью.

Весенняя русская охота на тяге всегда была моей любимой. На такой охоте чуткий охотник слышит каждый звук пробуждающейся земли. Радостное, поэтическое чувство возникает в душе.

Недаром так любили эту весеннюю русскую охоту наши великие писатели и поэты.

Охота на тяге была, пожалуй, моей первой в жизни охотой. Я отчетливо помню, как отец в первый раз взял меня весною с собой на тягу. Помню и место, где мы стояли, пролетавших над вершинами невысоких берез птиц, выстрелы, вылетавшее из ружья, пугавшее меня пламя. С тяги мы возвращались полевой тропинкой уже в темноте. Я устал, отец посадил меня на каркушки, я обнял руками шею отца, и вместе с добытой дичью отец доставил меня домой. Эта давняя охота запечатлелась в моей памяти на всю жизнь.

Я всегда относился с любовью к вальдшнепам, к этой милой таинственной длинноклювой птице, открывавшей радостное время весны. Еще лежит в лесу широкими пятнами снег, а уже начинается первая пролетная богатая тяга. Вальдшнепы возглавляют весенний прилет птиц. С прилетом длинноносых гостей весенними звуками наполняется лес. Кукуют кукушки, распевают дрозды, начинает оживать лес. Жизнь пробуждается.

Еще долго продолжается весенняя тяга. Зеленой листвою покрылись березы. Покусывают, мешают стоять комары. Цветет по канавам, одевшись в подвенечное платье, красавица черемуха. Кончают токовать глухари. А все еще летят и летят по вечерам, цвиркая и хоркая, над зелеными вершинами берез длинноносые вальдшнепы.

Раза два или три мне доводилось находить гнездо вальдшнепов на земле под кустами. Как-то в начале лета, проходя лесом, я увидел у поленницы сложенных березовых дров стран-

ную, тяжело летевшую над землею птицу. Не сразу я узнал вальдшнепа, несшего в лапках уже подраставшего своего птенца. Вальдшнепы иногда переносят с места на место свой выводок, мужественно спасая птенцов от грозящей им опасности.

В долгой охотничьей жизни моей доводилось мне видеть богатые вальдшнепиные тяги. Еще в давней юности, начиная охотиться, я вместе с отцом стоял в березовом мелком лесу. Над нашими головами низко пролетали десятки птиц, хорканье и цвирканье раздавалось со всех сторон. Такой богатой тяги мне больше никогда не приходилось видеть.

Теперь вальдшнепиные тяги обеднели почти повсеместно. Гостию весной в Ясной Поляне, я однажды стоял в тех самых местах, где некогда

Лев Николаевич Толстой охотился на тяге со своим гостем Тургеневым. Цвела черемуха, пели дрозды, шла весна. Места для тяги были изумительные. Но над моей головой не пролетела ни одна птица.

ДУПЕЛИНЫЙ ТОК

Современным молодым охотникам редко приходится слышать о дупелиных токах — этой необычайно интересной, забытой теперь охоте. Излюбленной ружейными охотниками благородной болотной птицы — бекасов, гаршнепов и дупелей — с каждым годом становится меньше.

Даже в известных дупелиных местах, на кочковатых, поросших кустами болотах, где в былые времена ленинградские охотники брали за выезд на «высыпках» по двадцати — тридцати пар, редкому счастливому стрелку удастся взять двух-трех дупелей.

Очень возможно, что причиной оскудения угодий было несоизмеримое с прошлым обилие заядлых стрелков, осушка и вспашка болот, на которых гнездились и «высыпали» пролетные дупеля, а прежде всего безжалостное, безрассудное истребление всяческой дичи.

Бывалые охотники уверяют, что в некоторых

обильных болотную дичью местах (например, на Волховских поймах) до сего времени сохранились хорошие дупелиные тока. Признаться, рассказам таких охотников я верю мало.

По рассказам старых, опытных и правдивых охотников, существовали некогда дупелиные тока, на которые в весенние зори вылетали десятки и сотни маленьких длинноклювых птиц.

Распустив крылышки и хвосты с белой подпушкой, дупеля бойко бегали по избранному ими токовищу, обычно представлявшему собой небольшую, поросшую прошлогодней травой кочковатую площадку. Здесь происходили дуэли, скрещивались шпаги ревнивых бойцов, от зари до зари продолжалась весенняя любовная игра. Всю долгую весну дупеля слетались на свое излюбленное токовище, и даже выстрелы охотников не очень их пугали.

На дупелиных токах охотились затемно, иногда с огнем. Посредине дупелиного токовища с вечера ставили зажженный фонарь. Не страшась огня, бойкие птицы всю ночь бегали вокруг фонаря, и попадавших в луч света охотники стреляли на выбор. После выстрела увлекшиеся любовной игрой птицы обычно не улетали, и охота на дупелиных токах продолжалась до рассвета.

Первый и единственный раз в моей охотничьей жизни на дупелиный ток меня водил отец. В те времена мы жили в Смоленской губернии, среди прекрасных охотничьих угодий, и мои детские впечатления тесно связались с природой.

Не могу забыть окружавшего наше жилище леса, кишевших рыбой прудов, хозяйского теп-

лого дома с бревенчатыми стенами, от которых пахло смолою. В этих стенах, в окружавшем дом глухом лесу проходило мое детство. До сего времени волнуют меня воспоминания о первых охотах, на всю жизнь закрепивших горячую страсть.

Хозяин отца, богатый калужский купец и лесопромышленник Козлов, был тоже ярый охотник. Охотничьими богатствами славились скупленные им лесные имения, находившиеся под управлением отца.

В одном из этих имений, носившем название Мой Удел (на реке Осьме под городом Дорогобужем), был дупелиный ток. Приглашая отца на службу, хозяин-богач ему говорил:

— Можешь что угодно в имениях моих делать. Доверяю тебе все мое имущество бесконтрольно, на полную веру. Одно настрого запрещаю: не смей охотиться на моем дупелином току и никого на ток не пускай. Ток этот у меня заповедный. Если нарушишь приказ — не гневайся, прогоню...

Долгое время отец беспрекословно выполнял строгий хозяйский наказ. Но нетерпеливо сердце охотника. Однажды отец не выдержал — уж очень манила его редкостная охота.

Помню, я очень просился взять меня на дупелиный ток, и, по мягкости характера, отец уступил моим настойчивым просьбам. По весенней, еще не просохшей дороге мы ехали на беговых дрожках. Уже и в те времена мало оставалось таких богатых охотой мест. Это было еще не тронутое царство охоты. Множество уток, гусей и другой дичи пролетало над нашими го-

ловами. Мы слушали пение птиц, музыкальное журчание весенних ручейков, бесчисленные звуки наполняли окружавший нас сияющий и счастливый мир.

Ночью мы сидели в шалаше, накрытом камышом и осокой. Хорошо помню впечатление, которое произвела на меня эта первая в моей жизни охотничья ночевка. Мы провели вечернюю и утреннюю зори на дупелином току. Всю ночь мы слушали пробуждавшиеся весенние голоса. В щели шалаша был виден ток. Маленькие птички, важно распутив хвосты, шныряли вокруг шалаша, высоко подпрыгивали, дрались. Иногда они скрывались в высокой прошлогодней траве, и казалось, что вся трава шевелилась. Случалось, токующие дупеля подбегали к самому шалашу. Я близко видел их длинные клювы, грозно распушенные крылья. Сколько смешной важности было в их быстрых воинственных движениях! То и дело они схватывались, дрались и вновь разбегались. Мы любовались на них, как бы сидя в сказочном театре. Солнце уже восходило, но все жарче и страстнее разгорался удивительный дупелиный ток!

Множество голосов наполняло окружавшее нас озаренное утренним солнцем пространство. На опушке леса пели тетерева, крикали над рекой и озерками утки, страстно хрипели, проносясь в воздухе, дикие селезни. Чудесный, сказочный, звонкий окружал нас мир...

Отец не вытерпел, выстрелил. Два подстреленных дупеля затрепыхались в мокрой траве. Густой пороховой дым слоями растекся над токовищем. Мы долго не выходили из шалаша.

Даже после выстрела дупелиный ток продолжался.

Солнце поднялось над лесом и над извилистой, скрытой рекой. Над заливными лугами, как недвижимое волшебное озеро, разливался золотистый туман. Бесчисленные бекасы — «баранчики», падая и взлетая, токовали над нашими головами...

Воспоминание о дупелином токе и сказочном весеннем утре осталось на всю жизнь. Уже никогда больше не удалось мне побывать на такой редкостной охоте. Довольные и счастливые, возвращались мы домой.

Охота на заповедном хозяйском току не прошла отцу даром. О преступлении отца Козлову сообщил служивший в имении чахоточный конторщик-доносчик. Вскорости отец получил из Калуги письмо, в котором богатый хозяин Козлов сообщал, что не находит возможным оставлять отца на службе. К письму было приложено подтверждение, что отец оставляет службу «по собственному желанию».

Так печально закончилась наша охота на запрещенном дупелином току. Скоро на место отца прибыл новый управляющий, сухой маленький человек, совсем не интересовавшийся охотой.

Потеря службы была, разумеется, большой неприятностью. Но все же воспоминание о дупелином току, о чудесном утре на реке Осме осталось на всю долгую жизнь.

НА МЕДВЕЖЬЕЙ ОХОТЕ

К месту охоты мы мчались на хорошо откормленных, мотавших гривами и бодро фыркавших на морозе лошадках, запряженных в розвальни и возки.

После городской утомительной жизни чудесным казался ночной зимний лес: высокие сосны и мерцавшие под месяцем крутые снежные взгорки, и сокрытая в извилистых берегах, темневшая провалами речка.

Двадцать километров пути были легкой передышкой. Торопливо разбирая из саней ружья, разминаясь после дороги, вылезли мы на скрипучий снег у привала — в глухой лесной деревеньке, где проживал егерь, следивший за окладом. Городские охотники, собравшиеся на большую охоту, приобретают особенный, солидный вид. Мы с напускной важностью входили в избу, ставили в угол оружие.

Как водится, задолго до выхода на облаву в избе начались горячие споры.

Устроитель охоты, Захарыч, подробно рассказывал о сделанном им окладе.

Потревоженных дровосеками, залегших в новом месте зверей нашли и облаяли собаки. Медведи лежали в небольшом, тесно обрезанном кругу. Это обстоятельство требовало особенной осторожности при расстановке стрелков, ибо малейший шум мог испортить охоту. Зверя должен был выставять окладчик. Захарыч со своими верными помощниками — выдавшим на своем веку

всяческие виды седомордым Мурашом и молодым бойким Пиратом.

Опытные охотники-медвежатники хорошо знают, что для успеха в охоте прежде всего нужен порядок.

Отправляясь на большую охоту, стрелки должны быть готовы ко всяким случайностям. На зверовой охоте нельзя ничего предрешить. Ни один самый опытный егерь не может знать точно, как и куда пойдет зверь, какие случайности могут помешать стрелку на облаве. Большая наблюдательность, знание повадок и характера зверя, умение хорошо ориентироваться и особенно охотничье чутье — вот самые главные качества, которыми должен обладать опытный егерь-медвежатник. В нашем окладчике и устроителе охоты качества эти соединялись: он хорошо знал зверя и его повадки, имел прекрасных собак и умел хорошо руководить трудной охотой.

На больших, многолюдных охотах, в которых участвуют иногда неопытные горячие стрелки, о настоящей охоте имеющие представление только понаслышке, особенное значение имеет твердая дисциплина. Только дисциплинированных, точно подчиняющихся правилам облавной охоты стрелков можно ставить на номера. Малейшая оплошность — звук не вовремя заряжаемого ружья, неосторожное движение на номере — может погубить и сорвать охоту.

За столом, заваленным бумагою с распакованными закусками и принадлежностями для чистки ружей, всю ночь продолжались жаркие разговоры. В помещении было темно, скудный свет маленькой лампы едва освещал возбужденные

лица охотников. В низкие окна избы пробивался зеленоватый отблеск зимнего рассвета.

— Итак, товарищи, решено,— заканчивал свои наставления наш руководитель охоты Захарыч,— жребиев не будем кидать, на ответственные места мы поставим лучших стрелков с надежным оружием. В лесу не шуметь и не кричать. Во избежание несчастья, становясь на номер, каждый стрелок должен хорошенько осмотреться. Необходимо наблюдать, где стоят соседи. Со своих мест до окончания охоты не сходить. Зверя напускайте на выстрел как можно ближе.

— А если на соседа идет зверь и сосед не стреляет, можно стрелять?

— Ни в коем случае.

— А ежели на меня валит?

— Это дело другое. Помните хорошенько, товарищи стрелки, конечную цель нашей охоты: ни одного зверя живым из круга не выпускать, все звери должны быть взяты...

* * *

Чудесен украшенный тяжелою снежною нависью зимний лес. Мы останавливаемся на маленькой, окруженной густым лесом, прикрытой пухлым снегом полянке. Здесь остановка, курильщики могут выкурить последнюю папиросу.

Мы говорим шепотом, приглядываясь к окружающему нас снежному лесу, хранящему тайну сегодняшнего охотничьего успеха.

С утра крепко морозит, чуть тянет, сдувая

сухие снежинки с лесных макуш, морозный утренний ветерок.

По протоптанному окладчиками глубокому снегу мы погружаемся в таинственную глубину леса, покрывшего нас своей тишиной. Мы идем, осторожно шагая след в след, чтобы не хрустнула под ногою ветка, не сломался задетый стволами ружья хрупкий мерзлый сучок.

Вот останавливается передний, и вся вереница стрелков замирает. Я чувствую в глазах соседа тревожный вопрос: «Должно быть, сорвалось? Ушли звери».

Нет, звери от нас не ушли! От уха к уху бежит по цепи шепот, переданный от передового. Как ветерок по макушам деревьев, скользит этот шепот от человека к человеку:

— Здесь ждать!

— Здесь...

Шепот далеко замирает. Мы стоим в снегу долго. Минуты кажутся часами. И опять появляется сомнение: ушли, ушли звери!

Но вот из глубины леса выходит обсыпанный снегом окладчик. По его виду, по выражению потного и спокойного лица, по деловой походке мы догадываемся, что в окладе все благополучно.

Захарыч останавливается, машет нам вязаной рукавицей:

— За мной!

— Осторожней, товарищи, осторожней!

Мы опять идем друг за дружкой, прислушиваясь к глубокой тишине леса, — шестеро гуськом растянувшихся охотников-стрелков.

— Тсс!

По знаку передового мы останавливаемся.

Здесь начинаются стрелковые номера. В глубоком рыхлом снегу обтоптаны места для стрелков. Распорядитель охоты разводит и ставит на обозначенные им номера участников охоты. Номера расположены близко, сквозь лесную заснеженную чащу стрелки хорошо видят друг друга. Устанавливая стрелков, Захарыч палкой очерчивает на снегу угол обстрела, строго поглядывает сквозь очки, шепчет последние наставления:

— Зверя напускайте ближе. Замечайте, где стоят ваши соседи. Помните хорошенько: зверь лежит близко.

* * *

Мое место под елкой-двойняшкой, вершинами своими уходящей в снежную лесную высь. Я обтаптываю мягкий, сыпающийся снег, оглядываю своих соседей, одетых в белые балахоны. За темными стволами деревьев их фигуры сливаются со снежной белизною.

Дятел глухо долбит за моей спиной. Этот привычный лесовой звук не нарушает торжественной тишины зимнего леса. Над головою, на сухом стволе елки, тихонько попискивая, возится пухлая на морозе синичка. Она как бы интересуется гостем, я близко вижу тоненький ее носик, маленькие бусинки-глазки.

Я вглядываюсь в снежную глубину леса. Там, за густыми деревьями, в нескольких десятках шагов, лежат в своей берлоге медведи, не подозревая нависшей над ними смертной беды.

Передо мною открытая, как бы нарочно проложенная, покрытая глубоким снегом просека-

чистинка. Над просекой далеко видно в лесной снежной чащобе. Эта лесная чистинка — самое удобное для стрельбы место, и, как бывало в детстве, я загадываю перед охотой: «Хорошо, чтобы по этому удобному месту вышел на меня зверь...»

Наверное, справа и слева товарищи-стрелки также загадывали о своей удаче, оглядывая место, и каждый надеялся выиграть в охотничью лотерею. Я еще раз осматриваю соседа, смутно виднеющегося в белом балахоне. Он, как и я, обтаптывает место, напряженно вглядывается в окружающую его лесную чащобу...

Я опраляю пояс, заряжаю и внимательно осматриваю ружье. Поднимать или не поднимать на тройнике прицельный щиток? Как нестерпимо медленно тянутся эти предшествующие гону минуты! Синичка возится над моей головой, и я слышу, как валяются сверху сбитые ею соринки.

Как бывает почти всегда, гон начался в ту самую секунду, когда меньше всего ожидаешь. Одновременно с лаем собаки в окладе раздался глухой винтовочный выстрел. «Стреляют, — что это значит?» — подумалось невольно.

Казавшийся незлобным лай собак доносился из глубины леса. Собаки переместились, и я отчетливо услышал знакомый лай старого Мураша. Про себя я подумал: «Неужто так спокойно лает Мураш на зверя?..»

Бежавшего на меня зверя я увидел, когда уже утратилась, казалось, надежда. Переваливаясь по снегу, он вдруг показался в самом конце узкой чистинки. Зверь шел, как по заказу, серединой облюбованной мною просеки-чистинки. Я видел

круглую его спину, широкую голову с маленькими ушами. Старчески лая, за ним на почтительном расстоянии следовал старый Мураш.

Я стоял неподвижно, держа на прицеле надвигавшуюся темную тушу. В прорезь мушки была видна седая от осыпавшегося снега косматая холка.

Не замечая меня, зверь шел неторопливо. Шагах в шести он остановился. Я близко видел круглое туловище, тупые, торчавшие на голове уши. Лежавшая на снегу сухая еловая макуша закрывала голову зверя. Он стоял как бы в раздумье перед макушей, перегородившей ему дорогу.

После выстрела, прозвучавшего в лесу одиноко, зверь опустился на снег. Как бы желая хорошенько проверить, опытный Мураш, не раз побывавший в опасных схватках, не приближаясь, сделал большой круг возле лежавшего на снегу смертельно раненного зверя и опять деловито направился в лес...

Через час стрелки и загонщики стояли над убитыми зверями: медведицей и двумя лончаками. Охота была проведена успешно.

Стоя в сторонке, я смотрел на труп зверя, ставшего для меня теперь незанимательной вещью. Мое внимание привлекала маленькая синичка, еще недавно вертевшаяся над моей головой. Почувяв кровь, голодная птичка жадно кружилась над лежавшими на снегу зверями. Не страшась людей, она перепархивала под ногами стрелков, садилась на стволы ружей, жадно припадала на снег, пропитавшийся кровью.

Голодная маленькая синичка провожала нас до самой дороги. Она настойчиво перелетала за людьми, вытаскивавшими убитых зверей на дорогу. Сидя в санях, я видел, как перепархивает она с куста на куст вдоль дороги, по которой двигались нагруженные подводы. Казалось, она не хотела расстаться с убитыми медведями и, оплакивая, провожала их в последнюю дорогу.

* * *

Ровно через неделю мне довелось еще раз охотиться в тех же краях на медведя. На сей раз охота была устроена очень поспешно, нас, охотников-стрелков, собралось немного. Добравшись до места, мы узнали, что медведицу накануне стронули с берлоги неопытные охотники и, нестреляная, она ушла в лес.

Взяв свежий след, к вечеру мы обошли зверя с краю чистого соснового болота. Это было не очень удобное для оклада место. Зверь, возможно, лежал на чистине и далеко видел. Чтобы не ис-

пугать зверя, пришлось сделать большой круг, и на другой день еще поутру отправились мы на охоту.

За отсутствием лишних стрелков пришлось развесить с флангов красные флажки. Известно, медведь не очень страшится таких флажков, почти всегда останавливающих волка и лисицу, но другого средства не было, и чтобы вернее выправить зверя, от стрелкового фланга были протянуты по болоту две линии красных флажков.

На сей раз, сообразно с ветром, стрелки были поставлены в центре — на пяте зверя. Мне выпал отдаленный крайний номер, где открытое чистое болото переходило в густой низкий сосняк. Стоя на месте, я совсем не видел своего соседа, расположившегося на болоте.

В пятидесяти шагах начиналась линия флажков. Сквозь редкие сосны я видел небольшие просветы, пухлые шапки пушистого снега, лежавшего на деревьях.

Так же, как в первую нашу охоту, зверь не выходил долго, и, стоя на номерах в легкой одежде, мы успели порядочно продрогнуть. Наконец послышался сердитый лай Мураша и Пирата. Казалось, собаки топтались на месте. Минут через пять я увидел мелькнувшего впереди зверя. Скрывшись за мелкими соснами, он остановился и, видимо, слушал.

Скоро я опять увидел быстро бежавшего зверя. Пыля снежной пылью, с поразительной быстротой он мчался среди кустов на флажки. Мелькая за соснами, он мчался по глубокому снегу, не разбирая препятствий. Расстояние для

верной стрельбы было дальше, но зверь уходил из круга, и я решился стрелять наудачу.

Я выстрелил, когда зверь переваливал белую небольшую чистинку. После первого выстрела (я стрелял из нижнего нарезного ствола тройника) мне показалось, что зверь немного присел. Пуля, видимо, задела его. Прорвав линию флажков, не изменяя направления, он кинулся в лес из круга. За стволами деревьев была видна мешковатая, скрывавшаяся в лесу темная туша. Не отнимая ружья от плеча, я пустил в след жакана¹. Удачно пущенная пуля на сей раз хорошо угодила, — раненый зверь громко рявкнул и круто сел. Я успел выпустить третью пулю и зарядить ружье. Оседая и волоча задние ноги, медведь скрылся в лесу.

Только охотники, увлеченные своей страстью, могут понять это охватившее меня чувство. Нарушая правила охоты, я побежал следом за раненым зверем. На месте, где медведя настигла вторая пуля, на снегу расплывалась огромная лужа крови. Кровь лила густо, темной полосой заливала скрывшийся в лесу след. Между двух белых берез ошалевший от боли зверь на некоторое время застрял. Здесь, под березами, было особенно много черной, запекшейся на снегу крови. По количеству крови видно было, что рана серьезная: зверь не мог далеко уйти.

Меня обогнали мчавшиеся по следу, задыхавшиеся от волнения собаки. Скоро я услышал

¹ Так называются разрывные свинцовые пули, предназначенные для стрельбы из охотничьих ружей.

их лай. Вместе с товарищем, догнавшим меня, мы кинулись за медведем.

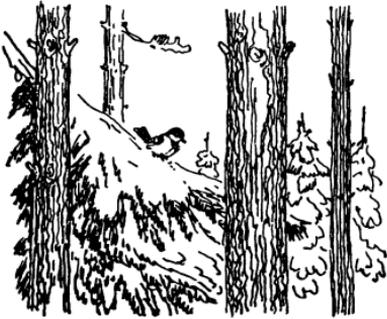
Раненого зверя нам пришлось увидеть на краю болота. Повернувшись к наседавшим собакам, он лежал на небольшой светлой чистинке, злобно смотря на собак маленькими своими глазками. Собаки не решались приблизиться к зверю и дружно облаивали его со сторонки.

Завидев людей, собаки яростнее стали наседать на зверя. Боясь его упустить, товарищ поднял ружье, выстрелил и... промахнулся. После выстрела зверь тяжело поднялся.

Мне пришлось добивать. Целясь в сердце, я выстрелил в стоявшего на дыбах медведя. Как потом оказалось, все мои пули попали в цель, а вторая пуля раздробила артерию.

А все же с такой смертельной раной сильный зверь прошел из оклада не менее полкилометра и, пожалуй, при встрече с растерявшимся охотником мог бы натворить больших бед.

ПОТРЕВОЖЕННАЯ

В начале марта мне пришла телеграмма: «Выезжай немедленно, обложили медведя!» Мне давно хотелось побывать на медвежьей облаве, и, не откладывая, я за восемьдесят километров выехал на лошади.

В колхозе мне рассказали, как подняли медведицу. Два парня ходили на лыжах за белками. Они ходили по лесу и разглядывали на деревьях беличьи гнезда — гаюшки. Под большой частой елкой парень остановился, долго смотрел на густую макушу. Случайно он поглядел вниз. Там из-под нависших, прижатых снежной нависью еловых лап в упор глядела на него медведица. Парень хотел повернуться, заступил лыжей и повалился в снег. Медведица зарычала, перескочила через охотника и пошла.

Парень лежал долго, потом осмелел, открыл один глаз. Медведицы не было, а в лес уходил свежий след. Охотник поднялся, стал на лыжи и крикнул товарища. Вместе они прибежали в деревню.

На другой день колхозники пошли проверить. Под елкой, на снегу, в покинутой берлоге лежал новорожденный маленький медвежонок, уже замерзший: медведица к нему не вернулась. Ее обошли далеко, за несколько верст. Она ходила очень хитро, дорогами, скрывая следы. Ут-

ром мы выехали на облаву. На месте выяснилось, что ночью медведица вышла из круга. Мы решили, что она пошла искать медвежонка, и вернулись к берлогу.

Догадка была верна: медведица лежала в кругу с медвежонком. В лесу мы расставили загонщиков и крикунов; выбрав место, я стал с ружьем на лазу. Охота, однако, не удалась: потревоженная медведица, зачуяв опасность, пошла прямо на крикунов и безнаказанно прорвалась из круга облавы.

После ухода медведицы мы лазили в круг проверять. На снегу по следам все было видно. Медведица ночевала в старой своей лёжке, а мертвого медвежонка она перенесла на другое место и закопала под большой пень. Мы откопали похороненного медвежонка. Он был величиною с мою зимнюю шапку, совсем такой, каких продают в игрушечных магазинах. Лесные синички уже успели выклевать у мертвого медвежонка один глаз.

Я ждал несколько дней, но так и не довелось нам устроить вторую облаву. Медведица пошла дорогами, не останавливаясь и делая петли, обложить ее не удалось.

Самое удивительное, что лежала медведица, не имея настоящей берлоги, под елкою, на снегу. Быть может, ее потревожили с осени, и она покинула приготовленную ею первую, настоящую берлогу. Лежала она в нескольких саженьях от линии железной дороги, шум проходивших поездов ее не тревожил.

Кто из охотников не испытал этого радостного чувства! Утром проснешься — особенный, мягкий видится в окнах свет.

Выпала пороша!

Еще в детстве незабываемо радовались мы первому снегу. Выбежишь, бывало, на поле за ворота — такая засверкает, заблестит вокруг ослепительная белизна! Праздничной скатертью покрыты поля, дороги, отлогие берега реки. На белой пелене снегов отчетливо рисуются лесные опушки. Белые пушистые шапки висят на деревьях. Особенными, чистыми кажутся звуки, дальние голоса. Выйдешь в открытое поле — больно глазам от снежной сверкающей белизны. Заячьими, лисьими, птичьими следами расписана белая скатерть снегов. Ночью на озимях кормились, «жировали» зайцы-русак. Во многих местах почти до самой земли вытоптан снег, под обледенелою коркою видна свежая зелень. Неторопливо топтался по озими ночью русак. Раскидывая по следу круглые орешки помета, он то и дело присаживался, насторожив уши, чутко прислушивался к ночной тишине, к ночным дальним звукам.

Даже опытному охотнику трудно разбираться в путаной грамоте ночных следов. Чтобы не тратить время, он проходит кромкою озимого поля. Здесь, у лесной опушки, по склону оврага, длинную строчкой тянется опрятный лисий след. На заросшей можжевельниковыми кустами, окружен-

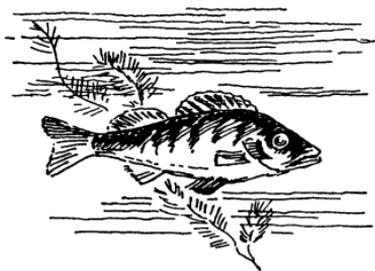
ной березами поляне бродят тетерева. Крошки пушистого чистого снега рассыпаны вдоль перекрещенных цепочек их свежих следов. С шумом взлетели тяжелые птицы и, роняя с ветвей снежные рассыпчатые шапки, торопливо рассаживаются на дальних голых березах...

Уходя на лёжку, заяц-русак хитрит, петляет, сдвигает и стирает следы, делает хитрые сметки. Опытный охотник зорко приглядывается к местности, к заячьим петлям и сметкам, к запорошенным снегом кустам и лесной опушке. Прометливый охотник почти безошибочно угадывает место, где залег, прячется русак. Из своей скры-

той лёжки, прижав к спине длинные уши, заяц следит за движениями человека. Чтобы не испортить дело, охотнику не следует идти прямо на лёжку, а нужно проходить стороною и зорко в оба смотреть. Нередко бывает так, что заяц незаметно «спорхнет» со своей лёжки, и по простывшему «гонному» следу незадачливый охотник догадается, что хитрый заяц его надул, ушел из-под самого носа.

Тропление зайцев по свежей мягкой пороше я всегда считал самой интересной зимней охотой, требующей, от охотника выдержки, большой наблюдательности и терпения. Нетерпеливым, суетливым и жадным охотникам лучше не браться за такую охоту. Подобная любительская охота редко бывает добычливой — иной раз приходится долго ходить, чтобы вытропить и застрелить зайца. Да и мало осталось теперь добычливых мест, где сохранилось много непуганых русаков. Для настоящего, то есть нежадного и несуетливого охотника охота по первым зимним порошам доставляет много наслаждения. Чудесен зимний день, легка и чиста пороша, на которой отчетливо отпечатаны следы птиц и зверей, прозрачен и свеж зимний воздух. Можно долго бродить по полям и лесным опушкам, разбираясь в мудреной грамоте ночных следов. Если неудачной окажется охота и без всякой добычи вернется домой усталый охотник, все же радостным, светлым останется в его памяти незабываемый день зимней пороши.

Первые охотничьи вылазки научили меня хорошо видеть и слышать, бесшумно и скрытно ходить по лесу, подслушивать лесные звуки и голоса. Спрятав-

шись за стволом дерева, я видел, как перебегают по моховым кочкам проворные рябчики, как с шумом срывается из-под ног тяжелый глухарь. В заросшем осокою и кувшинками пруду я наблюдал утиные выводки, видел, как плавают и ныряют маленькие пушистые утята.

В пруду было много всяческой рыбы. По утрам с удочкой в руках я сидел на берегу, следя за маленьким поплавком, сделанным из гусяного пера. По движению поплавка я узнавал, какая клюет рыба. Было приятно вытаскивать из воды трепещущих на крючке золотистых карасей, колючих окуней, толстоспинных серебряных голавлей, красноперых плотичек, толстых маленьких пескарей. Вместе с отцом мы ставили на щук жерлицы. Иногда нам попадались крупные, почти пудовые щуки. Отец подтягивал добычу к лодке-поскодонке. Мы осторожно вытаскивали, клали в лодку извивавшуюся сильную щуку, широко раскрывавшую зубастую пасть. В пруду водились жирные лини. В густой подводной траве мы ставили на линей плетеные верши — «норота». Я сам вынимал из поднятой верши покрытых слизью золотистых тяжелых рыб, бросал на дно плоскодонки. Почти всякий день мы возвращались с богатой добычей.

Я хорошо знал все заветные уголки знакомого мельничного пруда, его тихие заводи и заводинки, заросшие цветущей розовой водяной кашкой, над которой гудели пчелы, летали и повиляли в воздухе прозрачные стрекозы. Видел таинственное, изрытое прудовыми ракушками дно, по которому скользили тени тихо проплывавших рыб. Чудесный подводный мир раскрывался перед моими глазами. По зеркальной глади, отражавшей белые высокие облака, быстро бегали пауки-челночки. Под темно-зелеными листьями водорослей плавали жуки-плавунцы.

В жаркие летние дни маленьким бреденьком мы ловили в открытых заводях рыбу. Было приятно брести в теплой воде, тащить к берегу деревянные мокрые «клячи», вытаскивать облепленный водорослями бредень. В широкой мокрой мотне билась и трепыхалась крупная и мелкая рыба. Мы вытаскивали на берег наполненную рыбой мотню, отбирали крупную рыбу, мелочь бросали в воду. На костре варили уху. Усевшись в тени зеленой береговой листвы, хлебали ее деревянными круглыми ложками. Удивительно вкусна, душиста пахнувшая дымом костра простая рыбацья уха из свежей рыбы, пойманной своими руками.

В летнюю пору, когда голубыми звездочками зацветал на полях лен, мы ходили ночами на дальнюю речку ловить раков. В эту пору перелинявшие голодные раки жадно шли на приманку. Приманкой служили поджаренные на костре лягушки, мелкие рыбки. Лягушек и рыбок мы привязывали к концам длинных палок, опускали приманки у берега на дно реки. Время от вре-

мени, посидев у костра, мы обходили расставленные приманки, к которым присасывались голодные раки. С фонарем в руках осторожно поднимали приманку, подводили под нее небольшой сачок и стряхивали в него налипших на приманку раков. Ночная ловля раков была очень добычлива. Мы возвращались домой с мешками, наполненными живыми шептавшимися раками.

И в пруду, и в реке раков водилось множество. Руками ловили их под берегом в глубоких печурах, под камнями на дне неглубокой реки, быстро бежавшей по каменистому скользкому дну. Живо помню, как, засучив порточки, бреду по бегущей воде и, осторожно отвалив на дне плоский камень, в облачке поднявшейся легкой мути вижу притаившегося клещатого рака. Тихонько подвожу руку, хватаю пальцами за черную крепкую спинку сердито растопырившегося рака, кладу в мешок.

Темными летними ночами мы ловили раков на песчаных отмелях в пруду. С пучком полыхавшей сухой березовой лучины осторожно обходили отмели, руками брали на освещенном дне подползавших к берегу раков. Эта ночная охота доставляла нам большое и радостное удовольствие.

Позднею осенью, когда вода в пруду становится прозрачной и длинны, темны осенние ночи, отец брал меня иногда на охоту с «подсветом». С острогами в руках мы выезжали на лодке-плоскодонке. На носу лодки, в железной рогатой «козе» ярко горели смолистые сосновые дрова. Лодка тихо скользила по водной недвижной глади. Полыхал и дымил на носу лодки костер, озаряя нависшие над водою ветви кустарников

и деревьев, заросшее водорослями дно пруда. Глазам открывалось подводное сказочное царство. У песчаного, освещенного костром дна мы видели длинные тени крупных спящих рыб. Нужна хорошая сметка, точный глаз, чтобы заколоть острой в воде спящую рыбу. Заколотых рыб стряхивали с остроги на дно лодки. Попадались широкие лещи, длинные щуки, язи, скользкие налимы. Навсегда запомнилась эта ночная охота. Неузнаваемым казался знакомый пруд. Проездив всю ночь, мы возвращались с добычей. Не столько добыча, сколько сказочная картина освещенного костром дна радовала меня и волновала.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Калерия Жехова. И. С. Соколов-Микитов 5

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Восход солнца	13
Русская зима	15
Март в лесу	20
Звуки весны	24
Сполохи	27
Звезды	29
Вертушинка	31

РУССКИЙ ЛЕС

Русский лес	39
Дуб	43
Береза	45
Ель	47
Сосна	49
Липа	51
Осина	53
Клен	55
Ольха	56
Ива	57
Можжевельник	59
Рябина	61

Черемуха	62
Калина	63
Подснежники-перелески	64
Сон-трава	65
Купальницы	66
Колокольчики	68
Незабудки	—
Медуница	69
Волчье лыко	70
Ландыш	—
Одуванчик	71
Иван-чай	72
Иван-да-марья	73
Кислица	—
Ночные фиалки	74
Ромашки	75
Кошачьи лапки	—
Калужница	76
Таволга	77
Васильки	79
Северные цветы	81

ЗВУКИ ЗЕМЛИ

Звуки земли	85
Жаворонок	86
Скворцы	88
Дрозды	92
Соловьи	95
Дергач	98
Перепел	100
Журавли	104
Лебеди	106
Цапли	110
Ласточки и стрижи	112
Голуби	118
Воробьи	121
Клесты	124
Удод	127
Сойки	129

Иволга	130
Кукушонок	—
Трясогузки	133
Синицы	137
Дятлы	139
Снегири	142
Поползень	144
Оляпки	147
Зимородок	149
Кулики	151
Щур	154
Сороки	157
Вороны	160
Ворон Петька	163
Грачи и галки	166
Пугач	171
Совы	178
Сыч-воробей	182

ЗВЕРИ В ЛЕСУ

Лоси	189
Медведи	195
Медведь-проводной	204
Большой	205
Сладкоежки	206
Волки	208
Найденов луг	218
Лисицы	227
Белки	232
Барсуки	236
Горностай	240
Ежи	242
Выдры и норки	247
Бурундук	249
Заяц	250
Последний русак	252
Бобры	254
Муравьи	260

РАССКАЗЫ СТАРОГО ОХОТНИКА

Ловчие птицы	267
Глухари	272
Тетерев	279
Вальдшнепы	287
Дупелиный ток	292
На медвежьей охоте	297
Потревоженная	308
Пороша	310
На рыбной ловле	313

* * *

К читателям

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Соколов-Микитов Иван Сергеевич

НА ТЕПЛОЙ ЗЕМЛЕ

Ответственный редактор **Н. Е. Дубань**
Художественный редактор **Н. Э. Левинская**
Технический редактор **И. П. Савенкова**
Корректоры **Г. Ю. Жильцова, К. И. Каревская**

ИБ № 9483

Сдано в набор 20.07.87. Подписано к печати 18.11.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 17,22. Уч.-изд. 11,57. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6766. Цена 85 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Scan Kreyder - 17.12.2019 - STERLITAMAK

